

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40504

Почтовый индекс журнала 24821

**Правовое поле
современной экономики**

2012, № 7

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Правовое поле современной экономики», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Глушенко П.П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный адвокат России

Кайнов В.И., заведующий кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Коваленко А.Г., профессор кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Крутник И.А., доктор экономических наук, профессор

Лысенко И.В., кандидат экономических наук, доцент

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Смирнов Е.Б., доктор экономических наук, профессор

Титов В.А., начальник кафедры тылового обеспечения органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, доцент

Хабибулин А.Г., доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Шемелин А.В., заведующий кафедрой хозяйственного права Читинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Правовое поле современной экономики, 2012

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ**Собственность и ее правовая защита. Право как социальный регулятор общественных и экономических процессов**

<i>Савенков А.Н., Савенков А.А.</i>	Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании	7
---	--	---

<i>Антонов И.А., Антонова Л.Г.</i>	Право на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в системе прав личности в сфере уголовного судопроизводства.....	17
--	---	----

<i>Мирзоев С.Б.</i>	Конституционный контроль: некоторые современные модели	22
---------------------	--	----

<i>Малуева Е.С.</i>	Способы совершения преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов	30
---------------------	--	----

**Правовые и экономические системы.
Политическая система общества и экономика**

<i>Кондрат И.Н.</i>	Права и законные интересы человека и гражданина: международно-правовое регулирование в области уголовного процесса	35
---------------------	---	----

<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н.</i>	Эффективность государственной политики и правовое регулирование	50
--	---	----

<i>Волчков Д.И.</i>	Современная уголовная политика и деятельность учреждений, исполняющих наказания (организационно-правовой аспект)	56
---------------------	---	----

Правовая культура и экономическая жизнь общества

<i>Алиев Я.Л., Сальников П.П.</i>	Правовая реальность и формирование традиций полиции	61
---------------------------------------	---	----

<i>Васильева Г.М., Горленко В.А., Кондрат И.Н.</i>	Реализация права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок	76
--	---	----

<i>Варлачева А.В.</i>	Азартные игры в России: история государственного регулирования и современность	80
-----------------------	---	----

**Правовые основы рыночной экономики. Правовое обеспечение
региональной экономики. Налогообложение и налоговое право**

<i>Дидыч Т.О.</i>	Генезис понимания правообразования	84
-------------------	--	----

<i>Куликова Ю.П.</i>	Зарубежный опыт интеграционных моделей: технопарки	87
----------------------	--	----

Экономика и управление производством. Правовое регулирование рынка труда

<i>Бобровник С.В.</i>	Преимущества антрополого-коммуникативного подхода к исследованию правового компромисса и конфликта как средства защиты социальной коммуникации	90
-----------------------	--	----

Никонова Н.А.	Демократический транзит в Бразилии	94
Финансы и денежное обращение. Финансовое и бюджетное, банковское и валютное право. Финансовый контроль		
Кондрат Е.Н.	Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль: проблемы стандартов	97
Ильин Н.И.	Направления совершенствования системы управления финансами крупной организации	105
Гражданское и предпринимательское право. Гражданский и арбитражный процесс		
Гольцов В.Б.	О природе общественных отношений в подразделениях Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации	110
Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты окружающей среды		
Бабаджанов И.Х.	Возникновение правосубъектности человека: некоторые дискуссионные вопросы истории и современности	122
Пиров М.Т.	Глобализация в современном мире и борьба с торговлей людьми в Республике Таджикистан	130
Физические и юридические лица, корпоративное право. Преступления и иные правонарушения в сфере экономической деятельности. Примириительные процедуры и разрешение экономических споров		
Александров Р.А., Кондрат И.Н., Ретунская Т.П.	Правовая регламентация доказывания обновляется, но проблемы остаются	134
Зоиров С.Д.	Проведение отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств в России и Таджикистане	141
Информация для авторов		
145		

CONTENTS

Property and its legal protection. Law as a social regulator of social and economic processes

Savenkov A.N., Savenkov A.A.	How to defeat corruption: legal practices of the United Kingdom	7
Antonov I.A., Antonov L.G.	The right to compensation for damage caused by the crime, in the system of individual rights in criminal proceedings	17
Mirzoev S.B.	Constitutional control: some contemporary models	22
Malueva E.S.	Ways of committing crimes related to the theft of State non-budgetary funds resources	30

Legal and economic system. Political system of society and economics

Kondrat I.N.	Rights and legitimate interests of the individual and citizen: international legal regulation in the area of criminal procedure	35
Artamonova G.K., Gorbashev V.V., Ol'e E.M., Reuf V.M., Yakovlev O.N.	Effectiveness of state policy and legal regulation	50
Volchkov D.I.	Modern criminal policy and activities of penal institutions (organizational and legal aspects)	56

Legal culture and economic life of society

Aliev Ya.L., Sal'nikov P.P.	Legal reality and formation of police traditions	61
Vasil'eva G.M., Gorlenko V.A., Kondrat I.N.	Enforcement of the right to judicial inquiry of criminal case within a reasonable time period	76
Varlacheva A.V.	The state regulation of gambling games in Russia: history and modernity	80

Legal foundation of market economy. Legal enforceability for regional economy. Taxation and tax law

Didych T.S.	Genesis of understanding of law formation	84
Kulikova Yu.P.	Foreign experience of integration models: technological parks	87

Economics and production management. Legal regulation of the labour market

Bobrovnik S.V.	Advantages of anthropo-communicative approach to the study of legal compromise and conflict as a means of protection of social communication	90
Nikonova N.A.	Democratic transit in Brazil	94

Finance and circulation of money. Finance, budget, banking and monetary law. Financial control

<i>Kondrat E.N.</i>	External state and municipal financial control: problems of standards	97
<i>Ilyin N.I.</i>	Directions of perfection of the control system of the finance of the large organization	105

Civil and business law. Civil and arbitration proceedings

<i>Gol'tsov V.B.</i>	On the nature of social relations in units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations	110
----------------------	---	-----

Human, society and state security. Environmental security and legal aspects of the environment

<i>Babadzhanov I.Kh.</i>	Origin of human juridical personality: some debating issues of history and modern times	122
--------------------------	---	-----

<i>Pirov M.T.</i>	Globalization in the modern world and the fight against human trafficking in the Republic of Tajikistan	130
-------------------	---	-----

Natural and legal persons, corporate law. Crimes and other offences in the area of economic activities. Conciliations and resolution of economic disputes

<i>Aleksandrov R.A., Kondrat I.N., Retunskaya T.P.</i>	Legal regulation of proof is updated but problems remain	134
--	--	-----

<i>Zoirov S.D.</i>	Conducting particular investigative actions for criminal cases of offences in the area of illegal drug trafficking in Russia and Tajikistan	141
--------------------	---	-----

Information for the authors	145
-----------------------------------	-----

СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА. ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

САВЕНКОВ Александр Николаевич,
заместитель председателя Комитета Совета
Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации по конституционному законодательству,
правовыми и судебными вопросами, развитию
гражданского общества; заместитель
Генерального прокурора Российской Федерации –
Главный военный прокурор (2002 – 2006 гг.);
первый заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (2006 – 2008 гг.); почетный
работник прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, генерал-
полковник юстиции
E-mail: ANSavenkov@council.gov.ru

САВЕНКОВ Артем Александрович,
юридический факультет МГУ им. Ломоносова
E-mail: ANSavenkov@council.gov.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная
деятельность

КАК ПОБЕДИТЬ КОРРУПЦИЮ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В статье исследуется международный опыт борьбы с подкупом
иностранных должностных лиц; отмыванием денежных средств, полученных преступным
путем; иными должностными преступлениями и участие Российской Федерации в
законодательном обеспечении противодействия коррупции как внутри страны, так и за
рубежом.

Авторы вносят предложения по совершенствованию российского законодательства,
правоохранительной деятельности, а также работы федеральных органов исполнительной
власти, направленные против этой угрозы национальной безопасности России.

Ключевые слова: противодействие коррупции; преступность; международное
сотрудничество; международные конвенции против коррупции; оказание правовой помощи;
правоохранительная деятельность; эффективность антикоррупционных мер;
ответственность юридических лиц; конфискация преступных доходов; подкуп иностранных
должностных лиц; выявление преступлений; угроза национальной безопасности.

SAVENKOV A.N.
SAVENKOV A.A.

HOW TO DEFEAT CORRUPTION: LEGAL PRACTICES OF THE UNITED KINGDOM

The summary. The authors examine the international experience of fighting against bribery; money-laundering, got in illegal way; other official crimes and the participation of the Russian Federation in counter-corruption legislation domestically and abroad.

The author proposes the ways of the Russian legislation improvement, law enforcement activities as well as discharge of duties by the federal bodies of the executive power, aimed against the threat of national security of Russia.

Key words: corruption enforcement; crime; international cooperation; international Conventions against corruption; rendering legal assistance; law enforcement activity; effectiveness of anti-corruption measures; corporate responsibility; confiscation of the proceeds from crime; bribe of foreign officials; crime exposition; threat of national security.

Коррупция, отмывание денег, финансирование терроризма, налоговые, иные финансовые преступления могут представлять угрозу стратегическим, политическим и экономическим интересам как развитых, так и развивающихся стран. Как правило, их совершение становится возможным в результате несовершенных правовых систем и правового регулирования, отсутствия правоприменительной практики и неэффективного межведомственного сотрудничества. Результаты криминологических исследований свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях в развитии коррупционной преступности и ее устойчивой взаимосвязи с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом. Организованные преступные формирования, действующие в экономической сфере, срашиваясь с коррумпированными чиновниками и сотрудниками правоохранительных органов, легализуют значительную часть теневых капиталов, осуществляют рейдерские захваты и иные криминальные действия с целью обогащения. Без участия коррумпированных должностных лиц лоббирование криминальных интересов организованной преступности и защита ее участников от уголовного преследования и правосудия были бы существенно затруднены или невозможны.

В рейтинге восприятия коррупции в странах мира, ежегодно составляемом организацией Transparency International, Россия в 2011 году заняла 143 место. А среди 28 крупнейших стран мира, в ноябре 2011 года, российские показатели коррупции упали на самый низкий уровень с 2007 года. Конечно же, с этим мириться нельзя.

В этой связи, как никогда актуален призыв

Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Мы должны победить коррупцию. Борьба с коррупцией должна стать подлинно общегосударственным делом». Такая оценка ситуации и постановка задачи наглядно характеризует ситуацию в стране, поскольку слишком серьезен и опасен для государства вызов, брошенный коррупцией не только престижу и имиджу страны, но и нашей национальной безопасности. Одновременно В.В. Путин заявил о преемственности курса и указал направления его совершенствования: «Мы будем действовать последовательно, осмысленно и решительно. Устраняя фундаментальные причины коррупции и карая конкретных коррупционеров. Создавая мотивацию для тех людей, которые готовы служить России верой и правдой. В итоге мы должны добиться, чтобы репутационные, финансовые, материальные и другие риски делали бы коррупцию невыгодной. Здесь полезно посмотреть на антикоррупционные практики стран Европы – они умеют отслеживать такие вещи» [2].

В связи с последним, представляет интерес опыт борьбы с коррупционной преступностью в Великобритании, ведущий свой отчет с середины XVI века.

Действующее британское антикоррупционное законодательство имеет сложный характер. Соответствующие нормы рассредоточены в целом ряде источников общего (прецедентного) и статутного (состоящего из принятых Парламентом Великобритании актов) права.

Впервые британские законодатели обеспокоились проблемой подкупа должностных лиц в 1551 году – уже тогда был принят Закон о подкупе государственных служащих (Sale of Of-

fices Act 1551) [10]. В документе давалось определение коррупции, а также приводился список должностных лиц, подкуп которых рассматривался как преступление.

До последнего времени в Великобритании нормативно-правовая база в области противодействия коррупции строилась вокруг следующих имеющих равную юридическую силу источников статутного права: Закона о практике подкупа 1883 г. (Corrupt and Illegal Practices Prevention Act 1883) [3], Закона о муниципальных выборах 1884 г. (Municipal Elections Act 1884) [6], Закона о практике подкупа публично-правовых учреждений 1889 г. (The Public Bodies Corrupt Practices Act 1889) [13] и Закона о предупреждении подкупа 1906 г. (Prevention of Corruption Act 1906), дополненного Законом о борьбе с коррупцией 1916 г. (Prevention of Corruption Act 1916) [14].

При этом Закон 1889 года был применим лишь к коррупции в местных органах власти, который определялся как «любой муниципалитет графства, города или городского района, а также любая коллегия, комиссар, выборное управление церковного прихода или иной орган, обличенный властью осуществлять деятельность согласно тому или иному закону, имеющему отношение к местному органу власти, здравоохранения, работному дому или иному способу управления денежными средствами, собранными через муниципальное налогообложение во исполнение любого общего государственного закона, за исключением органов, находящихся за пределами Соединенного Королевства» [13].

Параграф 4(2) Закона 1916 года распространил данное определение на «все местные и государственные органы власти». Закон 1906 года подвел под определение коррупционной деятельности частный сектор, этот нормативно-правовой акт применим ко всем «агентам», т. е. к «любым лицам, трудоустроенным иным лицом или выступающим от его имени, а также лицам, находящимся на службе Монарха или любого органа местной или государственной власти». Закон 1906 года предусматривает следующие два состава преступления «коррупции»:

- «В преступлении виновен любой агент, который коррумпировано (corruptly) принимает или получает, либо соглашается принять или совершает попытку получить от любого лица для себя, равно как и для любого иного лица, любой подарок или знак

внимания в качестве стимула или вознаграждения за совершение путем действия или бездействия, в том числе после принятия настоящего Закона, любого акта в отношении дел или деятельности своего принципала, либо оказывает путем действия или бездействия расположение или нерасположение любому лицу в отношении дел или деятельности своего принципала».

- «В преступлении виновно любое лицо, которое коррумпировано дает или соглашается дать или предлагает любой подарок или знак внимания любому агенту в качестве стимула или вознаграждения за совершение путем действия или бездействия, в том числе после принятия настоящего Закона, любого акта в отношении дел или деятельности своего принципала, либо оказывает путем действия или бездействия расположение или нерасположение любому лицу в отношении дел или деятельности своего принципала».

В Законе 1906 годадается наиболее емкое определение взятки – «подарок или знак внимания», где «знак внимания» (consideration) определяется как «любой ценный знак внимания». Кроме того, он отменяет «привязку» преступления коррупции к некоему конкретному акту, распространяя его состав на любой «режим большого благоприятствования».

К середине XX века в системе английского прецедентного права накопилось значительное количество судебных и административных решений по коррупционным делам, с помощью которых государство пыталось закрыть открывавшиеся пробелы в устаревающей системе антикоррупционного регулирования. В 1972 году рассматривавшая дело Tesco Supermarkets Ltd против Natras [21] в качестве высшей судебной инстанции Палата лордов выработала базовый судебный антикоррупционный прецедент, которым в дальнейшем руководствовались британские судьи.

С 1998 года власти пытались кодифицировать систему антикоррупционных норм в едином акте. Результатом долгосрочных усилий заинтересованных государственных органов в этой области стало принятие Парламентом Великобритании Закона о подкупе 2010 года (Bribery Act 2010) [11]. Главным лоббистом обновления нормативно-правовой базы противостояния

коррупции в Великобритании, выразившегося в разработке и принятии этого Закона, стало Управление по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах(The Serious Fraud Office), о деятельности которого более подробно изложено далее.

Этот кодифицирующий нормы судебного precedента документ вводит в британское законодательство состав четырех преступлений – дачи и получения взятки, подкупа иностранных должностных лиц и ненадлежащего предупреждения взяточничества в коммерческой компании. Закон вступил в силу 1 июля 2011 года.

Чрезвычайно широкая сфера действия Закона, в сочетании с активно применяемыми нормами Закона США «О коррупции за рубежом» 1997 года, является основой антикоррупционной стратегии только этих двух государств, поскольку подобных специальных законов в мире больше нет.

В сравнении с названным законом США британский акт устанавливает более жесткий режим противодействия коррупции. Им признается незаконными выплата и получение взяток в любых ситуациях как частными физическими лицами и представителями компаний, так и госслужащими. Распространение Закона на компанию не зависит, например, от включения ценных бумаг компании в листинги Лондонской фондовой биржи. Закон применим к любым компаниям, коммерческая деятельность которых связана с Великобританией. Кроме того, вводится уголовная ответственность за подкуп должностных лиц частного сектора и практикуемое британскими компаниями т. н. незначительное вознаграждение за упрощение формальностей (facilitation payment) – вину лица, участвовавшего в организации коррупционных действий на территории другого государства, не защищает и ни в коей мере не смягчает тот факт, что он всего лишь следовал местной практике данной страны, либо, использовал те же «темные» приемы. В то же время британские законодатели исключили из законопроекта действующую в США норму о санкции за ненадлежащее ведение финансовой отчетности.

Непредотвращение коррупции также является правонарушением, за которое многие не английские компании могут преследоваться в соответствии с этим Законом.

По смыслу статьи 7 (5) Закона, подпадающей под его действие компанией, признается коммерческая организация, отвечающая

следующим условиям:

- 1) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с Законом Великобритании о партнерстве (Partnership Act 1890) [9] в любой части Соединенного Королевства и осуществляющим коммерческую деятельность в этой стране или за ее пределами;
- 2) зарегистрирована в качестве юридического лица с ограниченной ответственностью на основании Закона Великобритании о партнерстве с ограниченной ответственностью (Limited Partnerships Act 1907) [8], независимо от места регистрации, ведущим коммерческую деятельность или часть такой деятельности в любой части Великобритании;
- 3) действует в качестве юридического лица, образованного в соответствии с законами любой части Соединенного Королевства и ведущим коммерческую деятельность в этой стране или где-либо еще;
- 4) является любым иным юридическим лицом независимо от места образования, ведущим коммерческую деятельность или часть такой деятельности в любой части Великобритании.

В конечном счете, является ли юридическое лицо надлежащей коммерческой организацией, зависит от того, ведет ли оно какую-либо часть своей коммерческой деятельности в Великобритании. Это определяется судом, который будет анализировать факты и обстоятельства, относящиеся к операциям юридического лица. Если, по мнению рассматривавшего дело суда, такие факты представляют собой осуществление коммерческой деятельности в Соединенном Королевстве, юридическое лицо подпадает под действие Закона, даже если взятка имела место за пределами этого государства.

При решении вопроса о том, могут ли юридические лица, зарегистрированные за пределами Великобритании, рассматриваться как ведущие коммерческую деятельность полностью или частично в любой части Великобритании, суд будет руководствоваться здравым смыслом и определять, имеет ли компания очевидное коммерческое присутствие в Великобритании. Так, одного лишь факта, что ценные бумаги компании включены в Официальный список управления Великобритании по листингу и, соответственно,

допущены к обращению на Лондонской фондовой бирже, недостаточно для того, чтобы считать компанию ведущей коммерческую деятельность в Великобритании. Точно так же, если у компании есть зарегистрированная в этой стране дочерняя компания, то это само по себе не означает, что головная компания ведет коммерческую деятельность в Великобритании, поскольку дочерняя компания может действовать независимо от головной и иных компаний группы.

В то же время, компаниям не стоит полагаться на узкое толкование выражения «ведение коммерческой деятельности в Великобритании» с целью избежать попадания в поле действия Закона. Если обычные здравомыслящие люди считают, что компания ведет коммерческую деятельность или ее часть в Великобритании, то будет гораздо надежнее исходить из того, что такая компания подпадает под действие Закона. Таким образом, если российская компания организовывает финансирование, использует агента, поставляет товары или ведет любую другую часть коммерческой деятельности в Великобритании, то она, скорее всего, подпадает под действие Закона и обязана соблюдать его требования.

Причины применения столь широкого подхода заключаются в желании якобы уравнять условия игры для законопослушных компаний Великобритании и иностранных компаний, полагающихся на выплату взяток как на средство ведения бизнеса. Согласно официальной позиции, заявленной Директором SFO Ричардом Олдерманом в письме от 18 ноября 2011 года в адрес Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по данному вопросу, общественность Великобритании явно заинтересована в принятии мер против иностранных компаний, которые своими действиями ставят в невыгодное положение своих английских конкурентов.

Согласно статьям 1-2 Закона под угрозой уголовного наказания запрещается:

- 1) предлагать, обещать или предоставлять финансовое или иное преимущество другому лицу;
- 2) требовать, соглашаться получить или принимать финансовое или иное преимущество;
- 3) предлагать, обещать или предоставлять финансовое или иное преимущество иностранному госслужащему;

4) подкуп другого лица каким-либо лицом, связанным с коммерческой организацией.

В отношении первых трех правонарушений под действие Закона подпадает любое лицо, совершившее их в Великобритании, а также любое лицо, совершившее их за ее пределами, но имеющее тесные связи с Великобританией. Другими словами, если выплата взятки состоится в Великобритании, то независимо от того, связан ли правонарушитель с этой страной, он безоговорочно подпадает под действие Закона. Если взяткадается за пределами Великобритании, могут потребоваться доказательства того, что правонарушитель является гражданином Соединенного Королевства; гражданином его заморских территорий; резидентом Великобритании и компанией, зарегистрированной непосредственно в этой стране.

В четвертом случае Закон может быть применен, если правонарушение допустила или иная зарегистрированная в Великобритании компания или иностранная компания, которая ведет коммерческую деятельность или часть такой деятельности в Великобритании, независимо от места выплаты взятки. Именно такое правонарушение представляет собой наибольшую опасность для иностранных компаний. Для того чтобы в соответствии с Законом лицо было признано виновным в предложении взятки, правоохранительный орган должен доказать намерение взяткодателя побудить какое-либо лицо к ненадлежащему исполнению соответствующей функции или действия либо вознаградить это лицо за соответствующие действия. В качестве альтернативы: если предлагающее взятку лицо знает или считает, что ее получение само по себе представляет собой ненадлежащее исполнение соответствующей функции или действия, то это в достаточной степени доказывает намерение совершить первый вид правонарушения.

Получение взятки требует доказательства намерения исполнить соответствующую функцию или соответствующее действие ненадлежащим образом. При этом, однако, если такое требование, согласие получить или получение преимущества само по себе является ненадлежащим исполнением со стороны взяткополучателя или если взяткополучатель требует, соглашается получить или принимает какое-либо преимущество в качестве вознаграждения за соответствующее ненадлежащее исполнение (как постфактум, так и

авансом), то никакого доказательства намерений не требуется.

Подкуп иностранного государственного служащего требует доказательства намерения получить или удержать бизнес или какое-либо преимущество при его ведении. Взяткодатель не обязательно должен иметь намерение побудить такого госслужащего действовать ненадлежащим образом. Достаточно намерения оказать на него влияние.

В качестве доказательства намерения связанного с коммерческой организацией лица дать взятку, достаточно показать, что это лицо намерено получить или удержать бизнес в интересах такой коммерческой организации (например, контракт или заказ на продукцию) либо получить или удержать какое-либо преимущество при ведении бизнеса в ее интересах.

Для коммерческой организации единственная возможность защититься от обвинений в непредотвращении коррупции заключается в доказательстве того, что ею разработаны и внедрены адекватные процедуры, направленные на пресечение выплаты или получения взяток связанными с нею лицами.

Статья 6 Закона предусматривает, что преступлением признается дача взятки должностному лицу иностранного государства с целью повлиять в рамках его компетенции на принятие соответствующего решения об организации или сохранении бизнеса или преимущества в его ведении. Главное изменение – введение ответственности компаний за неспособность предотвратить дачу взятки: статья 7 вводит новый состав преступления для юридических лиц – коммерческих компаний, не обеспечивших предотвращение дачи взятки ее сотрудниками. Статья 11 Закона устанавливает меры наказания за подкуп. Акт увеличивает сроки тюремного заключения для уличенных во взяточничестве с 7 до 10 лет, а также вводит штрафы для компаний, размеры которых не ограничены верхними пределами и будут определяться в судебных инстанциях.

Касающиеся противодействия коррупции нормы имеются также в целом ряде других британских законов. Так, Закон о полномочиях уголовных судов по вынесению приговоров 2000 года (Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act 2000) [12] устанавливает общие принципы вынесения вердиктов по делам о коррупции, в Законе о

безопасности, борьбе с терроризмом и преступностью от 2001 г. (Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001) [4], часть 12 (Bribery and corruption) фиксируется принцип уголовной ответственности за подкуп должностных лиц. Закон об имуществе, полученном преступным путем 2002 года (Proceeds of Crime Act 2002) [17] закрепляет право на конфискацию имущества, полученного путем совершения преступлений коррупционной направленности, и его передачи в законный оборот.

Добившись успехов в борьбе с коррупцией на уровне непосредственного взаимодействия чиновников и граждан, в Великобритании предпринимают попытки бороться с более масштабными ее проявлениями. Так, Соединенное Королевство в 1999 году присоединилось к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, принятой 21 ноября 1997 года по инициативе Организации экономического сотрудничества и развития и вступившей в силу 15 февраля 1999 года [19, стр. 223-231], а также подписала Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC), принятую резолюцией № A/RES/58/4 Генеральной Ассамблей ООН от 31 октября 2003 года [1].

Система органов государственной власти, занимающихся борьбой с коррупцией, чрезвычайно разветвлена и, в принципе, включает всю структуру уголовного правосудия. Предотвращением коррупции, связанной с расхищением общественных средств, занимаются Министерство финансов и Национальное бюро аудита. Министерство финансов ежегодно публикует отчеты о борьбе с мошенничеством, включающие и коррупционную проблематику.

Важную роль в этом процессе играет Управление по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (The Serious Fraud Office, далее – SFO), которое было создано в 1988 году в соответствии с Законом об уголовном судопроизводстве 1987 года (Criminal Justice Act 1987) [18] для расследования и преследования в судебном порядке дел о крупном или сложном мошенничестве в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии и коррупции за рубежом, связанной с Великобританией, и с целью выявления физических и юридических лиц, которые получают прибыль обманным путем, в результате подрывая рынки и

уничтожая доверие инвесторов. Это ведущее ведомство Великобритании в области расследования и уголовного преследования по делам о взяточничестве и коррупции за рубежом в тех случаях, когда уголовное преследование входит в компетенцию Великобритании. Оно также занимается делами, связанными с внутренней коррупцией, несмотря на то, что основная ответственность за рассмотрение этих случаев лежит на полиции и Королевской прокурорской службе.

В компетенцию SFO входит возбуждение и расследование дел, относящихся к наиболее резонансным случаям. Критерием подключения SFO к расследованию является превышение размера денежных средств, выведенных из законного оборота, в 1 млн. фунт стерлингов. В то же время данный порог является в большой степени условным; иными основаниями для воздействия SFO являются: транснациональный характер коррупционных преступлений, наличие у подозреваемых специальных знаний и навыков (например, знание биржевых операций), потенциально высокий ущерб репутации финансовых институтов государства.

Закон о несостоятельности 2002 года (The Enterprise Act 2002) [7] криминализировал антиконкурентное поведение отдельных лиц. Совместно с Управлением добросовестной конкуренции (The Office of Fair Trading) SFO также несет ответственность за осуществление уголовного преследования в соответствии с данным законодательством. Закон «О финансовых услугах и рынках» 2000 года (The Financial Services and Markets Act 2000) [16] включает в себя ряд составов уголовных преступлений (Section 397), предназначенных для борьбы с инвестиционным мошенничеством, а также административные взыскания за махинации на рынке. SFO сотрудничает с Управлением по финансовым услугам (Financial Services Authority – FSA) в целях предотвращения, сдерживания и наложения взысканий за финансовое мошенничество в этих областях.

Директор SFO назначается на должность Генеральным прокурором Великобритании и подотчетен ему. Генеральный прокурор осуществляет контроль и надзор за SFO и несет ответственность за его работу перед парламентом Великобритании.

В настоящее время в аппарате SFO около 300

сотрудников. Руководящими органами SFO являются Дирекция по стратегическому управлению и Исполнительная дирекция. Дирекция по стратегическому управлению проводит заседания раз в месяц, определяет стратегические направления работы и контролирует их реализацию и эффективность. Исполнительная дирекция заседает еженедельно и занимается текущими вопросами по мере их возникновения.

По предметному принципу вся работа делится на два направления – взяточничество/коррупция и мошенничество, каждое из которых возглавляет один из руководителей SFO совместно с несколькими профессиональными менеджерами, ответственными за текущее управление делами. Менеджерами являются либо следователи, либо адвокаты. Характер дела и стадия его рассмотрения влияют на то, кто будет назначен для его рассмотрения: адвокат или следователь. В соответствии с тем, какие требуются навыки и опыт для рассмотрения дела, создаются многопрофильные команды специалистов. Эти команды включают юристов, следователей, ИТ-специалистов и бухгалтеров-криминалистов.

Кроме того, у SFO есть специальные подразделения, включающие в себя разведку, международное сотрудничество и взыскание убытков в рамках гражданского судопроизводства в соответствии с Законом о доходах, полученных преступным путем от 2002 года (The Proceeds of Crime Act 2002) [5].

По общему правилу, не существует специальной процедуры для возбуждения уголовного преследования по фактам мошенничества, взяточничества или коррупции. Однако есть и такие категории преступлений, по которым уголовное дело может возбуждаться только с согласия руководителя соответствующего органа уголовного преследования, а по некоторым преступлениям требуется согласие Генерального прокурора. В том числе, согласие Генерального прокурора необходимо в отношении предусмотренных законом коррупционных правонарушений, совершенных до вступления в силу Закона о подкупе 2010 года. Данный Закон не имеет обратной силы, поэтому нормы о правонарушениях, замененные Законом, действуют в отношении деяний, совершенных до июля 2011 года.

Первоначальные заявления о причастности к фактам мошенничества взяточничества или

коррупции поступают из ряда источников, в том числе:

- от собственного разведывательного подразделения SFO;
- из полиции Великобритании;
- от других правоохранительных органов Великобритании (например, Агентства по борьбе с организованной преступностью Великобритании);
- специалистов, например, юристов и бухгалтеров (по вопросам, с которыми они сталкиваются в своей практике);
- от компаний-нарушителей;
- из «сообщений о подозрительной деятельности», поступающих от финансовых организаций и регулируемых предприятий (например, аудиторы, адвокаты, банки и другие – в соответствии с законодательством в области препятствования отмыванию денег);
- из открытых телефонных линий для приема сообщений о фактах мошенничества и систем онлайн-оповещений (позволяя людям сохранять анонимность);
- от «информаторов» (сотрудников, которые докладывают о должностных преступлениях коллег или работодателя);
- от негативно настроенных бывших сотрудников;
- из сообщений средств массовой информации;
- из информации, опубликованной в сети Интернет;
- из входящих писем-запросов;
- от департаментов и агентств Правительства Великобритании, например, Управления Ее Величества по налоговым и таможенным сборам и Департамента труда и пенсионного обеспечения.

Кроме того, следующие органы и частные лица могут предоставлять соответствующую информацию относительно случаев взяточничества и коррупции за границей:

- международные организации, например, Всемирный банк;
- исполнительные органы власти иностранных государств (например, Министерство юстиции США);
- международные организации (в том числе ООН и ОЭСР);
- неправительственные организации;

- граждане Великобритании или компании, соблюдающие этические принципы, которые сообщают о правонарушителях;
- Департамент международного развития Великобритании;
- Высокие комиссии и Посольства Великобритании (через Министерство иностранных дел и по делам Содружества).

Следует отметить важную роль в борьбе с коррупцией в Великобритании, которую играют институты гражданского общества. Это, в первую очередь, многочисленные неправительственные организации, СМИ. Не последним инструментом является поощрение доносов, которые позиционируются здесь как проявление активной гражданской позиции. Именно сигналы, поступающие от общественности, экспертов неправительственных организаций и СМИ, зачастую ложатся в основу, в том числе и самых громких антикоррупционных дел в Великобритании.

Закон о подкупе 2010 года сам по себе не наделяет органы уголовного преследования или следователей особыми процессуальными полномочиями по расследованию дел о взяточничестве и коррупции. Дела рассматриваются теми же судами, которые рассматривают все другие уголовные дела.

Вместе с тем, Закон об уголовном судопроизводстве 1987 года предоставляет SFO широкие полномочия, позволяя таким образом расследовать серьезные и сложные дела с мошенничеством, взяточничеством или коррупцией. В частности, раздел 2 Закона предусматривает право требовать от лица или компании письменных ответов на вопросы, представлять информацию и необходимые документы. Он также дает полномочия, в определенных случаях, получать ордер, разрешающий сотрудникам полиции входить в помещения и производить обыск (в интересах SFO и с участием его представителей), а также изымать документы. В соответствии с нормами главы 5 Закона о доходах от преступной деятельности 2002 года, SFO вправе требовать конфискации имущества и средств, добытых преступным путем. Согласно требованиям главы 1 Закона о серьезных преступлениях 2007 года (Serious Crime Act 2007) [15] сотрудники SFO имеют право ставить вопрос о получении «ордера на предупреждение серьезного преступления», запрашивающего лицам, участвовавшим в

совершении тяжкого преступления, заниматься в будущем деятельностью, которая может привести в дальнейшем к серьезным преступлениям. Кроме того, они вправе иметь доступ к конфиденциальным банковским документам. Таким образом, оперативно-следственные возможности SFO принципиально отличаются от потенциала полиции. Такого рода широкие следственные полномочия SFO не только обуславливают уважительное отношение к нему в банковских и инвестиционных кругах страны, но и налагают повышенную ответственность на оперативных работников. За годы работы действия его сотрудников нередко становились объектом исков обвиняемых в британские судебные инстанции и Европейский суд по правам человека.

В настоящее время в SFO работает 120 следователей. Однако, они вправе привлекать полицейские силы по всей стране для оказания содействия в проведении расследований, и в соответствии с международными соглашениями, могут запрашивать правовую помощь и поддержку от правоохранительных органов других стран.

Экономическая преступность сегодня становится все более сложной по своей природе и международной по своему размаху, когда деньги можно перемещать по всему миру в считанные секунды и умело скрывать мошенническими способами в самых разных странах и организациях. Новая цифровая система надзора SFO считается одной из лучших, поскольку позволяет исключительно быстро проанализировать огромные объемы данных. Так, в 2010-11 годах считалось хорошим результатом обработать данные, содержащиеся в 70 млн. документов, а теперь – до 100 гигабайт новой информации. Например, в ответ на приказ судьи,

сотрудники SFO смогли идентифицировать более 47000 сообщений за ночь. Как итог, за 2011 год более 64 млн. фунтов стерлингов были возвращены потерпевшим, а государству – только в первые несколько месяцев 2011 года около 10 млн. фунтов стерлингов – переданы в Министерство финансов [20, р. 17-20].

В качестве вывода считаем возможным предложить антикоррупционные меры, которые, на наш взгляд, могут способствовать снижению уровня коррупции в стране:

- Изучить возможность сотрудничества с SFO, которое на сегодняшний день обладает необходимой материальной базой и опытом, но только формирует облик своей деятельности в рамках вступившего в силу с 1 июля 2011 года Закона о подкупе. Лучше быть первыми в сотрудничестве, чтобы понимать логику и стратегию развития, а не ездить потом «за изучением передового опыта».
- Обеспечить неотвратимость ответственности за сокрытие информации о коррупционных правонарушениях;
- Активизировать применение институтов парламентского расследования и парламентского контроля. Создать институт депутатских слушаний на региональном и муниципальных уровнях по наиболее резонансным темам, связанным с коррупцией;
- Принять закон о профилактике преступлений. Зарубежный и российский опыт свидетельствуют, что именно на этом этапе можно эффективно противодействовать многим видам правонарушений, в том числе и заметно снизить коррупционные вызовы.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC), принятая резолюцией № A/RES/58/4 Генеральной Ассамблей ООН от 31 октября 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl-conv/conventions/corruption.shtml
2. Путин В. Демократия и качество государства. Раздел: Мы должны победить коррупцию // Коммерсант. – 2012. – №20/П(4805). 6 февраля.
3. The corrupt practices prevention act, 1883. With an analysis, table of penalties, notes, and an appendix of statutes and rules affecting the same, and general index. – London, Reeves and Turner, 100, Chencery lane, 1885.
4. Закон Великобритании «О безопасности, борьбе с терроризмом и преступностью» от 2001 г. (Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/contents>

5. Закон Великобритании «О доходах, полученных преступным путем» от 2002 года (The Proceeds of Crime Act 2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents>
6. Закон Великобритании «О муниципальных выборах» 1884 г. (Municipal Elections Act 1884) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://translate.yandex.ru/translate?srv=yasearch&url=http%3A%2Fwww.answers.com%2Ftopic%2Frepresentation-of-the-people-act-1884&lang=en-ru&ui=ru>
7. Закон Великобритании «О несостоительности» 2002 года (The Enterprise Act 2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/contents>
8. Закон Великобритании «О партнерстве с ограниченной ответственностью» (Limited Partnerships Act 1907) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72515.htm>
9. Закон Великобритании «О партнерстве» (Partnership Act 1890) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/bim72505.htm>
10. Закон Великобритании «О подкупе государственных служащих» (Sale of Offices Act 1551) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw6/5-6/16/introduction>
11. Закон Великобритании «О подкупе» 2010 года (Bribery Act 2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents>
12. Закон Великобритании «О полномочиях уголовных судов по вынесению приговоров» 2000 года (Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act 2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/6/contents>
13. Закон Великобритании «О практике подкупа публично-правовых учреждений» 1889 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawreform.ie/_fileupload/Restatement/First%20Programme%20of%20Restatement/EN_ACT_1889_0069.PDF
14. Закон Великобритании «О предупреждении подкупа» 1906 г. (Prevention of Corruption Act 1906), дополненный Законом о борьбе с коррупцией 1916 г. (Prevention of Corruption Act 1916) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawreform.ie/_fileupload/Restatement/First%20Programme%20of%20Restatement/EN_ACT_1906_0034.PDF
15. Закон Великобритании «О серьезных преступлениях» 2007 года (Serious Crime Act 2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/27/contents>
16. Закон Великобритании «О финансовых услугах и рынках» 2000 года (The Financial Services and Markets Act 2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents>
17. Закон Великобритании «Об имуществе, полученном преступным путем» 2002 года (Proceeds of Crime Act 2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents>
18. Закон Великобритании «Об уголовном судопроизводстве» 1987 года (Criminal Justice Act 1987) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sfo.gov.uk/media/54848/criminal_justice_act_1987_140708_foi.pdf
19. Сборник материалов о противодействии коррупции. Том III. Международное сотрудничество в области противодействия коррупции / Под общей ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: LEXPRO, 2010.
20. Alderman R. Preventing serious economic crime: the SFO's priorities and successes. Serious Economic Crime. A board-room guide to prevention and compliance. – London, White Page Ltd, 2011.
21. http://translate.yandex.ru/translate?srv=yasearch&url=http%3A%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FTesco_Supermarkets_Ltd_v_Nattrass&lang=en-ru&ui=ru

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: docantonov@mail.ru

АНТОНОВА Любовь Григорьевна,
мировой судья г. Санкт-Петербурга
E-mail: docantonov@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В СИСТЕМЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена общетеоретическим вопросам охраны прав лиц, потерпевших от преступлений, которые раскрываются с позиций пополнения потенциала принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса; охрана прав личности; охрана прав потерпевших.

**ANTONOV I.A.
ANTONOVA L.G.**

THE RIGHT TO COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE CRIME, IN THE SYSTEM OF INDIVIDUAL RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The summary. The article is concerned with the general theoretic questions of protection of persons, victims of crimes, which are disclosed in terms of recharge capacity of the principles of the criminal process.

Key words: principles of criminal procedure; guard of rights for personality; guard of rights for victims.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного процесса имеет непреходящее значение [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 17; 18; 19; 20; 22; 23; 28; 29; 30; 32; 33; 34; 35; 41; 42; 47; 49; 51; 52]. Это выражается, в частности, в том, что основные из них, а потому получившие закрепление в международно-правовых актах, а затем и в Конституции Российской Федерации, послужили источником происхождения уголовно-процессуальных принципов и в конечном итоге – источником определения нового назначения уголовного судопроизводства. Это, несомненно, должно касаться и вопросов возмещения ущерба, причиненного преступлением, при производстве по уголовным делам.

Защита личности – это самое важное назначение не только уголовного судопроизводства,

но и деятельности всех государственных правоохранительных органов [15; 16; 21; 24; 25; 26; 39; 40; 43; 44; 45; 46 48; 50; 53; 56; 57]. Непреходящее значение имеет норма Конституции Российской Федерации, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью. И именно в такой редакции, не просто человек, в смысле – его жизнь, но и все его права и свободы – высшая ценность общества и государства, а соответственно, государство в лице его правоохранительных органов должно направить все силы на действенное, реальное обеспечение этой конституционной нормы [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 31; 38; 54; 55].

Кардинальное изменение на конституционном уровне отношения государства к личности повлекло за собой и существенное изменение направлен-

ности и содержания уголовного процесса.

В свое время П.И. Люблинский писал, что уголовно-процессуальный закон должен быть надежным оплотом, охранять свободу гражданина. Имея в виду российский Устав уголовного судопроизводства 1864 года, он отмечал: «Этот Устав нельзя рассматривать только как свод предписаний судебным властям о формах производства, но как закон, обращенный к подданным, о правах, которые им предоставлены в ограждение произвола государственно-судебных органов» [37, стр. 11]. Вот таким образом, хотелось бы, чтобы и воспринимали сегодня Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; и чтобы он на самом деле был таковым.

Права человека сегодня выступают важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам. Не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса, в целом, а наоборот, уголовный процесс должен максимально сообразовываться с правами человека. И как совершенно правильно отмечает И.Ф. Демидов: «Данное положение является ключевым, выражает суть новой методологии изучение и реформирования уголовного процесса» [27, стр. 37].

Правовой статус личности определяется всей совокупностью прав и свобод человека и гражданина, которые находят свое закрепление в нормах всех отраслей действующего законодательства. При этом в Конституции России зафиксированы только основные права и свободы, которые в науке конституционного права принято называть конституционными (основными). Они же, в свою очередь, находят отражение и развитие в других самых различных отраслевых законодательных актах, в том числе и в УПК Российской Федерации. Однако, право потерпевшего на возмещение ущерба, причиненного преступлением, недостаточно закреплено в уголовно-процессуальном законе.

При определении прав и свобод человека и гражданина следует исходить из наиболее благоприятного для личности действия принципов права и тем самым в максимальной степени использовать возможности полного удовлетворения интересов лица в пределах, очерченных правовой нормой. В этой связи, а также учитывая положительные моменты в развитии уголовно-процессуального законода-

тельства в зарубежных странах, на наш взгляд, следует в УПК Российской Федерации больше внимания уделить вопросам охраны прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, вопросам совершенствования уголовно-процессуальных средств охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан.

Так, в отличие от УПК Российской Федерации в УПК Республики Азербайджан в качестве отдельного принципа предусмотрено обеспечение права собственности (ст. 18), вытекающее из соответствующих конституционных положений (ст. 29 Конституции АР). Кроме того, в структуру УПК Республики Азербайджан включен раздел «Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве», в который входят главы: «Гражданский иск в уголовном судопроизводстве», «Выплата потерпевшему компенсации», «Оплата труда и возмещение расходов», «Судебные издержки». Все это свидетельствует о том, что праву собственности, имущественным вопросам в целом в УПК Республики Азербайджан уделяется гораздо больше внимания по сравнению с УПК Российской Федерации, и отражает своеобразие новой идеологии уголовного процесса в Азербайджане.

В России же право собственности в силу многих причин, в том числе ментального характера, не признается особой ценностью, поэтому и в УПК Российской Федерации вопросы, связанные с правом собственности, имущественные вопросы в целом в качестве принципов уголовного судопроизводства и в качестве раздела отдельно не выделяются.

В УПК РСФСР, как известно, существовала ст. 29 «Гражданский иск в уголовном деле». В УПК РФ нет даже аналогичной статьи, не говоря уже о главе, как это имеет место в УПК Республики Азербайджан. Вообще имущественные вопросы в УПК РФ рассеяны по различным разделам и главам и только процессуальным издержкам посвящены две статьи главы 17 «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» раздела VI «Иные положения» (ст. 131 и 132).

Целевая же неопределенность по поводу возмещения вреда, причиненного преступлением, а формой ее проявления является и отсутствие на этот счет необходимых указаний в законе, существенно усложняет сосредоточение внимания на главном; прямое ее порождение - распыление

сил и средств правоохранительных органов, к чьей компетенции относится правовосстановительная деятельность в области уголовно-процессуальных отношений.

При этом правовая цель, предусматривающая охрану и восстановление имущественных и личных неимущественных прав граждан, потерпевших от противоправных деяний, не менее значима в сравнении с целью наказать правонарушителя, поскольку назначение права в принципе сводится к поддержанию сбалансированности общественных отношений. Поэтому очень важно, чтобы она в обязательном порядке была сформулирована в уголовно-процессуальных нормах.

Для адекватного отражения конституционных прав личности в УПК Российской Федерации необходимо рассматривать возмещение ущерба, причиненного преступлением, в качестве одной из основных задач уголовно-процессуальной деятельности, о чем указать в его ч. 2 ст. 6, а в главу вторую – «Принципы уголовного судопроизводства» – включить статью, направленную на

надлежащую охрану имущественных и личных неимущественных прав лиц, потерпевших от преступлений, при производстве по уголовным делам:

- «1. Права потерпевших от преступлений охраняются законом.
2. Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны обеспечить доступ потерпевших к правосудию и реализацию предоставленных им прав.
3. При невозможности возместить потерпевшему вред, причиненный преступлением, за счет виновных лиц или из иных источников, компенсация причиненного ущерба осуществляется за счет средств федерального бюджета».

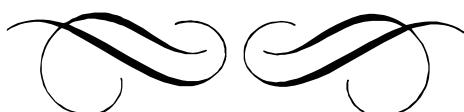
Помимо этого, нормы, касающиеся возмещения потерпевшим ущерба, причиненного преступлением, а также гражданского иска, должны быть объединены (и дополнены) в одну главу – «Возмещение ущерба, причиненного преступлением».

Список литературы

1. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
2. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 76-79.
3. Андрейчук Т.В. Становление и развитие судебной власти (историко-правовая ретроспектива) // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очаредько. – СПб., 2011. – С. 65-68.
4. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №2. – С. 67-71.
5. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
7. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
8. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
9. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 25-34.
10. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
11. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
12. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
13. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое

- поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
14. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
15. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 57-64.
16. Багдасарян А.В. Прокуратура как координатор деятельности правоохранительных органов. – Ереван, 1995.
17. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
18. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗИП, 1997.
19. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
20. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – №10. – С. 21-27.
21. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
22. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
23. Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Тарайко В.И. Прокуратура сегодня: цели, задачи и функции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 127-130.
24. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
25. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
26. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М, 1996.
27. Демидов И.Ф. Проблемы прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). – М., 1995.
28. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. – 1992. – №8. – С. 79-86.
29. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
30. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
31. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
32. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
33. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2004.
34. Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. – М.: Юрлитинформ, 2007.
35. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
36. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
37. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. – СПб., 1906.
38. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
39. Мурашин Г.А. Правоохранительная деятельность советского государства – важнейшее условие упрочения правовой основы государственной и общественной жизни. – М., 1982.
40. Омитов В.И. Правоохранительная деятельность. – Пермь, 2002.
41. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
42. Посохина И.В. Актуальные проблемы судебного контроля в сфере административного судопроизводства // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередью. – СПб., 2011. – С. 36-41.
43. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
44. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Божьего. – М., 2005.
45. Правоохранительные органы: Курс лекций / Под ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М., 2006.
46. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О.А. Галустяна. – М., 2005.
47. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередью. – СПб., 2011.
48. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России. – СПб., 2008.
49. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие // Государство и право. – 2000. – №1. – С. 5-11.

50. Сахаров А.Б. Правоохранительная деятельность и преступность // Сов. государство и право. – 1986. – №1.
51. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.
52. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
53. Тараков А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. – 2002. – №4.
54. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
55. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
56. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
57. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
ассистент кафедры судебного права и
прокурорского надзора Таджикского национального
университета
E-mail: mirzoeff@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные модели конституционного контроля и надзора, которые сложились в различных странах. Анализируются особенности, присущие этим моделям, условия, определяющие своеобразие конституционного контроля. В частности идет речь об исторических условиях, о формах государственного устройства, о политическом режиме, особенностях правовой системы и самой организации конституционного контроля и надзора.

Используя исторический опыт сложившейся модели, автор прослеживает систему судебного конституционного контроля, которая сложилась и развивается в современном Таджикистане. Он изучает особенности этого контроля в республике с учетом специфики национальной государственно-правовой системы.

Приятной особенностью работы является внимательное обращение автора к творчеству российских, таджикских и других представителей юридической науки, исследующих проблему судебного и квазисудебного конституционного контроля в современном мире.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль; квазисудебный конституционный контроль; политический режим; правовая система; форма государственного устройства; политический режим; модели контроля; американская, европейская, смешанная модели конституционного контроля.

MIRZOEV S.B.

CONSTITUTIONAL CONTROL: SOME CONTEMPORARY MODELS

The summary. The article discusses the contemporary models of constitutional control and supervision which have developed in various countries. The analysis covers the features incident to these models, the conditions that determine the peculiarity of the constitutional control. In particular, the paper deals with historical conditions, forms of state structure, political regime, peculiarities of legal system and the arrangement of constitutional control and supervision itself.

Using the historical experience of the established model the author traces the system of constitutional control that has been formed and is developing in present-day Tajikistan. He studies the peculiarities of this control in the republic with due account for the specificity of national state and legal system.

A pleasant feature of the paper is the author's careful application of the works of Russian, Tajik and other representatives of legal science making inquiry into the issue of judicial and quasi-judicial constitutional control in the modern world.

Key words: judicial constitutional control; quasi-judicial constitutional control; political regime; legal system; form of state structure; control models; American, European, mixed model of constitutional control.

Конституционный контроль имеет долгую историю. В процессе становления и развития конституционного контроля сложились соответствующие его модели, которые в последующем оказали влияние на становление конституционного контроля в различных странах. Теория и практика конституционного контроля имеет в различных странах свои особенности [2; 4; 7; 9; 10; 12; 15; 16; 17; 21; 22; 26; 30; 32; 43; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52]. На своеобразие конституционного контроля оказывают влияние исторические условия, форма государственного устройства, государственный (политический) режим, особенности правовой системы (система нормативно-правовых актов, источники права, правоприменение и др.), организация конституционного контроля (органы, осуществляющие конституционный контроль, их правовой статус и др.).

Судебный конституционный контроль сложился и развивается в Таджикистане с учетом использования зарубежного опыта, в ходе правовой интеграции, влияния иностранных правовых институтов. В то же время, организация и осуществление судебного конституционного контроля в Таджикистане происходит под влиянием особенностей национальной государственно-правовой системы. Поэтому изучение сложившихся в современном мире разнообразных моделей конституционного контроля имеет первостепенное значение для всестороннего исследования судебного конституционного контроля в Таджикистане. Сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного судебного конституционного контроля дает возможность раскрыть общее и особенное в организации и осуществлении конституционного контроля в рамках различных его моделей, а также определить принадлежность судебного конституционного контроля в Таджикистане к той или иной модели конституционного контроля.

Изучение разнообразных моделей конституционного контроля обуславливается также тем, что использование зарубежного опыта имеет большое значение для постсоветских стран, где специализированный конституционный контроль начал складываться в начале и первой половине 1990-х годов. Естественно, за довольно короткий исторический отрезок времени трудно избежать проблем и противоречий в сфере судебного конституционного контроля в условиях

трансформации постсоветских обществ в условиях переходного периода. По словам Г.Г. Арутюняна, во всех стран СНГ характерны «существенная оторванность основополагающих конституционных ценностей и принципов от социальной действительности ... низкий уровень конституционной культуры, системная неполнота механизмов обеспечения верховенства права, наличие деформированной, внутренне противоречивой правовой системы, отсутствие единого ценностно-системного понимания социальных ориентиров общественного развития» [19].

Становление и развитие постсоветского судебного конституционного контроля происходит в условиях преодоления противоречий переходного периода. Поэтому по сей день продолжается реформирование судебного конституционного контроля в постсоветских странах, его адаптация к новым историческим реалиям. По словам судьи Конституционного Суда Российской Федерации М. Клеандрова, несмотря на то что «вся история конституционного правосудия в Российской Федерации непродолжительна – в 2011 году ему исполнится всего 20 лет, оно за это время уже прошло несколько мелких и крупных реформаций», а ныне находится на этапе «очередного крупного и широкомасштабного реформирования конституционного правосудия» [20, стр. 97].

Исходя из вышеизложенного, изучение зарубежного опыта конституционного контроля имеет познавательное значение в условиях реформирования судебного конституционного контроля в Таджикистане.

В литературе различают американскую, европейскую, а также смешанную модели конституционного контроля [23, стр. 348-350; 35, стр. 22]. По мнению профессора В. Боботова, в Англии хотя не существует конституционного контроля в общепринятом формализованном смысле, все же участие судов в формировании и охране конституционного права не вызывает сомнения. В британской правовой системе исторически сложилась своего рода неписаная конституция, которая выводится из всей совокупности действующего права, являющегося преимущественно обычным правом [5, стр. 7-12].

По словам Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г. Арутюняна, конституционный контроль ныне «в 110 странах мира осуществляется по европейской модели –

посредством специальных органов судебного конституционного контроля, а в 48 странах – по американской модели», между тем «в условиях той же европейской модели особенности насколько многообразны, что трудно рассматривать их в одной плоскости» [3, стр. 43].

По мнению Председателя Конституционного Суда Республики Молдова Д. Пулбере, происхождение судебного конституционного контроля «остается спорной проблемой в правовой доктрине», поскольку некоторые авторы считают, что он возник в США в деле «*Marbury v. Madison*» в 1803 году, а по мнению других, такой контроль появился «в 1610 году в Англии, когда Сир Эдвард Кок, в качестве председателя Апелляционного Суда, вынес решение, которое впервые установило значение принципов частного права «common law», его превосходство над законом, принятым парламентом». По мнению В.Б. Евдокимова, хотя судебная проверка законодательных актов применялась в Великобритании, начиная с XVII века, «нельзя говорить о судебном конституционном контроле в Великобритании, так как в Великобритании нет писаной конституции» [13, стр. 9-11]. В Европе же путь к контролю конституционности законов был открыт Гансом Кельзеном в 1920 году [37, стр. 59].

Ю.А. Юдин и Ю.Л. Шульженко выделяют следующие этапы развития конституционного правосудия: 1) возникновение американской модели конституционного контроля в США (1803 – 1920 гг.); 2) возникновение европейской модели конституционной юстиции (с 1920 г. до окончания Второй мировой войны); 3) распространение европейской модели во всех странах Западной Европы, во многих государствах Азии, Африки, Латинской Америки, позже – в ряде социалистических стран, в частности, Югославии, Венгрии, Польше (после Второй мировой войны до конца 80-х годов XX в.); 4) учреждение судебного конституционного контроля практически во всех странах (рубеж 80-90-х годов XX века) [40, стр. 90-91].

По мнению ряда авторов, начиная с XVII века, в английских судах складывается практика признания недействительными законов, противоречащих общим принципам права. Впоследствии такая практика оказала влияние на судебную систему США, которая шире и последовательнее стала использовать судебный нормоконтроль с целью обеспечения верховенства

Конституции. Затем такая практика была заимствована странами Латинской Америки (Аргентина, Боливия, Мексика и др.) и Азии (Япония и др.) [5, стр. 63; 21].

Так сложилась американская модель конституционного контроля. Основной ее отличительной чертой является то, что конституционный контроль осуществляют все суды общей юрисдикции при осуществлении уголовного, гражданского, административного судопроизводства.

В.Б. Евдокимов выделяет ряд этапов в развитии судебного конституционного контроля в США. На первом этапе (с момента возникновения до конца 40-х гг. XIX в.) Верховный суд США осуществлял судебный конституционный контроль в рамках «доктрины подразумеваемых полномочий», с целью противодействия «сепаратистским устремлениям штатов», в частности, посредством проверки решений судебных органов штатов на предмет их соответствия федеральной Конституции, а также в случае их противодействия «упрочению позиций федеральных органов государственной власти». Затем используется доктрина «двойного (дуалистического) федерализма», обеспечивающая самостоятельность правительства и законодательных органов центра и штатов в сфере своих полномочий. Во время Гражданской войны (1861 – 1865 гг.) Верховный Суд США, делая некоторые уступки штатам, в то же время закрепил отсутствие у штатов права на сепрессию. В 70-х годах XIX в. получает признание доктрина В. Уиллоуби и Й. Маттерана, отрицающая государственный характер штатов [13, стр. 26-31].

В то же время в литературе обращают внимание на то, что значительный вклад в возникновение судебного конституционного контроля в США внесла Великобритания, которая в начала XVII в. применяла судебную проверку законодательных актов. Так, в 1727 г. Британским Судебным комитетом королевского Тайного Совета был нуллифицирован закон, принятый законодательным собранием колонии Коннектикут. В XVIII в. суды американских колоний осуществляли проверку правовых актов местных законодательных собраний на предмет их соответствия английскому праву и колониальным хартиям. Отдельные штаты (Вирджиния, Мэриленд, Южная Каролина, Нью-Джерси) применяли конституционный контроль в сфере проверки

соответствия законодательных актов штатов их конституциям или общему праву даже после принятия Конституции США, до дела «*Marburi v. Madicon*» [27, стр. 53].

Конституция США не содержит прямого указания на то, что Верховный Суд США является органом судебного конституционного контроля. Доктрина судебного конституционного контроля по «американской модели» наиболее четко была сформулирована судьями-практиками, членам Верховного Суда США [34, стр. 39]. Большинство авторов возникновение судебного конституционного контроля в США связывают с делом «*Marburi v. Madicon*» (1803 г.). В данном деле Верховный Суд признал право судов признавать неконституционным любой закон, противоречащий Конституции. С этого момента начинается «фактическое признание необычных «конституционных» полномочий Верховного суда со стороны других государственных органов» [14, стр. 81-82]. По общепризнанному мнению исследователей, особенно заметный вклад в развитие конституционного контроля внес главный судья Верхового Суда США Джон Маршалл в известном решении по делу «*Marburi v. Madicon*» [28, стр. 47-54; 31, стр. 134-146].

По словам А.А. Клишаса, процесс «становления и развития судебного конституционного контроля, его поэтапная трансформация в своеобразный институт американской конституционной практики (оказавший существенное – в некоторых случаях определяющее – воздействие на создание аналогичных механизмов в целом ряде государств, заимствовавших американскую модель конституционной юстиции) непосредственно, и в первую очередь, связаны с деятельностью Верховного суда, с важными решениями, принятыми им в период генезиса национальной государственности и формирования основополагающих элементов политico-правовой системы» [22, стр. 74]. Верховным Судом США за время осуществления им контрольных функций были признаны неконституционными более 1100 актов, включая законы штатов [25, стр. 193].

В литературе обращают внимание на особенности американской модели конституционного контроля: универсальный характер конституционного контроля, который распространяется на законы, иные нормативные правовые акты и действия; децентрализованный характер судебного контроля; казуальная основа

судебного конституционного контроля в связи с рассмотрением конкретного дела; отсутствие особого конституционного дела, подлежащему судебному рассмотрению; обязательное значение решения суда только для сторон в деле [5, стр. 25].

О.В. Брежнев указывает на следующие особенности американской модели судебного конституционного контроля: 1) допускается только последующий контроль в отношении принятых правовых актов; 2) постановляющий характер контроля (фактическая утрата силы неконституционного правового акта на основе судебного решения); 3) факультативный характер контроля на основе обращения в суд уполномоченного государственного органа или физического лица; 4) допустимость только конкретного нормоконтроля в связи с конкретным судебным делом, при разрешении которого подлежит применению правовой акт, конституционность которого оспаривается; 5) возможность осуществления как материального, так и формального контроля, то есть проверка содержания норм и соблюдения формальных требований [8, стр. 68].

По мнению В.А. Рыжкова, американская специфика судебного конституционного контроля состоит в следующем: 1) вопрос о неконституционности того или иного нормативного правового акта возникает лишь в случае его официального опубликования и вступления в силу; 2) Верховный суд при этом рассматривает вопрос о неконституционности не в рамках особого самостоятельного производства, а непосредственно в связи со слушанием какого-либо дела, решая тем самым «судьбу закона на основе дела»; 3) статут или иной нормативный правовой акт, признанный неконституционным, теряет юридическую силу [38, стр. 31-32].

В США все суды осуществляют функцию судебного конституционного контроля. Как отмечают С.В. Боботов и И.Ю. Жигачев, конституционные вопросы «могут затрагиваться в любых спорных делах и не требуют какого-то специального к ним отношения» [6, стр. 221].

По словам С.Э. Несмеяновой, любой суд США «при рассмотрении конкретного дела вправе отказаться от применения какого-либо закона в случае его противоречия конституции и может высказаться о конституционности или неконституционности любого нормативного акта, т. е.

прерывается процесс разбирательства уголовного или гражданского дела и начинается рассмотрение вопроса о конституционности закона. Но только Верховный Суд принимает решения о неконституционности, обязательные для всех нижестоящих судов» [33, стр. 63]. Общеобязательными для всех судов являются также акты толкования Верховного Суда США [11, стр. 64].

Американскую модель конституционного контроля, в отличие от европейской модели, в литературе называют децентрализованной, поскольку осуществляется не специализированными судебными либо квазисудебными органами, а всей судебной системой в рамках обычного судопроизводства. Однако в литературе высказываются иные мнения. Так, по словам Н.В. Витрука, североамериканская модель судебного конституционного контроля «имеет две разновидности: 1) конституционный контроль осуществляется всеми общими судами при рассмотрении конкретных дел (гражданских, административных, уголовных) в соответствие с правилами обычной судебной процедуры (децентрализованный контроль); 2) конституционный контроль осуществляется верховными (высшими) судебными инстанциями, возможно по особой процедуре (централизованный контроль)» [10, стр. 51-52]. Децентрализованный контроль применяется в США, Аргентине, Мексике, Норвегии, Японии, а децентрализованный – в Австралии, Индии, Канаде, Малайзии, на Мальте [10, стр. 52].

После Второй мировой войны сложилась европейская модель судебного конституционного контроля на основе создания специального судебного органа, разрешающего споры о конституционности актов. Специализированные органы судебного конституционного контроля стали осуществлять свои полномочия в порядке конституционного производства, отличающемся от уголовного, гражданского судопроизводства, т. е. разрешать правовые споры в рамках особой процедуры. Доктрина Г. Кельзена «стала теоретическим основанием европейской системы конституционного судопроизводства» [29, стр. 18].

Практика судебного контроля возникла в Австрии в деятельности имперского суда, в период введения Конституции 1848 года, а после образования федеративного государства был образован Конституционный Суд Австрии в

1920 году. Федеральный конституционный закон (Конституция) Австрии 1920 года, в частности, установил норму, согласно которой если суд «сомневается относительно применения постановления в связи с его возможной противозаконностью, то он должен внести представление об отмене этого постановления в Конституционный суд» (ст. 89) [41, стр. 57-58]. Конституционный Суд Австрии рассматривал вопросы о конституционности законов федерации и земель, государственных договоров, по имущественно-правовым требованиям, о спорах между землями, между землей и федерацией, о спорах между судебными и управленическими органами, об опротестовании выборов, по обвинениям в порядке конституционной ответственности, о нарушении норм права касательно жалобы на решения органов управления [1].

По словам В.Н. Витрука, австрийская модель судебного конституционного контроля была учреждена еще перед Второй мировой войной «в Чехословакии (1920 г.), Греции (1927 г.), Испании (1931 г.), Ирландии (1937 г.) и Египте (1941 г.)» [10, стр. 60]. Наиболее широкое распространение в различных модификациях судебный конституционный контроль получил после Второй мировой войны, когда был введен «в Бирме, Японии, Италии (1947 г.), Германии, Таиланде, Индии (1949 г.), Сирии, Люксембурге (1950 г.), Уругвае (1952 г.), на Кипре (1960 г.), в Турции (1961 г.), Алжире, Югославии (1963 г.) ... Греции (1968 г.), Португалии (1976 г.), Испании (1978 г.) ... в ряде других стран Азии, Африки, Центральной и Южной Америки» [10, стр. 60-61].

Такая форма судебного конституционного контроля впоследствии была использована в Италии, Германии, Бельгии, Турции. При этом полномочия органов судебного конституционного контроля были расширены. Так, Федеральный Конституционный Суд Германии рассматривает вопросы об утрате и лишении основных прав; об антиконституционности партий; по жалобам на решения Бундестага касательно действительности выборов, либо членства Бундестага; по обвинениям Федерального президента; о толковании Основного закона; о соответствии федерального права или права земли Основному закону; о разногласиях в сфере прав и обязанностей федерации и земель; по конституционным жалобам; по обвинениям против судей; об оценке

нормы международного права в качестве составной части федерального права [36].

В ряде стран (Франция, Алжир) созданы несудебные органы конституционного контроля. Так, органом конституционного контроля во Франции является Конституционный Совет, осуществляющий высший надзор за конституционностью законов и иных нормативных актов, как на стадии обсуждения законопроекта в парламенте, так и в отношении изданных законодательных актов на предмет определения их положений в качестве сферы компетенции правительства [42]. Конституционный Совет проверяет нормативные акты на предмет их соответствия не только Конституции, но и органическим законам, а также основополагающим принципам правовой системы. Конституционный контроль осуществляется также за применением закона. В круг полномочий Конституционного Совета входят также вопросы о конституционности регламентов палат, международных договоров и соглашений, проведения референдумов и выборов. Конституционный Совет вправе объявлять антиконституционные нормативные акты недействительными.

Таким образом, в рамках европейской модели судебного конституционного контроля существуют специализированные органы судебного и несудебного характера. При этом в литературе высказываются суждения о том, что несудебные органы конституционного контроля находятся вне рамок европейской модели. Так, по мнению М.Ф. Чудакова, создание специализированных несудебных органов конституционного контроля не вписывается в рамки двух известных моделей [45, стр. 222-224].

По мнению А.А. Клишаса, особенностью европейской модели конституционного контроля является то, что в ее рамках созданы органы конституционного контроля как специализированного, так и неспециализированного характера. Соответственно различаются специализированный и неспециализированный конституционный контроль в рамках европейской модели. В качестве примера обращается внимание на деятельность Конституционного совета - особого органа конституционного контроля во Франции. При этом отмечается, что Конституционный совет дает заключение о соответствии Конституции всех законов до их промульгации Президентом и

регламентов палат до их принятия, а также решает вопросы, связанные с выборами, общенациональными референдумами, коллизиями в процессе формирования депутатского корпуса. А Государственный совет Франции осуществляет последующий контроль нормативных актов исполнительной власти [22, стр. 128, 137, 140].

В литературе указывают на обстоятельства, по причине которых американская модель судебного конституционного контроля не была воспринята в большинстве стран Европы. Так, по мнению С.В. Боботова, пути США и Европы разошлись по причине того, что «в Соединенных Штатах священна Конституция», в то время как «в Европе – свят закон, основанный на Конституции и действии общих принципов права, толкуемых высококомпетентными юристами» [5, стр. 55].

По мнению ряда авторов, эволюция парламентских и полупарламентских режимов в направлении усиления исполнительной вертикали и власти партийно-политического аппарата послужила основой для контроля над органами законодательной власти [18, стр. 10-12; 22, стр. 120-129; 39, стр. 127; 44, стр. 123].

Судебный конституционный контроль, получив распространение практически во всех странах Западной Европы в качестве института правового государства, приобретает универсальный характер. По мнению ряда авторов, столь широкому распространению европейской модели судебного конституционного контроля послужили следующие факторы: а) рост числа законов и иных нормативных правовых актов вследствие усиления экономической и социальной деятельности государств на фоне их расхождения с конституциями; б) конституционно-правовые коллизии и споры вследствие широкой реализации политического плюрализма, а также обнаружившиеся конфликты в условиях федеративного устройства государства [24, стр. 122-123].

А.А. Клишас группирует следующие направления деятельности специализированных органов конституционного контроля в рамках европейской модели: 1) предварительный контроль конституционных изменений, международных договоров и иных нормативных правовых актов до их промульгации; 2) последующий контроль – абстрактный и конкретный – на основе обращений судов и индивидуальных жалоб; 3) официальное толкование конституций, законов и иных

нормативных правовых актов; 4) разрешение правовых конфликтов и споров между публичными органами разных уровней (между субъектами Федерации, между ними и самой Федерацией); 5) контроль над деятельностью партий и иных общественно-политических объединений; 6) определение конституционности и законности осуществления референдумов, плебисцитов и

выборов; 7) утверждение в должности избранных депутатов; 8) определение статуса и правомочий государственных служащих; 9) решение вопросов отрешения от должности главы государства и других высших должностных лиц; 10) констатация правовых и иных обстоятельств, оправдывающих распуск представительных органов, в том числе Парламента [22, стр. 150-152].

Список литературы

1. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / Сост. Т.Г. Морщакова. – М.: Прогресс, 1985.
2. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 35-39.
3. Арутюнян Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
4. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2004.
5. Боботов С.В. Конституционная юстиция. – М., 1994.
6. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. – М., 1997.
7. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006.
8. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006.
9. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001.
10. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011.
11. Гуценко К.Ф. Судебная система США и ее классовая сущность. – М.: Госюриздан, 1961.
12. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
13. Евдокимов В.Б. Конституционное судопроизводство в США. – Екатеринбург, 1996.
14. Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика. – М., 1985.
15. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28- 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
16. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
17. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
18. Ильинский И.П. Парламент Австрии // Парламенты мира: Сб. ст. – М., 1991.
19. Интервью Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна Евразийскому юридическому журналу // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26).
20. Клеандров М. Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации; новый этап // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
21. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
22. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007.
23. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – М.: НОРМА, 2000.
24. Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь / В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. – М., 1997.
25. Лафтский В.И. Основы конституционного строя США. – М.: НОРМА, 1998.
26. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.

27. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
28. Маклаков В.В. Верховный Суд США: дело W. Marbury v. J. Madison // Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
29. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы// Конституционное правосудие в постсоветских странах: Сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.
30. Мирзоев С.Б. Становление и развитие конституционного надзора и контроля в Таджикистане: историко-правовое и общетеоретическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2011.
31. Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. – М., 1985.
32. Несмеянов С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
33. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
34. Никифорова М.А. Проблемы конституционного права в практике Верховного суда США // Практика буржуазного конституционализма. Критические очерки. – М., 1982.
35. Овсепян Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. – Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992.
36. Основной Закон Федеративной Республики Германии // Конституции государств Европы / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. – М.: Прогресс, 2001.
37. Пулбере Д. Соблюдение прав человека и контроль конституционности законов в общем и на примере Республики Молдова // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (51). – Ереван: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011.
38. Рыжков В.А. Политические институты и конституционное право США // Иностранные конституционные права / Под ред. В.В. Маклакова. – М., 1997.
39. Сафьян М. Роль конституционных судов в процессе создания конституционного права // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (1 – 2 ноября 2001 г., г. Москва). – М., 2002.
40. Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Международные отношения, 2002.
41. Федеральный конституционный закон Австрии от 10 ноября 1920 г. // Конституции государств Европейского Союза. – М., 1997.
42. Франция. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989.
43. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М., 2009.
44. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М., 1999.
45. Чудаков М.Ф. Конституционное государственное право зарубежных стран. – Минск: Харвест, 1998.
46. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
47. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в Таджикистане (вторая половина XIX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2009.
48. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М., 1998.
49. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. – М., 1995.
50. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
51. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М., 1997.
52. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.

МАЛУЕВА Елена Сергеевна,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-
Петербургского университета МВД России
E-mail: elena1309@list.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные способы совершения преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов.

Ключевые слова: хищения в сфере социального обеспечения; способы совершения хищений; средства государственных внебюджетных фондов; мошенничество.

MALUEVA E.S.

WAYS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO THE THEFT OF STATE NON-BUDGETARY FUNDS RESOURCES

The summary. The article considers the most common ways of committing crimes related to the theft of State non-budgetary funds resources.

Key words: thefts in the social welfare sphere; ways of thefts commitment; resources of State non-budgetary funds; fraud.

Одним из основных элементов криминалистической характеристики преступления, выступающим объективным признаком деятельности преступника, является способ совершения преступления, в который входит действие (бездействие) субъекта посягательства. Его установление способствует выявлению закономерных связей с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

Формирование способа совершения преступления происходит под влиянием потребности (цели, мотива), а также средств совершения преступления. Именно наличие у преступника определенных потребностей определяет то, как данные потребности могут быть удовлетворены. К числу других факторов обычно относят особенности предмета посягательства, объективную обстановку, психические свойства личности: характер, навыки, умения, привычки [5, стр. 9].

Хищения в сфере социального обеспечения

невозможны без предварительной подготовки, изучения обстановки, создания предпосылок к завладению чужим имуществом и сокрытия следов преступления. Данные преступления совершаются посредством выполнения активных действий. Их особенностью является то, что в подавляющем большинстве случаев действия по подготовке, совершению и сокрытию следов осуществляются на протяжении длительного времени.

Схематично подготовка к совершению хищения слагается из следующих действий: создание преступной группы; учреждение юридического лица; найм работников для осуществления обязанностей вспомогательного характера, например, приема денежных средств, передачи и предъявлении платежных бумаг; поиск юридического лица, посредством которого возможно оформление «липовых» документов по взаиморасчетам либо внесение средств в уставной капитал фирмы; фальсификация платежных

документов, различного рода документов, дающих право на получение социальных выплат и т. п.

Для преступной деятельности в сфере социального обеспечения не характерны традиционные материальные следы на месте совершения преступления, свидетельствующие о похищении чужого имущества в типичном криминалистическом значении. Завладение денежными средствами происходит посредством перечисления на счета подставных фирм, обналичивания и др. Сам факт перечисления денежных средств фиксируется в соответствующих документах.

Скрытие следов преступления может осуществляться путем утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации информации или ее носителей или иными способами.

Наряду с объективными обстоятельствами определенное влияние на процесс совершения преступления оказывают субъективные факторы – свойства личности преступника, в частности, на выбор способа его совершения. При совершении преступления каждый из преступников привносит в него черты, обусловленные индивидуальными свойствами личности, зависящими от уровня интеллекта, образования, наличия связей во властных структурах, хозяйствующих субъектах. Одни из них обладают большими способностями в плане общительности, коммуникабельности, умения войти в доверие, артистизма, другие – меньшими.

Непосредственно в структурных подразделениях органов управления внебюджетными фондами (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования) преобладают преступные посягательства, связанные с хищениями и нецелевым использованием средств путем мошенничества (ст. 159 УК РФ), присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), злоупотребления служебными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышения служебных полномочий (ст. 286 УК РФ) и сопряженные с ними преступления – получение взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Наиболее распространенным видом хищения средств внебюджетных фондов является мошенничество. Оно совершается различными способами. Чаще всего в мошеннических целях применяется завышение объемов работ или услуг, производимых коммерческими структурами на

средства Фондов по сговору между заказчиком и подрядчиком. В результате чего средства внебюджетных фондов, поступая на счета коммерческих организаций, обналичиваются и присваиваются, а объем предоставляемых услуг или товарно-материальных ценностей не соответствует объему перечисленных денежных средств.

Как правило, при проведении проверок контролирующими деятельность внебюджетных фондов финансовыми органами выявляются различного рода финансовые нарушения, свидетельствующие по первоначальным признакам о нецелевом использовании средств фонда. Очевидно, что данные факты должны попадать в сферу внимания оперативных сотрудников как можно раньше. Как показывает анализ уголовных дел, под нецелевым использованием средств, как правило, фактически скрываются не финансовые нарушения, а корыстные преступления.

Мошенничество нередко совершается путем искусственного увеличения числа получателей социальных выплат (также страховых и медицинских), в результате сговора сотрудников территориального фонда, руководителей органов социальной защиты населения и сотрудников предприятий связи (почтовых отделений).

Мошеннические действия, направленные на хищение денежных средств фондов, совершают не только работники фондов, но и получатели социальной помощи путем предоставления поддельных документов.

В деятельности органов страхования существует специфический способ мошенничества. Сущность его заключается в завышении суммы ущерба, подлежащего выплате страхователю имущества в результате наступления страхового случая, в соответствии с заключенным договором страхования, например, при страховании автомашины в случае аварии, угона; жилого дома на случай пожара, кражи. Страхователь и сотрудник органа страхования по договоренности завышают размер ущерба, подлежащего выплате в результате наступления оговоренного в страховом полисе события, после чего разницу между суммой, выплаченной органом страхования, и фактическим размером ущерба присваивают. Зачастую в данной схеме мошеннических действий участвуют не только страхователь имущества и представитель

страховщика, но и должностные лица других ведомств, например, при оформлении документов по возмещению ущерба в случае пожара – сотрудник госпожарнадзора, а при оценке размера ущерба, подлежащего выплате в результате аварии автомототранспортного средства, – эксперт-механик Всероссийского общества автолюбителей и т. п. [4, стр. 29].

Способы совершения хищений средств государственных внебюджетных фондов изменяются с учетом обстановки, действующего законодательства, так как зачастую преступники стараются совершить данный вид преступления, придавая своим действиям вид законных, с целью скрытия следов преступления.

Как правило, при хищении в крупном размере, преступления рассматриваемой категории совершаются группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой, в состав которой входит должностное лицо соответствующего фонда и финансово-кредитного учреждения (банка).

Среди наиболее распространенных способов хищения денежных средств из указанных фондов можно выделить:

- расходование средств фонда на цели, не соответствующие уставной деятельности;
- расходование средств фонда на коммерческие нужды, не предусмотренные сметой расходов фонда;
- заключение фиктивных договоров, по которым денежные средства перечисляются на счета подставных фирм;
- перечисление денежных средств по «липовым» платежным документам, выведение в последующем денежных средств в офшорные зоны и их хищение;
- перечисление средств фонда на банковские депозиты;
- приобретение различного рода активов (валюты, ценных бумаг, иного имущества) с целью их последующей продажи;
- осуществление взносов в уставный капитал другого юридического лица, оказание финансовой поддержки;
- расходование средств при отсутствии оправдательных документов, не оформление или неправильное оформление первичных документов (на приобретение товарно-материальных ценностей, на расходование средств, а также отсутствие авансовых

отчетов и т. п.);

- использование завышенных расценок и приписок при заключении подрядов на ремонтные работы служебных зданий;
- финансирование не предусмотренных положениями о фондах региональных программ за счет средств фондов;
- участие руководителей региональных отделений внебюджетных фондов в деятельности коммерческих банков, проведение рисковых банковских операций, влекущих потери средств фондов;
- расходование выделенных средств сверх норм, установленных Минфином России;
- завышение сумм выплат пособий, страховых выплат, и в последующем присвоение части выплат, в сговоре с лицом, на имя которого происходят выплаты;
- не начисление либо частичное начисление сумм индексации пособий, выплат;
- незаконное оформление договоров страхования и в последующем незаконное перечисление денежных средств по данным договорам при отсутствии законных оснований выплаты;
- незаконное оформление лиц в центре занятости населения, и в дальнейшем присвоение выплат, пособий;
- подделка трудовых книжек и других документов, дающих право на получение пенсий, пособий, а также оформление документов на право получения пенсии одним лицом в разных населенных пунктах;
- подделка документов, являющихся основанием для получения путевок в лечебные и оздоровительные учреждения;
- подделка документов, дающих право на получение бесплатного (льготного) муниципального жилья;
- неправомерный доступ к компьютерной информации финансового характера соответствующего фонда с последующим перечислением средств фонда на счета подставных фирм;
- внесение заведомо ложных сведений в базы данных фондов, на основании которых лицо (лица) получают право получения различного рода выплат;
- нецелевое использование денежных средств, выделяемых на ликвидацию последствий аварий, стихийных бедствий и т. п.

Данный перечень способов не являются исчерпывающим, также могут применяться иные мошеннические схемы для хищения средств государственных внебюджетных фондов, при этом способы хищения постоянно изменяются и совершенствуются [6, стр. 91].

Кроме того, в настоящее время получили широкое распространение хищения средств фондов с использованием достижений современной техники – электронно-вычислительных машин (ЭВМ) или компьютерных сетей.

При совершении данного вида хищений преступники, в большинстве случаев, используя свое служебное положение, осуществляют неправомерный доступ к информации финансового характера, содержащейся в базах данных финансово-кредитных учреждений (банковские учреждения). В результате чего совершают криминальные операции с указанной информацией, находящейся в ЭВМ или на машинных носителях: вносят искажения, сфальсифицированные данные в программные выходные данные ЭВМ с последующим их использованием для хищений; устанавливают код компьютерного проникновения в электронную платежную сеть расчетов по карточкам; создают двойники платежных карточек, иногда даже моделируют бухгалтерскую систему банка или другой организации и т. п. В ряде случаев проникновение в компьютерные сети и доступ к нужной информации осуществляется с помощью различных «жучков» и прочих технических средств. В результате преступники получают возможность снимать с компьютерных счетов клиентов наличные деньги, с последующим их присвоением [7, стр. 25].

Для совершения преступлений данного вида необходима предварительная подготовка, которая зависит от того, является ли преступник сотрудником банковского учреждения или нет, а также от степени профессионализма преступника, владения им навыками и умениями в области компьютерной информации, знаний о различных процессах деятельности банковских учреждений, соответствующих фондов (Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования). Преступники, не имеющие связи с работниками соответствующих фондов, банковских учреждений, продумывают пути доступа к компьютерной системе,

взламывают пароли и ключи программ. При совершении хищений работниками банковских учреждений, фондов, в частности, программистами, операторами и иными работниками компьютерного центра, выбирается наиболее благоприятная обстановка для совершения преступления, кроме того, преступники могут создавать «липовую» фирму для перечисления и последующего обналичивания похищенных денег и т. д.

При сокрытии данного преступления, как правило, восстанавливаются первоначальные программы, в которые были внесены изменения при совершении хищения средств фонда, пароли, ключи, подвергшиеся изменению, взлому. Данные действия свидетельствуют о совершении преступления специалистами высокой квалификации в области программного обеспечения, имеющими доступ к базам данных банковских учреждений, фондов социального обеспечения.

Несмотря на распространность хищений в указанной сфере, факты преступных посягательств выявляются сравнительно редко, что связано, прежде всего, с их высокой латентностью, сложностью раскрытия и отсутствием частных методик расследования данного вида преступлений.

Как показывает практика, для выявления хищений средств государственных внебюджетных фондов проводятся различного рода контрольные и проверочные мероприятия подразделениями Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям МВД России. При выявлении, раскрытии и расследовании преступлений данной категории и оценке действий похитителей необходимо руководствоваться положениями не только уголовно-процессуального законодательства, но и нормами Налогового Кодекса РФ, Бюджетного Кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях, Уголовного Кодекса РФ, иными нормативно-правовыми актами ведомственного характера.

Возрастание числа преступлений, совершаемых в данной сфере, обусловливает необходимость изучения преступлений, связанных с хищением средств государственных внебюджетных фондов, разработки методик выявления данного вида хищений и применения их в практических целях.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Журавлев С.Ю. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: Учебно-методическое пособие. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 43 с.
5. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1970. – 16 с.
6. Методика расследования преступлений экономической направленности: Тесты / Авт.-сост. Н.А. Данилова, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанков, Д.В. Пристанков, Е.Б. Серова. – СПб., 2004. – 216 с.
7. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика финансовых преступлений // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1999. – №1. – С. 19-30.

ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКА.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России; прокурор Костромской области (2001 –
2004 гг.); заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации (2004 – 2007 гг.);
государственный советник юстиции I-го класса,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматривается международно-правовая регламентация прав и законных интересов человека и гражданина, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Существуют международно-правовые акты, закрепляющие единые стандарты отправления правосудия по уголовным делам. В них определяющее место занимают положения, связанные с обеспечением прав и свобод граждан. Все международные нормативно-правовые акты, регулирующие область уголовного судопроизводства, автор разделяет на две группы, сосредоточивая внимание в основном на второй группе данных документов.

В этом контексте идет речь о всеобщей декларации прав человека (1948 г.), которая явилась первым международным стандартом в области прав человека, о Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), участницей которых является Россия, о Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой Советом Европы 4 ноября 1950 года.

Автор показывает, как эти международно-правовые акты находят отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и следственно-судебной деятельности.

Особо в работе представлены Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. в Женеве. Показывается дискуссия в юридической литературе по вопросам трактовки понятия «стандарты», формулируется авторская позиция в контексте анализа документов Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ.

Определенное внимание в статье отведено Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, принятой государствами-членами Совета Европы 26 ноября 1987 г. в Страсбурге, другим правовым актам.

Автор приходит к выводу о том, что Россия в последние годы активизировала международную деятельность в области обеспечения прав и свобод человека и продолжает расширять ее.

Ключевые слова: права и законные интересы гражданина; уголовное судопроизводство; международно-правовые акты; договор; декларация; пакт; соглашение; документ; протокол; стандарты; гражданские и политические права; экономические, социальные и культурные права; основные свободы; уголовно-процессуальное законодательство; следственно-судебная деятельность; человеческое измерение.

KONDRAT I.N.

RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE INDIVIDUAL AND CITIZEN: INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE AREA OF CRIMINAL PROCEDURE

The summary. The article considers the international legal regulation of the rights and legitimated interests of the individual and citizen who comes into the sphere of criminal proceedings.

There are international legal instruments which establish unitary standards of justice in criminal cases. The determining place in them is occupied by the provisions associated with the guarantee of citizens' rights and freedoms. All international legislative acts that regulate the area of criminal proceedings are divided by the author into two groups; he focuses for the most part on the second group of these documents.

In this context the subject concerns the Universal Declaration of Human Rights (1948) which was the first international standard in the area of human rights, International Covenant on Civil and Political Rights (1966), International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966) a participant of which is Russia, European adopted by the Council of Europe on November 4, 1950.

The author shows how these international legal instruments are reflected in the current criminal procedure legislation and investigative legislative activity.

A special presentation in the paper is given to the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners adopted by UN Congress in 1955 in Geneva. The debate in the legal literature on the issues of the concept "standards" is shown, the author's standpoint is formulated within the context of the analysis of documents of Copenhagen meeting of OSCE Conference on human dimension.

A certain consideration is given in the article to the European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment adopted by the member states of the Council of Europe on November 26, 1987 in Strasbourg, other legal acts.

The author comes to the conclusion that in recent years Russia has stepped up its international activity in the area of security of human rights and freedoms and continues expanding it.

Key words: citizens' rights and legitimate interests; criminal procedure; international legal acts; treaty; declaration; pact; covenant; document; protocol; standards; civil and political rights; economic, social and cultural rights; fundamental freedoms; criminal procedure legislation; investigative judicial activity; human dimension.

На мировой арене утвердилась позиция, что отношение к правам человека не является внутренним делом отдельного государства. Именно права человека выступают в качестве

основного критерия легитимности самого государства, поскольку оно ставит себя им на службу [39, стр. 40].

Международным сообществом разработан ряд

документов, содержащих положения, получивших признание в качестве руководящих, ключевых основ и единых стандартов отправления правосудия по уголовным делам и, прежде всего, в контексте обеспечения прав и свобод граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. В русле всеобщего процесса правовой интеграции, активным участником которого стала Россия, сближение российского законодательства с этими стандартами является естественным и необходимым. Расширяющееся в мире признание примата международного права предполагает дальнейшее развитие национальных правовых систем на основе международных стандартов.

Международные нормативно-правовые акты, регулирующие область уголовного судопроизводства, можно подразделить на две группы. К первой из них относятся международные правовые акты общего значения применительно к сотрудничеству России во внешней сфере, включая взаимодействие с процессуальными органами других государств при производстве по уголовным делам. Другую группу составляют акты, касающиеся прав и свобод человека (именно эта группа актов станет объектом более пристального внимания настоящей работы).

Основополагающие принципы и нормы, подчеркивающие ценность прав и свобод личности для мирового сообщества и их закрепляющие, содержатся во множестве международно-правовых актов. В первую очередь, это Всеобщая декларация прав человека 1948 года [2], уникальность которой заключается в том, что, будучи принята в форме резолюции-рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН, она фактически стала общей обычной нормой международного права, нередко именуемой «выдающимся документом в истории человечества» или «Хартией вольностей для всего человечества» [61, стр. 5; 67, стр. 85]. Значимость Всеобщей декларации заключается в том, что она явилась первым международным стандартом в области прав человека, компактно и доступным языком излагающим положения, составляющие основу «общепризнанных принципов и норм международного права», о которых идет речь в ст. 17 Конституции Российской Федерации [1].

Согласно Декларации, стержневым элементом, для признания прав и свобод человека является достоинство личности, определяемое как неотъемлемое свойство, поскольку присуще «всем

членам человеческой семьи от рождения, определяет равенство их прав и свобод, поведение в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1). Равенство прав и свобод означает, что каждый человек должен обладать ими «без какого бы то ни было различия» по признакам расы, пола, языка, религии, политических убеждений, социального положения, национальности, проживания на территории независимого государства, либо на подопечной или не самоуправляющей территории (ст. 2).

Трактуя права и свободы человека как неотъемлемое свойство личности, Всеобщая декларация закрепляет их доминирующее положение, что проявляется в установлении конкретных требований к правомерным ограничениям прав и свобод человека со стороны государства. Суть этих требований заключается в том, что они основываются на законе и осуществляются с целью «уважения прав и свобод других, удовлетворения требования морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29). При этом допускается возможность ограничения прав и свобод в исключительных случаях, Декларация в категоричной форме запрещает «какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам заниматься деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод» (ст. 30).

Нельзя не отметить, что большинство прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации, в той или иной степени имеют отношение к сфере уголовного судопроизводства, среди них: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3); право, без всякого различия, на равную защиту закона (ст. 7); право каждого человека, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10); право на презумпцию невиновности по уголовным делам (ст. 11); право на защиту закона от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь и произвольного посягательства на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и достоинство (право на неприкосновенность частной жизни, охрану чести

и достоинства) (ст. 12).

Права человека, имеющие отношение к сфере уголовного судопроизводства, закреплены и в других международно-правовых актах. В первую очередь, это принятые в 1966 году Международный пакт о гражданских и политических правах [7] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, [8] участницей которых является Россия. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом 16 декабря 1966 года закреплено право каждого, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно и право каждого, кто пал жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, на компенсацию, обладающей исковой силой (ст. 9). В ст. 14 Пакта закреплено, что все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, а также, что каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; быть судимым без неоправданной задержки; быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него; пользоваться

бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке; не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Права человека, относящиеся к сфере уголовного судопроизводства, в целом аналогичные закрепленным во Всеобщей декларации и в Международном пакте о гражданских и политических правах, получили закрепление и в региональных соглашениях, в частности в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [5], принятой Советом Европы 4 ноября 1950 года.

Значимость упомянутых выше международно-правовых актов по правам человека заключается в более детальной трактовке прав человека, закреплении гарантий их реализации государством, выделении особой категории фундаментальных прав человека, не подлежащих ограничению со стороны государств ни при каких обстоятельствах (право на жизнь, недопустимость пыток, право на судебную защиту).

Вступая в Совет Европы – наиболее авторитетную гуманитарную организацию – Российская Федерация ставила перед собой задачу идти по пути демократических институтов, отвечающих разработанным европейским сообществом стандартам и критериям, а также имеющих в своей основе признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности.

Одним из важнейших шагов на пути реализации обязательств, взятых при вступлении в эту организацию, стала ратификация Российской Федерацией 5 мая 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5], что впервые предоставило право российским гражданам на обращение с индивидуальными жалобами в Европейский суд по правам человека.

Конвенцию дополняют протоколы: № 1 (1952 года, Париж) [10], № 2 (1963 года, Страсбург) [11], № 4 (1963 года, Страсбург) [12], № 6 (1983 года, Страсбург) [13], № 7 (1984 года, Страсбург) [14], № 9 (1990 года, Рим) [15], № 10 (1992 года, Страсбург) [16], № 11 (1994 года, Страсбург) [17]. В данных документах получили развитие основополагающие принципы Всеобщей декларации прав человека и механизмы обеспечения этих прав.

Европейская конвенция о правах человека – международный договор, имеющий большую

историю, назначение которого состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение прав человека. Поэтому предоставляемый ею инструментарий защиты является наиболее развитым. Он послужил богатейшим источником международных судебных решений по правам человека. Конвенция – это также и уникальная система, выступающая в качестве международного общего права и функционирующая в режиме преемственности и независимости. О ней можно говорить как о системе общего права в том смысле, что она развивается благодаря создаваемому Европейской комиссией по правам человека и Европейским судом по правам человека прецедентному праву. При этом контрольные органы Конвенции признают себя связанными прецедентом (принцип *stare decisis*), а Комиссия считает себя обязанной следовать решениям Суда. Свойственные ей качества преемственности и независимости обуславливаются тем, что страсбургские учреждения функционируют независимо от национальных судебных органов государств-участников Конвенции. Для них эти учреждения не являются «четвертой инстанцией». Европейская Комиссия и Суд дают толкование оспариваемых положений внутреннего законодательства и оценку правоприменительной практики исключительно с точки зрения их соответствия требованиям Конвенции [30, стр. 29]. И хотя Протокол № 2 наделяет Европейский суд по правам человека очень ограниченной консультативной компетенцией, нельзя не учитывать, что право и полномочия страсбургских учреждений на разработку и выражение общих европейских стандартов в области защиты прав человека требует особого внимания к внутреннему законодательству и правоприменительной практике стран-участниц, чтобы поддерживать единство всей системы на международном уровне.

С учетом этих положений, после присоединения России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в нашем государстве в новый уголовно-процессуальный кодекс была включена норма о том, что вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по делу возобновлено ввиду новых обстоятельств. При этом среди новых обстоятельств названо установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите

прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, либо иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 413 УПК РФ).

В этой же связи правозащитными организациями в тесном взаимодействии с научными работниками и судебным сообществом разрабатываются многочисленные рекомендации по применению норм Конвенции при осуществлении правосудия [25; 43; 49; 56], которые имеют важное значение и для органов прокуратуры, и органов предварительного расследования, и в работе адвоката. Знание положений Конвенции и научно-практических работ по их применению в национальной правоприменительной практике, несомненно, будет способствовать повышению эффективности защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам, а значит и совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности.

В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод очень четко и лаконично определяются основные права лиц, вовлекаемых в сферу отправления правосудия по уголовным делам. При этом нельзя не заметить, что не все они нашли свое отражение в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и воплощены в правоприменительной практике суда, прокуратуры и органов предварительного расследования. Это должно быть исправлено и свой вклад в разработку дополнений и изменений УПК Российской Федерации и рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности надеется внести автор настоящего исследования.

В качестве примера можно привести сложившуюся в Российской Федерации правоприменительную практику реализации права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ратифицированная Российской Федерацией, предусматривает право каждого «при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...» (ст. 6). Однако, несмотря на то, что согласно

международно-правовым нормам быть судимым без неоправданной задержки составляет одно из основополагающих прав человека, неразрывно связанное с правом на справедливое судебное разбирательство, ни в науке, ни в процессуальном законе, ни в правоприменительной практике производства по уголовным делам в нашей стране оперативность никогда не рассматривалась как право лица, вовлекаемого в сферу уголовно-процессуальной деятельности, чтобы его дело было рассмотрено в разумный срок. Вместе с этим, в настоящее время проблеме процессуальных сроков необходимо уделить первостепенное внимание, в том числе и потому, что в силу целого ряда причин, как объективного, так и субъективного характера, положение со сроками предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел обстоит далеко не лучшим образом, о чем свидетельствует официальная статистика.

Сроки рассмотрения уголовных дел вызывают особую озабоченность еще и потому, что около тридцати процентов лиц, обвиняемых в совершении преступлений, содержатся под стражей. Принимая во внимание условия содержания под стражей в нашей стране, это становится не только правовой, но и социальной проблемой.

Важным обстоятельством, как уже отмечалось выше, является и тот факт, что российские граждане получили возможность обратиться за защитой своих прав в Европейский Суд по правам человека, и в настоящее время значительное число жалоб из России поступило на нарушение права быть судимым без неоправданной задержки. Конечно, задержки при решении правовых споров выступают причиной наибольшего количества жалоб, поступающих в Европейский Суд по правам человека от граждан европейских государств, подписавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод [31, стр. 485]. Однако это не должно успокаивать, так как в случае констатации нарушения указанного права жалобщик приобретает право на возмещение причиненного ему ущерба. Ущерб в ряде случаев может быть достаточно серьезным, если принять во внимание те последствия, которые могут наступить для обвиняемого в связи с длительным содержание под стражей в ненадлежащих условиях.

В этой связи российским законодателям и правоприменителям необходимо познакомиться с

подходом Европейского Суда по правам человека к рассматриваемой проблеме, чтобы реально оценить ее сложность и многосторонность и сделать необходимые шаги на пути ее разрешения. Итак, согласно п. 1 ст. 6 Европейской конвенции каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок. К слову сказать, и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, перечисляя права, которые как минимум должны принадлежать лицам, обвиняемым в совершении преступления, в п. «с» указывает на право быть судимым без неоправданной задержки. Обращает на себя внимание то, что речь в указанных нормах идет не о лицах, преданных суду, а о лицах, которым предъявлено обвинение. Поэтому начальным моментом, когда у человека появляется право быть судимым в разумный срок, считается момент предъявления обвинения, если он был задержан или в отношении него избрана мера пресечения, то соответственно с этого момента. Конечным сроком считается вступление приговора в законную силу. С означенных позиций в нашей стране сложилась очень сложная ситуация.

Толкование формулы «разумный срок» зависит от того, находится обвиняемый под стражей или нет, поскольку находящееся под стражей лицо имеет право на то, чтобы его дело рассматривалось в первоочередном порядке и чтобы процесс шел достаточно быстро. Поэтому разумный срок, о котором идет речь, применительно к лицам, содержащимся под стражей, должен быть более коротким. Комиссия по правам человека разъяснила, что длительная задержка в судебном разбирательстве может быть приемлемой и обоснованной по причине, например, сложности дела, однако это не может оправдывать длительное содержание лица под стражей.

Определяя, какой срок является «разумным» Европейский Суд постановил, что все решают конкретные обстоятельства дела. Суд должен учесть, в частности, сложность фактических и юридических вопросов, постановленных в деле, поведение заявителей и компетентных властей и то, какие интересы первых были поставлены на карту; кроме того, лишь задержки, в которых можно обвинить государство, могут оправдать вывод о невыполнении требования, касающегося

«разумного срока».

Для более тщательного анализа задержек, вызванных «наличием в судебной системе портфеля нерассмотренных дел», Европейский Суд разделил такие портфели на два типа. Первый возникает при чрезвычайных ситуациях, таких, как экономический кризис, когда государство заранее не могло предвидеть резкое увеличение числа споров и, осознав проблему, принимает быстрые и эффективные меры для ее устранения. «Конвенция возлагает на договаривающиеся государства обязанность организовать свои правовые системы так, чтобы суды могли выполнять требования п. 1 ст. 6, включая требование проводить разбирательство «в разумный срок». Тем не менее временное накопление работы не влечет за собой ответственности договаривающихся государств при условии, что они достаточно оперативно принимают меры к устраниению исключительной ситуации такого рода» [19, стр. 489].

Портфель второго типа называется структурным и предполагает существование большего количества дел, чем способна рассмотреть судебная система. При таких обстоятельствах Европейский Суд проявляет большую жесткость, поскольку здесь не обнаруживаются обстоятельства, которые свидетельствовали бы о непредвиденной и чрезвычайной ситуации. В таких случаях имеет место запущенное состояние с кадрами судей и судебной нагрузкой. Такую позицию Суд продемонстрировал в деле «Cuincho против Португалии». По данному делу Суд постановил, что поскольку наплыv дел, вызванный возвращением Португалии к демократии, не был совершенно непрогнозируемым, усилий Португалии (оказавшихся неэффективными) недостаточно для освобождения ее от ответственности.

Исходя из вышеизложенного, можно с полной ответственностью утверждать, что ситуация, сложившаяся в российской судебной системе в целом и при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу, в частности, связанная с недофинансированием судов, систематическим увеличением нагрузки (в частности, за счет введения более расширенного судебного контроля за предварительным расследованием уголовных дел, апелляционной формы обжалования решений районного, городского суда и суда субъекта Федерации) при неукомплектованности судебных

кадров, совершенно очевидно Европейским Судом по правам человека не будет принята во внимание при рассмотрении жалоб граждан, поскольку ситуация с несоблюдением «разумного срока» рассмотрения дел сложилась давно и была прогнозируемой при принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и внесении в него соответствующих изменений.

В этой связи в организационно-правовом плане следует решить вопрос допустимой и обоснованной судебской нагрузки. Кроме этого, в уголовно-процессуальном законе более детально (нежели это сделано в ст. 6.1. УПК РФ) закрепить международную норму, регламентирующую необходимость судебного разбирательства дела в разумный срок, а также предусмотреть эти сроки по разным категориям дел.

В целом же в настоящее время критерием любого закона должно быть признание соответствия его положениям международного права, которые, в свою очередь, наиболее полно отражают общечеловеческие ценности: гуманизм, справедливость, милосердие, уважение естественных прав человека, его гражданских и политических свобод. И с этих позиций в ходе дальнейшего исследования будут оценены положения уголовно-процессуального закона, а также проанализирована деятельность участников уголовного судопроизводства на предмет соответствия международным стандартам в области отправления правосудия и охраны прав и свобод личности, в целях разработки предложений по совершенствованию содержания самого процессуального законодательства и регламентируемой им деятельности.

В рамках настоящего параграфа также укажем, что Российская Федерация также присоединилась к Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1984 года [9, стр. 138], содержащей нормы, касающиеся прав человека в области отправления правосудия, защиты прав лиц, подвергающихся задержанию или тюремному заключению (Конвенцияratифицирована СССР 3 марта 1987 года).

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 году в Женеве [18, стр. 24], предусмотрены специальные разделы о правах лиц, находящихся под арестом

или ожидающих суда, а также лиц, арестованных или помещенных в тюрьму без предъявления обвинения. В частности, это право обращаться за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. Правила одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета 663 от 31 июля 1957 года.

Уместно отметить, что именно в данном акте был впервые применен термин «стандартные правила», суть которых сформулирована в ст.ст. 1-3 «Предварительных замечаний». Из них следует, что международные стандарты – это нормы, которые на основе общепризнанных достижений современной мысли обычно считаются правильными с принципиальной и практической точки зрения. Бессспорно, что не все стандарты можно применять повсеместно и одновременно, поскольку имеются существенные различия в юридических, социальных, экономических и иных условиях развития стран. Однако они должны вызывать к жизни постоянное стремление государств к преодолению практических трудностей, стоящих на пути их осуществления, поскольку в целом отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми [47].

В настоящее время принято называть все международные нормы в области прав и свобод личности международными стандартами [51, стр. 31].

Анализ юридической литературы дает основание для вывода о неоднозначной трактовке учеными понятия «стандарты». Некоторые авторы рассматривают международные стандарты как обязательства государств или требования, которые члены международного сообщества предъявляют друг другу [64, стр. 117-118].

Согласно другой точки зрения, термин «стандарты» применительно к обязательствам в сфере прав человека не вполне корректен. Основным аргументом в пользу такой позиции служит то, что под стандартом обычно понимается типовой «образец, эталон, модель, принимаемый за исходный при сопоставлении с ним других подобных объектов» [57, стр. 481], которые должны ему соответствовать по своим признакам, свойствам, качествам.

На наш взгляд, частично прав С.В. Бахин, согласно мнению которого, нормы по правам

человека едва ли можно считать эталоном, поскольку сформулированные в них положения, относящиеся к тому или иному правомочию человека, регулируются, как правило, в самом общем виде. И даже если бы государства попытались регламентировать какие-либо положения по правам человека исчерпывающим образом, они вступили бы в противоречие с теми положениями, которые уже существуют в законодательстве отдельных государств по этому вопросу. Возможность достигнуть согласия при создании норм по правам человека собственно и базируется на том, что государства регламентируют правовой статус личности самым общим образом, оставляя за национальным законодателем право уточнять и детализировать данные положения, вписывая их в уже существующую систему национального права [26, стр. 4].

На наш взгляд, понятие «стандарты» применительно к правам человека следует рассматривать не как образец, эталон или модель, а как общее нормативное правило. Его цель – достижение адекватной восприимчивости к правам человека и их одинаковой применимости не только на международном, но и на каждом из региональных уровнях. Так, например, в документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ утверждается главенствующая роль международных стандартов в области прав человека. Согласно Документу любое государство имеет право «свободно выбирать и развивать в соответствии с международными стандартами в области прав человека свои политические, социальные, экономические и культурные системы... и должны обеспечивать, чтобы их законы, административные правила и политика сообразовывались с их обязательствами по международному праву» [4, стр. 296].

Однако именно в этом и заключается парадокс, суть которого состоит в том, что, во-первых, о реальности стандартов в области прав человека можно говорить только тогда, когда они будут не только формально декларироваться, но и реально обеспечиваться. Иными словами, стандарты в области прав человека должны соотноситься со стандартами механизма их обеспечения. Во-вторых, недопустимо игнорировать многообразие самобытных и самодостаточных культур, особенности цивилизационной среды, с учетом

которых права человека формируются и реализуются. Не случайно, поэтому в научной литературе отмечается, что «стандарты сегодня выражают минимальные ориентиры для норм о правах в национальных правопорядках» [29, стр. 230], что это весьма общие правила, а по существу – принципы взаимоотношений отдельных людей, формируемых ими сообществ и различных государственных и надгосударственных институтов.

Существенное значение для формирования системы европейской защиты прав человека имело принятие государствами – членами Совета Европы 26 ноября 1987 года в Страсбурге Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – Конвенция по предупреждению пыток) (вступила в силу в 1989 году) [6]. В ее основу положена ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [6, стр. 620]. Цель Конвенции по предупреждению пыток – оказание помощи европейским государствам в усилении защиты лиц, лишенных свободы.

С учетом этого Конвенция по предупреждению пыток учредила Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания – внесудебный механизм воздействия с целью предупреждения возможных физических или моральных злоупотреблений в отношении лиц, лишенных свободы (находящихся в заключении), и эффективного надзора, контроля за обращением с такими лицами. Состав этого органа формируется из представителей государств-участников названной Конвенции. Комитет наделен правом направлять членов Комитета и его экспертов в любые места заключения либо содержания под стражей, находящиеся на территории государства-участника, и при необходимости на основе установленных в докладе фактов давать рекомендации заинтересованному государству.

Развитие европейского сотрудничества в области прав и свобод человека способствовало появлению ряда пактов, конвенций, договоров и других документов (свыше 300), значительно развивших и обогативших содержание европейских стандартов, которые приобрели силу норм международного права (Свод принципов защиты

все лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1990 года и многие другие).

При этом, строго отстаивая права и свободы личности во взаимоотношениях с государством, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, международное сообщество озабочено и другим, не менее важным вопросом – противодействием преступности.

Не секрет, что в мире наблюдается значительный рост преступности, в том числе и транснациональной, которая дестабилизирует экономику, оказывает разрушительное влияние на политику и общественную жизнь, представляет угрозу для безопасности государств [21; 22; 23; 24; 27; 28; 34; 37; 41; 42; 50; 52; 53; 54; 55; 58; 66]. «Организованная преступность не просто наладила международные связи и вышла на международную арену, но заняла там твердые позиции, стала элементом международной преступной деятельности, широко влияющей на положение дел в мире, международную политику» [32, стр. 43]. Распространению транснациональной преступности способствует также миграция, нелегальное проживание и т. п.

Наиболее действенной мерой борьбы с преступностью на международном уровне является объединение государств, согласованное сотрудничество и создание единых целенаправленных программ с реально обеспеченным исполнением.

Поэтому особую значимость приобретает взаимодействие Российской Федерации с другими государствами и их помощь. Российская Федерация в последние годы активизировала международную деятельность и продолжает расширять ее. На территории России действуют Венская конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ 1988 года, Конвенция о захвате заложников 1979 года, а также многосторонние и двусторонние договоры о сотрудничестве в области борьбы с военными преступлениями, преступлениями против мира и безопасности человечества, геноцида, расовой и иной дискриминации, жестокого обращения и др.

В сфере уголовной юстиции наша страна является участницей более 300 международных договоров, в том числе и по оказанию правовой помощи по уголовным делам. Среди них Минская конвенция о правовой помощи и правовых

отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, участниками которой являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. Аналогичные двусторонние договоры заключены с Алжиром, Албанией, Болгарией, Ираком, Вьетнамом, Италией и многими другими странами.

Примечательна также в рассматриваемом контексте Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. [3]. В соответствии с ее положениями жертвы преступлений – это лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством [3, стр. 165].

В свою очередь статья 52 Конституции Российской Федерации гарантирует охрану прав потерпевших от преступлений и обеспечение им доступа к правосудию (обеспечивает реализацию конституционных положений пункт первый части первой статьи 6 УПК Российской Федерации, в котором сформулирована главная цель уголовного судопроизводства - защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений).

В этой связи в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года №1 отмечается, что любое преступное посягательство на личность, ее права и свободу является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Государство, обеспечивая особое внимание к интересам и требованиям потерпевшего от преступления, обязано способствовать устранению нарушений его прав и восстановлению достоинства личности [20].

Далее отметим, что в соответствии с ч. 4 ст. 15

Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы. Именно в таком ключе, то есть как составная часть правовой системы Российской Федерации, международно-правовые принципы, нормы и международные договоры в сфере охраны прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства и подлежат рассмотрению. В связи с этим требуется сказать несколько слов о проблематике включения международно-правовых принципов и норм в сферу охраны прав и свобод личности в правовую систему Российской Федерации.

И здесь во многом справедливым следует признать высказывание С.Л. Зивса о том, что проблема соотношения международного и внутригосударственного права «монополизирована наукой международного права» [33, стр. 221]. Вместе с тем в настоящее время вопросам применения международно-правовых положений в российской правовой системе уделяется определенное внимание и ученых-процессуалистов.

Итак, необходимо отметить, что вышеуказанное конституционное положение открывает путь непосредственному применению положений международного права об охране прав и свобод личности в различных областях внутригосударственной деятельности, в том числе при производстве по уголовным делам. Однако как сама возможность, так и условия такого применения являются предметом широкой дискуссии в юридической науке. Так, одни ученые являются категорическими противниками прямого действия международного права внутри страны [63, стр. 90; 68, р. 132], другие исходят из того, что регламентация внутренних отношений международно-правовыми нормами – достаточно частое явление, и нет никаких принципиальных препятствий для прямого действия международных норм во внутригосударственной сфере [35; 36; 44; 45]. Нам же наиболее близка позиция третьей группы ученых, полагающих, что включать международные нормы в число непосредственных регуляторов внутригосударственных отношений можно лишь в тех случаях, когда совпадает объект регулирования международного и национального права [38, стр. 299].

«Главный вопрос непосредственной применимости, – считает А. Коллер, – связан с тем, подходит ли норма договора для того, чтобы быть в распоряжении национального пользователя» [69, р. 119]. И нормы международно-правовых актов, закрепляющие и обеспечивающие охрану прав и свобод личности подходят для этого как нельзя лучше.

«Однако более предпочтительным, – правильно утверждает В.С. Шадрин, – представляется все же традиционный путь, когда норма международного права проходит стадию трансформации в национальное право, а затем обеспечивается национальными юридическими средствами, поскольку непосредственное применение судами и другими органами, ведущими процесс, норм международных договоров представляет известную сложность» [65, стр. 21]. Кроме того, в России еще не сложились традиции непосредственного применения международных норм и, соответственно, степень осведомленности о них даже профессиональных юристов довольно ограничена [46, стр. 22].

В юридической науке высказываются различные мнения по вопросу о видах и способах трансформации. Так, Е.Т. Усенко исходит из существования двух видов трансформации: генеральной и специальной. Генеральная трансформация заключается в установлении государством в своем внутреннем праве общей нормы, придающей международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия. Специальная трансформация заключается в придании государством конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем воспроизведения в законе текстуально, либо в виде положений, адаптированных к национальному праву, или путем законодательного выражения согласия на их применение, или иным способом [60, стр. 17].

Похожую позицию занимает С.В. Черниченко, различающий трансформацию автоматическую и не автоматическую, т. е. требующую принятия специального решения. Если законодательство государства предусматривает, что все международные договоры, в которых оно участвует, являются частью его внутреннего права, то нормы любого международного договора, как только он вступает для данного государства в силу, автоматически трансформируются. Если же

законодательство требует для придания договору силы закона, это будет уже не автоматическая трансформация [62, стр. 132].

И.И. Лукашук различает прямую и опосредованную трансформацию. «В первом случае правила договора воспроизводятся во внутреннем праве в силу самого акта о ратификации. Нередко эту процедуру называют инкорпорацией, т.е. включением. Договор в целом как бы включается во внутренне право. Во втором случае на основе договора издается внутренний нормативный акт, с большей или меньшей полнотой воспроизводящий содержание договора» [40, стр. 12].

Ю.А. Тихомиров выделяет три способа трансформации. Во-первых, прямую трансформацию, когда в соответствии с конституцией или законами государства нормы международного права автоматически приобретают силу действующих на территории этого государства. Во-вторых, инкорпорацию, когда нормы международного права, в том числе договорные, непосредственно включаются во внутреннее право. В-третьих, опосредованную трансформацию, когда международно-правовые нормы приобретают силу норм внутреннего права лишь в результате издания законодательным органом специального акта [59, стр. 235].

По мнению Л.Х. Мингазова, внедрение норм международного права во внутригосударственное право означает так называемую имплементацию. Среди способов ее осуществления применительно к уголовно-процессуальному праву ученый выделяет в основном рецепцию, т. е. восприятие внутригосударственным правом нормы международного права без изменения ее содержания, и трансформацию, т. е. совокупность форм и методов преобразования норм международного права в нормы государственного права [48, стр. 189].

Не вдаваясь в дискуссию о названиях способов трансформации и особенностях их содержания, считаем необходимым высказать несогласие с авторами – сторонниками возможности буквально-текстуального автоматического или же в силу ратификации, либо иного способа присоединения, включения положений международно-правовых актов в правовую систему России. И хотя последний путь трансформации неизбежен, наиболее целесообразным все же является адаптированное преломление в конституционном

и отраслевом законодательстве положений международно-правовых актов. Безусловно, только относительно тех международно-правовых правил, которые закрепляют и регламентируют охрану прав и свобод человека и гражданина. Иной подход к трансформации указанных положений может повлечь коллизии международно-правовых и национально-законодательных норм, механизм разрешения которых в настоящее время отсутствует.

Что касается непосредственного применения международных стандартов в области прав человека, то полагаем, что оно возможно, во-первых, при наличии пробелов в российском законодательстве, которые могут быть восполнены непосредственным применением международных норм. Во-вторых, в случае возникновения сложностей в толковании (уяснения смысла и содержания) отечественного законодательства с тем, чтобы их применение не приводило к нарушению общепризнанных принципов и норм международного права и, как следствие, – к нарушению прав человека.

Исходя из вышеизложенного, следует также отметить, что внутригосударственные правовые средства имплементации международных стандартов по правам человека в национальном уголовном судопроизводстве являются достаточно устойчивыми и эффективными, а система государственных органов Российской Федерации и установленная процедура их деятельности могут обеспечить функционирование механизма имплементации путем:

- конституционного обеспечения выполнения международных норм о правах человека в уголовном судопроизводстве;
- законодательного обеспечения выполнения международных норм о правах человека в уголовном судопроизводстве;
- судебного обеспечения выполнения международных норм о правах человека в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, наличие внутригосударственного механизма имплементации международных норм, позволяет сегодня обеспечить полную, всестороннюю и своевременную реализацию принимаемых государством международных обязательств, в том числе и в области прав человека в уголовном судопроизводстве. При этом национальное законодательство, регламентирующее уголовно-

процессуальную деятельность, охрану прав и свобод личности при производстве по уголовным делам еще нуждается в развитии, как требуется совершенствование и самому уголовному процессу, с позиций решения поставленных перед ним уголовно-процессуальным законодательством правозащитных задач (ст. 6 УПК РФ). Как уже отмечалось выше, важны не только всеобщее признание и законодательное (конституционное) закрепление прав человека и гражданина, но и реальный и эффективный механизм их соблюдения и защиты. Формирование такого механизма, отлаживание его элементов остается одной из наиболее актуальных проблем совершенствования современного российского законодательства.

И в завершение параграфа отметим следующее. Процесс реформирования российского государства сегодня, к сожалению, протекает весьма противоречиво. Так, с одной стороны, создаются основные институты правового государства и гражданского общества, национальное законодательство приводится в соответствие с международными стандартами в области охраны прав и свобод личности, с другой стороны, количество преступлений растет, изменяются ее качественные параметры. Это требует совершенствования законодательной базы в области административного и уголовного права, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, которая способствовала бы эффективному противодействию преступности и в то же время гарантировала бы соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Однако надлежащего баланса на сегодняшний день добиться не удается. В этой связи представляется, что в настоящее время все законодательные акты, регламентирующие вопросы противодействия преступности, и в особенности уголовно-процессуальной деятельности, должны проходить экспертизу на предмет соответствия международным стандартам в сфере отправления правосудия и охраны прав и свобод личности, конституционным нормам и сложившимся в российском обществе представлениям справедливости, свободе, равенстве и ответственности; для чего, соответственно, должна быть создана комиссия из научных работников, занимающихся вопросами правовой защиты личности, культурных деятелей, представителей правозащитных организаций и органов исполнительной власти, осуществляющих

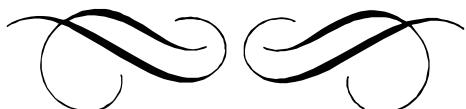
уголовно-процессуальную деятельность, а также может взять на себя Общественная палата законодателей. В настоящее время эту функцию Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2012.
2. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
4. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. – М., 1993.
5. Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №2. – Ст. 163.
6. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Международные акты о правах человека. – М., 1999.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
8. Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
9. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. в Женеве // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 1999.
10. Протокол №1 (1952 г., Париж) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
11. Протокол №2 (1963 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
12. Протокол №4 (1963 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
13. Протокол №6 (1983 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
14. Протокол №7 (1984 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
15. Протокол №9 (1990 г., Рим) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
16. Протокол №10 (1992 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
17. Протокол №11 (1994 г., Страсбург) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
18. Резолюция Экономического и Социального Совета 663 от 31 июля 1957 г.: Сб. международно-правовой документации. – М., 1974.
19. Решение от 25 июня 1987 г. Milasi против Италии // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 1999.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюсева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 4. – Ст. 602.
21. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шаписев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
22. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
23. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: теория и современность. – СПб., 1998.
24. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.

25. Алексеева Л.Б. Практика применения статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. – М., 2000.
26. Бахин С.В. Всеобщая декларация 1948 г. От каталога прав человека к унификации правового статуса личности // Правоведение. – 1998. – №4.
27. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
28. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
29. Глухарева Л.И. Современные проблемы теории прав человека. – М., 2004.
30. Гомъен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М., 1997.
31. Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. – М., 1997.
32. Долгова А.И. Преступность // Преступность и реформы в России: Сб. статей / Под ред. А.И. Долговой. – М., 1998.
33. Зивс С.Л. Источники советского права. – М., 1981.
34. Иванов И.И. Предупреждение преступлений (комплексное политico-правовое исследование). – СПб., 2005.
35. Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Сов. государство и право. – 1985. – № 1.
36. Игнатенко Г.В. Применение норм международного права в российской правовой системе // Правовая реформа России: проблемы теории и практики. – Екатеринбург, 1996.
37. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
38. Курс международного права. В 7-ми т. Т. 1. – М., 1989.
39. Ледях И.А. Защита прав человека как функция конституционного правосудия // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. – М., 1994.
40. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. – М., 1997.
41. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – №5.
42. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
43. Маковей М., Разумов С.А. Европейская Конвенция о защите прав человека. Статья 5: Право на свободу и личную неприкосновенность: прецеденты и комментарии. – М., 2002.
44. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень, 1998.
45. Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного права и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 1997. – № 2.
46. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. – М., 1993.
47. Международные нормы и стандарты в области прав человека: Учебный курс ООН // Сов. журнал международного права. – 1991. – № 2. – С. 28-67.
48. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. – Казань, 1990.
49. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская Конвенция о защите прав человека. Статья 6: Право на справедливое судебное разбирательство: прецеденты и комментарии. – М., 2001.
50. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 77-87.
51. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М., 1991.
52. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
53. Овчинский В.С. Криминология и биотехнология. – М: Норма, 2005.
54. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
55. Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
56. Рекомендации по применению статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека – право на беспристрастное разбирательство дела. Издание Санкт-Петербургской общественной организации «гражданский контроль» и Шведского Агентства международного сотрудничества и развития. – СПб., 2002.
57. Словарь иностранных слов. 8-е изд. – М., 1981.
58. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации: государственно-правовой механизм противодействия ее проявлениям / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2011.
59. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М., 1994.

60. Усеню Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российской Конституция // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2.
61. Федерик Майор (Генеральный директор ЮНЕСКО) // Всеобщая декларация прав человека: 45-я годовщина. 1948 – 1993 гг. ЮНЕСКО. – Париж, 1994.
62. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993.
63. Черниченко С.В. Объективные границы международного права и внутренняя компетенция государства // Сов. ежегодник международного права. – М., 1985.
64. Черниченко С.В. Развитие международных стандартов и процедур в области прав человека / Права человека в истории человечества и в современном мире. – М., 1989.
65. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М., 2000.
66. Щерба С.П., Приданов С.А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М.: Юрлитинформ, 2002.
67. Элеонора Рузвелт (общественный и политический деятель США, председатель Комиссии по правам человека) (1946-1951) // Всеобщая декларация прав человека: 45-я годовщина. 1948 – 1993 гг. ЮНЕСКО. – Париж, 1994.
68. Cronauer H. Der internationale Vertrag im Spannungsfeld zwischen Verfassung und Volkerrecht. – Munchen, 1986.
69. Koller A. Die unmittelbare Anwendbarkeit volkerrechtlicher Verträge und des EWG-Vertrags im innerstaatlichen Bereich. – Bern, 1971.

АРТАМОНОВА Галия Калимовна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,

доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

ОЛЬ Екатерина Михайловна,
доцент Санкт-Петербургского государственного
аграрного университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ol'ekaterina@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ЯКОВЛЕВ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук
E-mail: yakovlevoleg@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению института государственно-правового регулирования. Авторы, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных политико-правовых положениях, акцентируют внимание на актуальных проблемах, связанных с регулированием государственно-правовых отношений, рассматривают возможные пути повышения эффективности механизма правового регулирования.

Ключевые слова: государственное управление; регулирование государственно-правовых отношений; государственная власть.

**ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
OL' E.M.
REUF V.M.
YAKOVLEV O.N.**

EFFECTIVENESS OF STATE POLICY AND LEGAL REGULATION

The summary. The article is concerned with consideration of the institution of state-and-

legal regulation. The authors through a comprehensive analysis based on the fundamental political-and-legal provisions focus on the topical issues related on the regulation of state-and-legal relations, consider possible ways of increasing the effectiveness of the legal regulation mechanism.

Key words: state administration; regulation of state-and-legal relations; state power.

Государственное управление – это регулятивное воздействие на общественные отношения, содержание которого проявляется в целенаправленном, организующем, юридически-властном воздействии специально уполномоченных органов на поведение граждан и коллективные образования в областях, отраслях, сферах общественно-политической жизни в целях выполнения функций государства, на основании законов и в интересах общества [11; 29; 30; 31; 32; 43; 54; 67].

В современной теории государственного управления ведутся дискуссии по поводу соотношения категорий «государственное управление» и «правовое регулирование» [5; 6; 7; 15; 16; 19; 21; 27; 38; 39; 44; 45; 46; 55; 58; 59; 63; 66; 73; 74; 76; 77; 78; 85]. В этой связи отметим, что категория «управление» отражает преимущественно внешнее (исходящее от субъекта) целеполагающее воздействие на систему, действие, являющееся фактором сохранения и стимулирования определенной направленности саморазвития системы. В свою очередь, категория «регулирование» предполагает создание необходимых условий для спонтанного действия внутренних закономерностей и механизмов системы. Например, для предупреждения конфликтов или примирения конфликтующих сторон [47; 72; 86; 66]. Управление означает подбор и целенаправленное использование методов и средств, а также разработку технологий действия государственных институтов для достижения планируемых результатов (изменения системы, урегулирования и разрешения конфликтов и пр.).

Но правовое регулирование может рассматриваться и как специфическая правовая форма (наряду с неправовыми, организационными) осуществления государственного управления. В этом смысле регулирование – непременный элемент государственного управления.

В соответствии с инструментально-юридическим подходом инструментом, при помощи

которого государство осуществляет регулятивно-управленческое воздействие на общество, прежде всего, является право. Однако, наличие инструментария, являясь необходимым, вместе с тем не может рассматриваться в качестве достаточного условия процесса регулирования. Регулирование – это процесс предполагающий наличие средства регулирования (в нашем случае это нормы административного права), субъекта, имеющего возможность и наделенного соответствующими полномочиями по осуществлению регулирования и, наконец, обстоятельств, обусловливающих осуществление деятельности, связанной с регулированием. Следовательно, правовым регулированием может считаться процесс, предполагающий активное, упорядочивающее правовое воздействие органов государственной власти на юридически значимые общественные отношения.

Качественная оценка государственного управления как специфической формы реализации публичной политической власти осуществляется через категорию «эффективность», а точнее посредством категории «эффективность деятельности» характеризующей любую деятельность, включая управленческую, как производительную, продуктивную, результирующую. Понятие эффективности государственного управления предполагает такое определение, в котором отражается специфическая сущность его как деятельности социально-политически целесообразной и целенаправленной. Таким образом, эффективность государственного управления – это понятие, обозначающее соотношение результатов и достигнутых общественных целей, результатов и использованных государственных ресурсов. Эффективное управление – это деятельность с наилучшими из возможных результатов по удовлетворению общественных потребностей и интересов в условиях регламентации ресурсов государством. Эффективность – показатель того, насколько полно усилия (ресурсы), затраченные

управляющим субъектом и обществом на решение поставленных проблем, реализованы в социально значимых конечных результатах. Категория «эффективность государственного управления» определяется через понятия: «общественные цели», «результаты», «общественные потребности и интересы». Каждое из них отражает специфические признаки государственного управления с аспектом политического. «Общественные цели» – в конечном счете – это политически значимые цели; «результаты» – объекты, услуги, процессы, связанные с удовлетворением общественных потребностей и интересов (выраженных в политике); «государственные ресурсы» – экономический, социальный, политический, идеологический и информационный капиталы, регламентированные государством как в плане общественной целесообразности и возможности, так и правовой обоснованности.

Необходимым условием эффективного государственного управления, является соответствие осуществляемой управленческой деятельности, используемых средств и достигаемых целей современным социально-политическим ценностям. Базовые ценности современного общества – это политическая демократия (народовластие), суверенитет государства, его целостность и безопасность, правовой закон, политические и социальные права и свободы человека, свободный труд, основанный на многообразии собственности на средства производства, плюрализм и др. [1; 3; 8; 9; 10; 17; 18; 20; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 34; 35; 37; 40; 42, стр. 245; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 57; 60; 61; 62; 64; 65; 75; 79; 84; 87]. В этой связи особое значение приобретает такая социально-политическая ценность, определяющая эффективность государственного управления как легитимность публичной политической власти. Ведь именно от отношения граждан к функционирующей государственной власти, от того, как они оценивают эту власть с точки зрения ее легитимности, во многом зависит конечный результат регулятивно-правового воздействия властных институтов на общество [4; 12; 13; 14; 33; 56; 69; 70; 71; 80; 81; 82; 83].

Дееспособность и авторитет власти, эффективность осуществления управленческих функций во многом зависят от социального признания и обоснования. Такое признание, по сути,

является основным, стратегическим ресурсом любой социальной власти, во многом раскрывающим ее социальное предназначение. Признание власти включает в себя два основных компонента, составляющих своего рода основу: во-первых, осознание властвующим субъектом (правящими верхами) своего права на власть, наличие реальной возможности и способности осуществлять эту власть; во-вторых, восприятие этой власти, мнение о власти, отношение к ней подвластного субъекта признающего власть (например, народа или, по крайней мере, большей его части).

Легитимность государственной власти – это социальное признание ее права на осуществление государственного управления. Власть чрезвычайно необходима для достижения государственных целей, ибо государственное функционирование вряд ли будет эффективным, если не соблюдаются соответствующие правила. Именно потому, что легитимность играет важную роль, правительство стремится обосновать свою власть, опираясь на определенные принципы. В сущности, властвующий или претендующий на власть субъект пытается создать ситуацию, в которой необходимые управленческие решения признавались и соблюдались бы «не на страх, а на совесть», с верой в нравственную правоту этих решений и законов. Государственная власть не может рассчитывать на длительное существование и эффективную деятельность, полагаясь только на насилие. Необходимо добровольное согласие, скрепленное уважением законности [2, стр. 24].

Ни одно правительство в процессе осуществления управленческих функций не может полностью полагаться на физическую силу как гарант согласия с их властью. Путем угроз и репрессий можно заставить повиноваться лишь небольшую часть граждан, но, нарастая, сопротивление властям приводит к массовому гражданско-неповиновению. Первой предпосылкой добровольного согласия является твердая уверенность народа в том, что представители власти с полным основанием занимают свои посты, что они вырабатывают, и претворяют в жизнь соответствующие управленческие решения, законным путем, не посягая на то, что справедливо считается частным и личным. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцаряется беззаконие и опасность социальных катаклизмов, а государственное

управление из функциональной результативной деятельности трансформируется в деятельность,

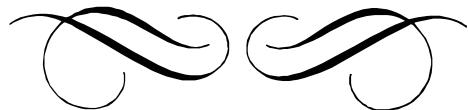
носящую дисфункциональный, а часто и деструктивный характер.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб., 1998.
2. Авдийский В.И. Механизм легитимации государственной власти (историко-теоретическое исследование): Автореф. дис. .... док. юрид. наук. – СПб., 2002.
3. Азаров А.Я. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. – М., 2000.
4. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир культуры, истории, философии).
5. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966.
6. Антонова Л.И. Локальное правовое регулирование. – Л., 1985.
7. Арановский К.В. Миѳология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал российского права. – 2002. – №9. – С. 84-92.
8. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.
9. Артаманова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 148-152.
10. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Рейф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
11. Атаманчук Г.В. Теория управления. – М., 2006.
12. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и geopolитические проблемы. – М., 1997.
13. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. – Саратов, 2006.
14. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
15. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. – 2006. – №2. – С. 84-95.
16. Барков А.В. Гражданко-правовые средства в механизме правового регулирования: вопросы методологии // Государство и право. – 2008. – №5. – С. 56-59.
17. Бельнов Г.В. Законодательная власть в правовом государстве. – М., 1995.
18. Блищенко И.П., Дориа Ж. Понятие экономического суверенитета государства // Правоведение. – 2000. – № 1.
19. Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. – Кемерово, 1999.
20. Боботов С.В., Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Сов. государство и право. – 1990. – №1.
21. Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. – 1999. - №5. – С. 104-109.
22. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999.
23. Бойцова В.И. Идея правового государства в трудах русских юристов (административно-правовой аспект) // Правоведение. – 1991. – №3.
24. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
25. Визер Б., Будер И. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. – 1999. – №11.
26. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008.
27. Волкова М.В. Правовые средства обеспечения субъективных прав и свобод личности в системе правового регулирования // Юрист-Правовед. – 2008. – №4. – С. 28-31.
28. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. – М., 2003.
29. Глущенко П.П. Правовая политика и правовое регулирование управлением в социально-культурной сфере // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 24-26.
30. Глущенко П.П. Институт государственно-правового управления здравоохранением. – СПб., 2007.
31. Глущенко П.П., Вихров А.А., Бабанцев Н.Ф. Правовая культура должностных лиц и государственных служащих – направление совершенствования государственно-управленческой деятельности. – СПб., 2011.
32. Глущенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации: Учебник для вузов МВД РФ. – М., 2006.
33. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
34. Горшенев В.М. Законность как достояние правового государства // Проблемы обеспечения законности в механизме

- правоприменения. – Волгоград, 1991.
35. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
36. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
37. Джунсунов М., Мансуров Т. Лики суверенитета. Суверенитет в призме социальной истории. – М., 1994.
38. Дивеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 56-62.
39. Жариков Ю.С. Механизм правового регулирования: понятие и система // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – №5. – С. 37-38.
40. Жуков В.М. Права человека и власть закона. – М., 1995.
41. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28- 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
42. Зеркин Д.П. Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления. – Ростов-на-Дону, 2000.
43. Институт правового регулирования государственно-управленческой деятельности: Сборник научных статей / Под общ. ред. П.П. Глущенко. – СПб., 2008.
44. Исаков В.Б. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. – 1980. – С. 34-37.
45. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов, 1980.
46. Исаков В.Б. Функции фактических обстоятельств в механизме правового регулирования // Сов. государство и право. – 1975. – №2. – С. 114-117.
47. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
48. Казлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб., 2003.
49. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. – 2002. – №10.
50. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: Проблемы политico-правовой теории. – М., 1990.
51. Кузнецов Э.В., Савельев В.Ф. Правовое государство: из истории русской правовой мысли // Правоведение. – 1991. – №1.
52. Левин И.Д. Суверенитет. – СПб., 2003.
53. Лившиц Р.З. Право и закон в правовом государстве // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
54. Малько А. В. Правозащитная политика в современной России: необходимость формирования // Социология и право. – 2010. – №4.
55. Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. – 1990. – №6. – С. 61-67.
56. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
57. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – №12.
58. Мешков Д.Н. Правовое воздействие и правовое регулирование (проблема соотношения) // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2007. – №5. – С. 75-76.
59. Мотовилов Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. – Воронеж, 1990.
60. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
61. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
62. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
63. Осипов М.Ю. Механизм правового регулирования и его типы // Право и государство: теория и практика. – 2006. – №3. – С. 134-141.
64. Права человека и политическое реформирование: юридические, этические, социально-психологические аспекты / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1997.
65. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002.
66. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
67. Правовая политика. Словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
68. Протасов В.Н. Что и как регулирует право. – М., 1985.
69. Разувасев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб., 2008.
70. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб., Пушкин, 1998.
71. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
72. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
73. Солодов А.В. Национальные отношения как предмет правового регулирования (теоретический аспект) //

- Российский юридический журнал. – 2007. – №1. – С. 134-137.
74. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. – 2000. – №4. – С. 34-35.
75. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. – СПб., 2007.
76. Теряевский С.А. Способы правового регулирования: проблемы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – №2. – С. 198-204.
77. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. – 2006. – №4. – С. 96-102.
78. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – №5. – С. 3-12.
79. Черниловский З.М. Правовое государство: исторический опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
80. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. – М., 1996.
81. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государствоведения. – М., 1997.
82. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
83. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
84. Шевцов В.С. Права человека и государство в Российской Федерации. – М., 2002.
85. Шевырин Е.К. Принципы и типы правового регулирования: некоторые проблемы соотношения понятий // Актуальные проблемы правоведения. Научно-теоретический журнал. – 2007. – №3(18). – С. 54-56.
86. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1995.
87. Явич Л.С. Господство права (К концепции правового государства в СССР) // Правоведение. – 1990. – №5.

ВОЛЧКОВ Дмитрий Иванович,
аспирант Псковского государственного
университета
E-mail: volchkov1@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная
деятельность

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ (ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена организационно-правовым вопросам совершенствования деятельности учреждений, исполняющих наказания, при реализации основных задач современной уголовной политики российского государства.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовное наказание; учреждения, исполняющие наказание.

VOLCHKOV D.I.

MODERN CRIMINAL POLICY AND ACTIVITIES OF PENAL INSTITUTIONS (ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS)

The summary. The article focuses on the organizational and legal issues to improve the activities of institutions executing punishment in the implementation of the basic problems of modern criminal policy of the Russian state.

Key words: criminal policy; criminal penalties; establishment; execution of a sentence.

Противодействие преступности обуславливает необходимость государства применять различные меры экономического, воспитательного, правового и принудительного характера. Пока существует преступность, государство вынуждено наказывать лиц, совершивших правонарушения. Из этого следует, что применение наказаний является важной и сложной функцией государства, предопределяющей создание различного рода учреждений, многоплановую деятельность персонала по надзору и обеспечению жизнедеятельности осужденных [22, стр. 6].

Реализация этой функции обеспечивается посредством создания уголовно-исполнительской системы. При этом именно от государства зависит, какое содержание (репрессивная политика либо гуманизация и либерализация исполнения наказаний) будет заложено в ее основу.

Ретроспективный анализ позволяет сделать вывод, что первое в мире социалистическое государство в соответствии с марксистско-ленинскими представлениями о праве и государстве характеризовалось практически полным игнорированием прав человека. Поэтому нет ничего удивительного в том, что советская уголовная и исправительно-трудовая политика основывалась на приоритете интересов государства и общества. Подобное пренебрежение к неотъемлемой, неотчуждаемой природе прав человека в значительной степени предопределило известную жесткость как исправительно-трудового законодательства, так и практики его применения [24, стр. 2-3].

Начавшийся в годы перестройки процесс демократизации и гуманизации общества, способствовал утверждению новых приоритетов,

выразившихся в отходе от политики главенства государства в отношениях с личностью, ориентации на демократию, гражданское общество и правовое социальное государство. Свидетельством коренных изменений явилось, во-первых, провозглашение Верховным Советом РСФСР в 1991 году Декларации прав и свобод человека и гражданина [1], в которой была предпринята «прямая позитивная разработка проблемы прав и свобод человека. Речь при этом идет о нечто большем, чем развитие и углубление прав человека или их обогащение с учетом общедемократических течений общественной мысли: категория прав человека выступает в качестве сердцевины идеологии и практики демократического переустройства общества [25, стр. 155]. Во-вторых, принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, в соответствии со ст. 2 которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

Результатом происходящих в стране преобразований явилась гуманизация условий отбывания наказаний, существенная дифференциация предоставляемых осужденным льгот в зависимости от их поведения во время отбывания наказания, исключение многих ограничений карательного характера, а также расширение прав органов власти и органов местного самоуправления в управлении и контроле за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказания [24, стр. 3].

Таким образом, следствием демократических преобразований в нашем обществе на рубеже XX – XXI вв. явился отказ от административно-командной, чрезмерно централизованной системы управления государством, обусловивший необходимость организации деятельности уголовно-исполнительной системы на основе принципов социальной справедливости, законности, гуманизма, уважения прав человека, предъявления более высоких требований к защите гражданских прав, законных интересов и безопасности осужденных, дифференциированном подходе к различным категориям осужденных [17, стр. 7-8].

Анализ современной судебной практики назначения наказаний за совершение преступлений свидетельствует о прогрессирующем применении мер, альтернативных лишению свободы. На это же указывает и руководство государства, и руководство Верховного Суда Российской

Федерации, и руководство ФСИН России.

Так, на заседании Президиума Государственного совета Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что «развитие уголовно-исполнительной системы должно происходить вместе с развитием всей политической системы страны для целей демократического и прогрессивного развития государства на основе положений Конституции Российской Федерации, которые гарантируют важнейшие права и свободы человека и гражданина. Дальнейшее реформирование уголовно-исполнительной системы требует изменения в уголовной политике государства и правоприменительной практике, более широкого применения административного законодательства, декриминализации уголовного, развития видов наказаний, не связанных с лишением свободы. Главная цель реализации всех существенных, безотлагательных задач – чтобы мы смогли достичь необходимого уровня гуманизма в системе исполнения наказаний, улучшения условий содержания лиц, которые там содержатся, и приведение всей системы уголовно-исполнительной и нормативной базы этой системы в соответствие международным стандартам» [2].

Принимая во внимание вышеизложенное, можно с уверенностью констатировать, что налицо явная тенденция гуманизации исполнения наказаний, соблюдения прав и законных интересов осужденных, формирования новых подходов к организации деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания. Это в свою очередь позволяет рассматривать уголовно-исполнительную систему как один из важнейших социально-правовых институтов государства, который играет особую роль в системе социального контроля.

Наряду с этим нельзя не упомянуть о том, что процессы реформирования российского государства обусловили существенные изменения в государственном механизме России, в уголовно-правовой политике [6; 7; 8; 9; 10; 12; 14; 15; 19; 20], в том числе, в сфере организации исполнения уголовных наказаний. В результате проводимой в стране административной реформы указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [3] в стране была образована Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), получившая статус федерального органа

исполнительной власти, которому переданы функции Министерства юстиции Российской Федерации по обеспечению исполнения уголовных наказаний, содержанию подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, находящихся под стражей, этапированию, конвоированию, а также контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, за исключением функций по принятию нормативных правовых актов.

Таким образом, создание на базе Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции России нового федерального органа исполнительной власти – Федеральной службы исполнения наказаний – ознаменовало собой начало нового этапа реформирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и, как следствие, потребовало полной модернизации правовых основ организации их деятельности в современных условиях [18, стр. 12].

Вместе с тем системный анализ норм действующего законодательства дает основание для вывода, что ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к организации деятельности органов и учреждений ФСИН России до настоящего времени не нашел своего разрешения.

Поясним свою позицию. С этой целью первоначально обратимся к тексту Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1313 [4].

В соответствии с указанным Положением Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственной ему ФСИН России (п. 2). При этом основными задачами Министерства юстиции являются:

- разработка общей стратегии государственной политики в установленной сфере деятельности;
- нормативно-правовое регулирование в установленной сфере деятельности;
- обеспечение в пределах своих полномочий защиты прав и свобод человека и гражданина;
- обеспечение деятельности Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации;
- организация деятельности по государст-

венной регистрации некоммерческих организаций, в том числе отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций;

- осуществление контроля и надзора в сфере адвокатуры и нотариата, а также в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния.

В этой связи полагаем важным отметить, что под подведомственностью понимается разграничение компетенции между различными органами [13, стр. 924], под контролем – обеспечение или проверка правильности тех или иных действий в области производства и управления [13, стр. 119], а под координацией – приведение в соответствие, согласование [21, стр. 127].

Таким образом, буквальное толкование норм упомянутого выше Положения дает основание для следующих выводов: 1) подведомственность Федеральной службы исполнения наказаний Министерству юстиции Российской Федерации свидетельствует о том, что ФСИН России относится к органам юстиции, и ее компетенция является компетенцией органов юстиции; 2) осуществление контроля и координации деятельности ФСИН России Министерством юстиции не входит в число основных задач данного министерства; 3) на Министерство юстиции возложено обеспечение и проверка надлежащего решения задач, поставленных перед ФСИН России.

Такой подход порождает ряд вопросов: во-первых, относительно целесообразности исключения, по сути, одной из основных задач Министерства юстиции из числа последних (почему координация и контроль деятельностью ФСИН Министерством юстиции не относится к числу задач этого министерства), во-вторых, остается не ясным, почему в отношении ФСИН Министерство юстиции осуществляет координацию и контроль деятельности, а применительно к сфере адвокатуры и нотариата, а также сфере государственной регистрации актов гражданского состояния – контроль и надзор.

К сказанному полагаем необходимым добавить, что в соответствии с п. 9 и 10 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний директор ФСИН России назначается на должность и освобождается от должности Президентом РФ

по представлению Председателя Правительства РФ. Заместители директора ФСИН России также назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ, их количество устанавливается Президентом РФ. В свою очередь, назначение на должности высшего начальствующего состава сотрудников уголовно-исполнительной системы и освобождение от указанных должностей осуществляется Президентом РФ по представлению Министра юстиции РФ, если иное не установлено федеральным законом [5].

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что между Минюстом России и ФСИН России установлена связь координационно-контрольного характера, что в существенной мере выходит за рамки такого принципа управления, как «сочетание единоначалия и коллегиальности».

Отметим, что под коллегиальностью принято понимать обсуждение наиболее важных подведомственных вопросов, проектов решений в различных формах, учет коллективного мнения. Иными словами коллегиальность как принцип рассматривается применительно к образованию органа управления, состоящего из нескольких лиц, уполномоченных на осуществление управления в порученной сфере или отрасли и коллегиально принимающего решения.

В свою очередь сущность единоначалия заключается в том, что во главе организации стоит одно лицо (министр, директор и т. п.), которое единолично управляет ею, и которому подчиняются все сотрудники (работники) этой организации. Это лицо разрешает все подведомственные вопросы и несет ответственность за деятельность организации. Таким образом, содержание принципа единоначалия проявляется и реализуется через компетенцию конкретного единоначальника, выполняющего в системе управления роль организующего и координирующего начала, объединяющего усилия органов, подразделений и сотрудников на всех ее уровнях для достижения общесистемных целей. Как принцип управления он является основополагающей, устойчивой и реально действующей идеей по поводу организации

поведения многих индивидов и коллективов людей одним человеком – руководителем. При этом для оказания воздействия на подчиненных единоначальник должен быть наделен: необходимым объемом власти, основанной на законе; конкретно определенными полномочиями (предметом ведения, задачами, функциями); правами (системой общеобязательных социальных норм, обеспечивающих юридическую регламентацию управленических отношений) и обязанностями (предписаниями действовать в конкретно определенной ситуации конкретно определенным образом) [11; 16; 22].

Из этого следует, что применительно к Министерству юстиции России принцип «сочетание единоначалия и коллегиальности» должен предполагать наличие четкой вертикали власти всех органов юстиции во главе с единым руководителем – министром юстиции. Однако приходится констатировать, что в настоящее время указанный принцип не соблюдается, поскольку подведомственность Федеральной службы исполнения наказаний Министерству юстиции России, не может быть отнесена ни к единоначалию, ни к коллегиальности.

При этом важно отметить, что анализ таких системных свойств, как целостность, организованность, структурность, развитие позволяет прийти к выводу, что целостной может быть признана система, представляющая функционально-структурную завершенность. Однако, на наш взгляд, изложенное выше свидетельствует об отсутствии организационной целостности Министерства юстиции России, под которой понимается полнота состава структурных элементов, наличие упорядоченного места у каждого из них и наличие связей между ними. В этой связи сегодня вполне закономерен вопрос о целесообразности включения Федеральной службы исполнения наказаний в структуру Министерства юстиции России, от ответа на который зависит надлежащая организация деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также развитие одного из основных направлений уголовной политики нашей страны – совершенствование системы исполнения наказаний.

Список литературы

1. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52.
2. Стенографические отчеты о совещаниях, заседаниях, встречах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/02/11/1540_type63381_212845.shtml
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 11. – Ст. 945.
4. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1313 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 42. – Ст. 4108.
5. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 42. – Ст. 4109.
6. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
7. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: теория и современность. – СПб., 1998.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.
10. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н., Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
11. Атамчук Г.В. Теория государственного управления. – М., 1997.
12. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
13. Большой энциклопедический словарь. 2-е издание, перераб. и доп. – М: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; СПб: Норинт, 1999.
14. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М.: Юринформ, 1999.
15. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
16. Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О. Управленческая парадигма XXI века. В 2-х т. – М.: Высшая школа, 2001.
17. Калинин Ю.И. ГУЛАГа не будет // Наказание: справедливость, законность, гуманизм: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1994.
18. Колесник Н. В. Организация и правовые основы функционирования федеральной службы исполнения наказаний: Автореф. дис. .... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006.
19. Лунеев В.В. Преступность ХХ века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
20. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 77-87.
21. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый словарь иностранных слов в 3-х т. Т. 2. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
22. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: Учебник. В 3-х т. Т. 1 / Под общ. ред. Ю.Я. Чайки. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.
23. Рыкунов В.И. Основы управления. – М., 2002.
24. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XX века: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.И. Зубкова. – М.: Норма, 2005.
25. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор Саратовского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается механизм формирования традиций полиции и влияние на него правовой реальности. По мнению авторов, этот процесс осуществляется в государственно-правовых формах и посредством государственно-правовых институтов, благодаря правосоциализаторской деятельности. Рассматриваемый механизм является государственно-правовым и практически солидаризируется с процессом государственного управления и социально-правового регулирования. Традиции не возникают на пустом месте, они детерминизируются существующей правовой реальностью и зависят от нее. Право, закон, справедливость, правовая политика (в том числе и уголовно-правовая), правосудие, правоохранительная деятельность и т. д. непосредственно связаны с формированием традиций полиции. Все это, в конечном счете, всецело определяется социальной сущностью самой власти, ее ветвей, направленностью права и закона. Она обеспечивается всеми элементами политической, правовой системы, единством их системных элементов, является закономерным, естественно-историческим проявлением истории цивилизации, истории данного общества и государства.

Авторы проводят исторические и географические примеры, подтверждающие их размышления.

Интересно в статье представлена взаимосвязь традиций полиции и права, их единство и противоречие; влияние на традиции правоохранительной деятельности. В работе прослеживается процесс изменения общественного сознания, социальной психологии, идеологии, правосознания и правовой идеологии, влияния этого процесса на традиции полиции.

Заслуживает внимания позиция исследователей о том, что право и его институты являются универсальными человеческими традициями.

Статью приятно отличают глубокие и обоснованные выводы, специально структурированные в завершении исследования.

Ключевые слова: правовая реальность; право; закон; правовое государство; общность; цивилизация; форма и тип государства; общественно-экономическая формация;

правоохранительная деятельность; деятельность суда; прокуратура; общественное сознание; социальная психология; идеология; правосознание; правовая идеология.

ALIEV Ya.L.
SAL'NIKOV P.P.

LEGAL REALITY AND FORMATION OF POLICE TRADITIONS

The summary. The article deals with the mechanism of formation of the police traditions and the impact of legal reality on it. According to the authors this process is carried out in state-and-legal forms and through state-and-legal institutions by virtue of legal socializing activity. The mechanism under consideration is a state legal one and in actual fact associates itself with the process of state administration and social legal regulation. Traditions do not appear out of nowhere; they are determined by the existing legal reality and depend on it. Law, statute, justice, policy of law (including criminal legal), judicial power, etc. are directly connected with formation of the police traditions. All this ultimately is entirely determined by the social essence of power itself, its branches, orientation of law and justice. It is provided by all elements of political, political system, the unity of these system elements, presents a natural historical manifestation of the history of civilization, history of the given society and state.

The authors provide historical and geographical examples confirming their reflections.

The interrelation of the police and law traditions has an interesting presentation in the article; their unity and contradiction are shown; the influence on the traditions of law enforcement activities is demonstrated. The paper traces the process of change in social consciousness, social psychology, ideology, legal consciousness and legal ideology, the influence of this process on the police traditions.

Noteworthy is the researchers' standpoint that the law and its institutions are universal human traditions.

The article is nicely distinguished by deep and substantiated conclusions specially structured to complete the study.

Key words: legal reality; law; statute; law-governed state; community; civilization; form and type of state; economic formation of society; law enforcement activities; activity of court; procuracy; social conscience; social psychology; ideology; legal consciousness; legal ideology.

Формирование традиций полиции, как и формирование любых традиций, есть процесс создания механизма, обеспечивающего их возникновение и реализацию. Как процесс формирование традиций предполагает ряд относительно обособленных стадий, которые характеризуются спецификой характера, сущности, содержания и формы создаваемых элементов указанного механизма. Такими стадиями являются: создание условий возникновения традиций, разработка концепции и теории этого механизма, определение необходимых его субъектов, их прав, обязанностей и ответственности, а также способов, форм и средств их воздействия на общественные отношения и социальную практику, осуществление

этих прав и обязанностей, всестороннее обеспечение реализации субъектами их компетенции. В своем социально-политическом проявлении создание и применение такого механизма есть процесс социального управления, регулирования, а также воспитания и воспитательной или, как принято сегодня говорить, социализаторской работы. С учетом социально-политической и государственно-правовой сущности и формы традиций МВД процесс формирования этих традиций так же, как и их сущность, в своей основе осуществляется в государственно-правовых формах и посредством государственно-правовых институтов. Иными словами, этот механизм является государственно-правовым и практически совпадает с процессом

государственного управления и социально-правового регулирования [7; 12; 19; 32; 33; 34; 35; 50; 79; 89; 91; 108; 109; 110; 117; 118; 119].

Традиции не возникают на пустом месте. Они появляются там и тогда, где и когда создаются необходимые объективные предпосылки и условия их возникновения. В свою очередь, эти предпосылки и условия объективно обусловлены самим процессом общественного производства, функционированием общественных отношений, в том числе в сфере государственного управления и правоохранительной деятельности [6; 13; 14; 15; 17; 18; 27; 39; 40; 41; 42; 60; 69; 77; 80; 81; 82; 83; 93; 105; 106; 120; 121; 122]. Характер, содержание и формы объективных условий возникновения традиций определяются историческим способом производства, природой производственных отношений, типом и формами государства и его политики [8; 46; 68; 84; 94; 101; 103; 111; 113; 115], а также, что не менее важно, историческим типом, характером, уровнем и формами развития общественного сознания, особенно уровнем развития науки и идеологии [49; 52; 53; 57; 71; 85; 86; 87; 88; 89; 98; 100; 102; 114; 115; 116; 124; 125].

Современная социология и юридическая наука, как западная, так и российская, придерживаются субъективно- или объективно-идеалистической концепции понимания истории социально-правовых явлений.

Как пишет исследователь исламских традиций С.Х. Насп, «Если бы два века тому назад западный или китайский исследователь-конфуцианец взялся за изучение ислама, то он бы насчитал множество традиций, но остановился бы на исламской традиции. Такой исследователь обнаружил бы ряд учений, правовых и теологических взглядов и даже сектантских взглядов, весьма отдаленных от сущности социального сообщества. Более того, он бы обнаружил как ортодоксальные, так и гетеродоксальные по своему характеру убеждения и формы социальной практики ... Единственное дерево Святого Духа, корнями которого являются Коран и Кадиф, и ствол и ветви которого образуют сущность самой традиции, выросло из тех же самых корней около 14 веков тому назад в почти ненаселенной части планеты Земля» [130, р. 11-12].

К.Дж. Наири полагает, что для тех, кто придерживается традиционного взгляда на то, что целью философии, прежде всего и в первую очередь, является концептуальное объяснение,

данная концепция традиции, которую он не разделяет, требует иного философского обоснования. И в качестве такого обоснования он предлагает установление связи между традиционным и рациональным. По его мнению, лицо стоящее вне всех традиций, не имеет достаточных разумных средств для исследования, которое само по себе является рационально предпочтительнее [132, р. 7].

Субъективно-идеалистическое понимание традиций вообще и уголовно-правовых традиций, а также традиций уголовной политики, правосудия, механизма их воздействия на общественные отношения характерно и для российских исследователей.

Я.И. Гилинский полагает, что целью деятельности правоохранительных органов должна стать не борьба с преступностью, а защита населения, каждого гражданина от преступных посягательств, которая лишь формально декларируется в законе и на практике никак не реализуется [31, стр. 55]. По мнению В.Ф. Абрамкина, в «РФ невероятно огромное количество жертв правосудия. Поэтому защита прав подозреваемых, обвиняемых, осужденных должна рассматриваться как помочь потенциальным жертвам злоупотребления властью и жертвам правосудия». А эффективная уголовная политика должна содержать и такое направление, как «сокращение области уголовного преследования не только путем декриминализации ряда форм деятельности, но и за счет создания институтов, позволяющих решать конфликты между правонарушителем и потерпевшим, социальные конфликты вне громоздкого и дорогостоящего механизма уголовного правосудия» [4, стр. 55].

В.В. Ершов, раскрывая связь закона и права (права и правосудия), пишет: «Современное правопонимание требует, во-первых, различать право и закон; во-вторых, рассматривать право с более широких позиций – как совокупность фактических отношений, отражающихся в правосознании, в-третьих, анализировать право и государство в качестве самостоятельных явлений, в-четвертых, в нормотворческой деятельности отдавать приоритет не государству, а праву, не нормотворческой деятельности, а правоприменильному процессу. При таком подходе роль законотворческих органов вовсе не отрицается, как может показаться на первый взгляд, а сводится

лишь к естественному выявлению права и возведению его в закон ... В этом случае мы не будем придумывать неэффективные нормативные акты, ... закрепим устойчивые правовые положения ... Кардинально изменяется при этом и роль суда. Из механического исполнителя законов он становится самостоятельным органом власти, активно влияющим на правотворческий процесс» [43, стр. 18]. Противоположный подход к этой проблеме фактически противопоставляет закон и право [5; 9; 10; 11; 20; 22; 23; 24; 28; 37; 45; 51; 56; 58; 59; 61; 66; 70; 72; 73; 74; 76; 92; 95; 96; 104; 126; 127]. Сторонники так называемого конституционализма полагают, что цель теории конституционализма двуединна. Она состоит в «достижении такого результата, при котором только праву придавалась бы законная (официально-властная, общеобязательная) сила, и вместе с тем закон ... был бы всегда и только правовым» (выделено нами – Я.А. и П.С.) [91].

Указанные подходы к соотношению закона и права, права и правосудия исходят из концепции правового государства, сущность которой составляет абсолютный приоритет права над государством [21; 25; 26; 29; 30; 36; 38; 54; 55; 63; 64; 71; 75; 90; 97; 99; 107]. Как считает А.Я. Сухарев, суд, правосудие должны «защищать право, а не некие установки», имея в виду под установками административные указания. По мнению Н.Федорова, «подлинное правосудие появится только тогда, когда судья получит возможность решать дела на основе своего собственного видения закона и его справедливости» [112, стр. 4]. И кроме того: «Пока законодатели и исполнители не подвинутся, не уступят захваченное ими место суда в системе разделения властей, проще говоря, не поделятся узурпированной властью – у российской государственности не будет будущего. ... Без авторитетного правосудия – грош цена самому праву, принимаемым парламентом законам» [112, стр. 4].

Вышеназванные подходы к пониманию правоохранительных традиций характеризуются, несмотря на их множество, внешние и частные различия, имеют единую существенную особенность. Все они исходят из субъективно-идеалистического понимания сущности и механизма возникновения, функционирования и развития традиций. Традиции в их понимании суть плод и формы проявления общественного

сознания. Они являются творениями и исключительным приоритетом чувства и разума. Какой бы стороны или аспекта правоохранительных традиций мы не касались, субъективно- или объективно-идеалистические подходы к традициям вообще и правоохранительным традициям, в частности, в своей основе содержат прямое или завуалированное отрицание их предметно-чувственной, объективной стороны.

В основе этих подходов используется ограниченная методология, состоящая в односторонности, неполноте, абсолютизации относительно частных моментов и сторон сущности и механизма формирования правоохранительных традиций.

Сторонники либеральной концепции правосудия фактически отрицают правоохранительную функцию суда, сводят его роль в основном к осуществлению правозащитной функции [47, стр. 2-8; 112, стр. 4-5]. Эта позиция, как верно отмечают многие ее критики, противоречит закону, в том числе УК и УПК РФ, которые предусматривают разнообразные, в том числе правоохранительные функции суда [2, Ст. 2; 3]. Она не состоятельна по существу. Суд, как орган власти, применяя уголовный и иные законы, тем самым реализует все предписанные ими юридические функции. Деятельность суда по своей сущности является не только и не столько абстрактно-логической (мыслительной), сколько предметно-чувственной, то есть непосредственно выраженной в конкретных формах познания и социальной практики. Она, эта деятельность, сама по себе является непосредственной социальной практикой, ее стороной и формой. Суд, будучи органом власти, не может абстрагироваться ни от требований закона, ни от насущных задач борьбы с преступностью, ее предупреждения, формирования у граждан уважительного отношения к закону и к самому себе, к власти, государству. Если суд будет руководствоваться только своим «собственным видением» закона, дела, как этого требуют некоторые бывшие министры-либералы [112, стр. 4], то это неизбежно приведет и на практике приводит к массовой коррупции, беззаконию, которое творится и в среде судебной власти. Только закон, его неуклонное соблюдение должны быть абсолютными критериями законности, правосудия и справедливости.

Право, закон, уголовная политика, правосудие, правоохранительная деятельность, включая

деятельность органов внутренних дел по охране прав и свобод граждан, борьбе с преступностью, ее предупреждению, непосредственно связаны с формированием традиций полиции. Они, во-первых, обусловливают необходимость таких традиций и условий их формирования. Во-вторых, они являются неотъемлемыми социально-политическими и правовыми элементами условий возникновения, функционирования и развития традиций органов внутренних дел. В-третьих, они составляют необходимые элементы механизма возникновения и формирования этих традиций. Как элементы механизма в формировании традиций полиции они являются правовой базой и направлениями регулирования и формирования традиций, самостоятельными формами, способами и средствами такого формирования.

Правосудие, например, само по себе является правоохранительной традицией. И выступает не только как устоявшаяся форма и эффективный способ разрешения социальных противоречий, но и как проверенное средство воспитания граждан в духе уважения к существующему общественному порядку и закону. Оно проявляет себя как специфическая государственно-правовая традиция.

Не вызывает сомнения сущность концепции правового государства, признание верховенства закона как универсального регулятора общественных отношений, важнейшего инструмента социального управления. Однако вряд ли возможно «обрести ... подлинную внутреннюю личностную независимость» [112] противопоставляя государство, закон, право, суд и правосудие, абсолютизируя независимость судебной власти, требуя возвращения судебной власти «на положенную ей вершину» [112].

Законность, правосудие и справедливость, их характер и уровень всецело определяются социальной сущностью самой власти, ее ветвей, направленностью права и закона. Они обеспечиваются всеми элементами политической, правовой системы, единством их системных элементов. История, теория и практика развития правовой системы, законодательства, правоохранительных органов России и ведущих зарубежных стран свидетельствуют о том, что законность и правосудие достигаются тогда и там, когда и где достигается социальное единство общества, устраниены антагонистические противоречия; элементы правовой системы, в том

числе право и закон, равно как и органы, их реализующие, выражают волю и интересы основной массы населения, всех социальных слоев.

В то же время нельзя забывать, что все объективные и субъективные элементы политической надстройки, включая право, закон, правоохранительные органы, так же, как и правосознание, правовые и правоохранительные традиции, включая полицейские традиции и традиции МВД Российской Федерации, являются закономерным, естественно-историческим проявлением истории цивилизации, истории данного общества и государства. Они суть порождения объективных социальных условий, основой которых является конкретно-исторический тип способа производства, разделения общественного труда, производственных отношений, общественно-экономической формации, социально-классовой структуры общества, характера, степени остроты и форм проявления социальных противоречий. Именно указанные объективные факторы как условия возникновения и формирования традиций составляют коренную причину, то есть источник, движущую силу, определяющий фактор формирования концентрированных моделей и форм общественных отношений, поведения и деятельности, то есть традиций, а также механизма их формирования. Именно эти факторы определяют сущность, характер, структуру, социальную направленность, содержание, формы и социальную роль традиций полиции.

В качестве исторического факта, обуславливающего возникновение и реализацию традиций, сошлемся кратко на историю возникновения религиозных традиций, которые занимали и занимают одно из существенных мест в системе социальных традиций. Русский исследователь японских, особенно религиозных традиций Д.М. Позднеев, характеризуя эти традиции, их возникновение, указывает на существенные обычаи, социальные привычки, обряды японцев, приводит наглядные примеры форм их проявления. «Оригинально обращение японцев с лошадьми, – пишет он. – Последние часто шагают по улицам в специальной обуви. Верхом японец садится с правой стороны. Грифа у лошади свешивается на левую сторону, а конюшня устраивается так, что лошадь стоит головою к дверям, а задом в глубину. Стойло приделывается у дверей конюшни» [78, стр. 84]. О религии японцев он пишет, что вместо религии «в Японии –

мифологические сказания синтоизма и пантеизм буддизма. Японская конституция гарантирует свободу вероисповедания всем японским подданным синтоистам, буддистам или христианам, пока их верования не оказываются вредными для поддержания общественного мира и порядка. Тогда против тех или иных сект ведется преследование, что не мешает, однако, тому же правительству в нужных случаях действовать через них же, как это случается тогда, когда принцип верховной власти начинает подвергаться некоторым испытаниям, как, например, в 1911 году при раскрытии сложного заговора против особы Императора, а в некоторых случаях производить даже давление на граждан в пользу той или иной религии» [78, стр. 84].

В русском историко-этнографическом очерке начала XX века говорится, что каждая страна, каждый народ имеет свои предания. В преданиях народ отыскивает начало своей страны и связывает при помощи преданий далекое прошлое страны с последующими временами, заключает историю своей страны в одну непрерывную цепь событий. Обыкновенно отдаленное прошлое народа, как основанное на преданиях, недостоверно, полно фантазии, прямого вымысла, сказочно. Нередко, по народному преданию, предшественниками обыкновенных людей являются если не божества, то полубоги. За ними следуют люди-великаны, и только потом уже идут обыкновенные люди, предки настоящего поколения. Таковы, например, предания древних греков и римлян. У японцев предания и вымысел так тесно переплетены между собой, что нелегко определить, где кончается одно, и где начинается другое. Предания Японии достойны изучения по той причине, что они оставили свою печать на стране и на народе. Так, если вы попадете в Японию в наши дни, вы услышите, что микадо именуется: «Сыном Неба», «Императором Неба», а цветок хризантемы с ее солнцеобразными лепестками является, как лилия во Франции, символом царственности [128, стр. 15, 17].

Указанные примеры демонстрируют взаимосвязь и зависимость традиций и обычаяв японцев от существующей системы экономических, социально-политических и духовных отношений и факторов.

Исключительную роль в возникновении и формировании традиций полиции играют характер, степень и формы проявления социальных

противоречий как данной социальной системы в целом, так и ее составляющих структурных элементов. Внешними формами проявления таких противоречий являются преступность, ее количественные и качественные характеристики. Преступность вызывает к жизни социальные силы, то есть субъекты правоохранительных, в том числе уголовных правоотношений, право, уголовный закон, уголовную политику, правосудие, методы, способы, орудия и средства борьбы с преступностью, ее предупреждения. Вместе взятые, в своей совокупности и диалектической взаимосвязи они образуют механизм возникновения и формирования традиций МВД.

Взаимосвязь традиций полиции и права представляет собой единство и противоречие формально-юридического, абстрактно-нормативного аспектов и предметно-чувственного (практического) проявления.

Единство между ними состоит в том, что:

- и право, и традиции полиции имеют единую социально-политическую сущность – выражение воли и интересов господствующих социальных сил; в праве эта воля и интересы отражены в абстрактной, самой общей форме, в виде определенной направленности содержащегося в законе предписания, требования, обязанности; в традициях полиции они отражены достаточно конкретно с учетом текущей социально-политической обстановки;
- они являются элементами одной системы – правовой системы, составляющей существенную сторону политической надстройки общества;
- у них единый субъект правоприменения – органов внутренних дел;
- они выполняют единую общую социальную роль – регулирование общественных отношений, управление социальными процессами.

Противоречие между правом и традициями полиции выражается в том, что:

- право, закон, являются лишь формальной и достаточно абстрактной формой выражения воли и интересов различных социальных сил, в первую очередь тех из них, которым принадлежит власть; традиции полиции, наоборот, выражают достаточно конкретные интересы субъектов права с учетом конкретной социально-политической и

правовой ситуации;

- закон в сугубо юридическом и социальном смысле есть равная мера к разным людям, в то время как традиции органов внутренних дел постоянно отступают от этой равной меры и вынуждены ее изменять в зависимости от конкретной нормы, правила, соответствующего закона и тех предписаний, которые он содержит, обязывая правоохранительные органы обеспечить противоречивые интересы личности, общества и государства;
- закон является лишь источником права, правоотношения, юридической формой их закрепления и проявления; он не порождает права и правоотношения, которые возникают исключительно на основе самой жизни, реально сложившихся общественных отношений, традиции, наоборот, являются непосредственной реализацией и формой проявления права и правоотношения и их с определенной долей условности можно назвать «вторичным, производным правом» [65, стр. 73].

Механизм формирования традиций полиции включает:

- правовое регулирование традиций, их закрепление и возведение в ранг общеобязательных государственно-правовых установлений;
- субъекты, то есть органы государства, юридические и физические лица, являющиеся носителями, источниками, творцами и потребителями традиций;
- правовую практику, правоприменительную и правоохранительную деятельность, направления, формы, методы, способы и средства этой деятельности, сущностью которой являются правоохранительные правоотношения;
- объекты формирования традиций органов внутренних дел;
- процесс воздействия субъектов формирования традиций на их объекты, то есть правоспособность, дееспособность, правосубъектность, деликтоспособность субъектов, реализация ими своих прав и обязанностей, а также ответственности по формированию традиций.

Под правовым регулированием традиций полиции в настоящем исследовании понимается

систематизированное воздействие норм права на правоотношения в целях формирования устойчивых концентрированных форм отношений, сознания, поведения и деятельности социальных общностей в их интересах. Сущность правового регулирования составляет воздействие закона на отношения в указанной сфере. Составляющими признаками такого регулирования являются: специфический объект воздействия – концентрированные формы отношений, поведения, деятельности, духовные ценности. Правовой источник и средства воздействия – нормы российского законодательства. Характер воздействия – системность, повторяемость, относительно длительные пространственно-временные рамки. Цель – формирование устойчивых концентрированных форм отношений, сознания, поведения и деятельности органов полиции. Субъекты и носители общественных отношений – органы ОВД. Содержанием такого регулирования являются права и обязанности субъектов указанных отношений.

Общественные отношения не могут признаваться правоотношениями без юридической формы своего закрепления и реализации. Факт закрепления общественных отношений в нормах права и их охрана позволяет, во-первых, придать общественным отношениям официальный, государственно-нормативный статус; во-вторых, обеспечить неотвратимость и обязательность их функционирования и реализации, с одной стороны, и их стабильность, устойчивость, относительную длительность функционирования, с другой стороны. В-третьих, юридическая форма правоотношений дает принципиальную возможность и реальность создавать, сохранять и развивать объективно сложившуюся структуру и систему общественных отношений.

Правовые нормы – необходимый и объективно обусловленный элемент любого правоотношения, включая и правоотношения в сфере традиций. Во-первых, вне воздействия нормы права общественное отношение остается самим собой, то есть обычным, хотя и социально значимым, но не порождающим субъективные права и юридические обязанности субъектов отношением. Во-вторых, вне нормы права такое отношение не получает своего статуса официального государственного установления. Оно теряет свою сущность обязательного публичного веления. В-третьих, без воздействия нормы права

общественное отношение не приобретает своей необходимой нормативной формы. И без этой формы не способно осуществлять свои социальные функции. В-четвертых, на практике игнорирование нормативной (правовой) формы правоотношения неизбежно ведет к административному усмотрению и даже произволу, к преданию забвению общественных отношений, имеющих несомненное существенное социальное и государственное значение.

Примером необходимости норм права, правового регулирования традиций полиции может служить отсутствие правовых гарантий защиты лиц, осуществляющих добровольно или на основе договора информирование органов МВД о преступлениях и лицах, их совершивших, а также свидетелей по уголовным делам. Отсутствие таких гарантий означает и неопределенность, и даже минимизацию традиции участия граждан в борьбе с преступностью, в правоохранительной деятельности.

Юридические нормы являются исторически необходимой формой закрепления, внешнего выражения, фиксирования, внутренней организации политico-правовых отношений и соотносятся с последними как содержание и форма [48, стр. 97-98], где содержанием являются отношения, а формой – юридические нормы. Отношения определяют характер, сущность, структуру, содержание и функции правовых норм. Нормы в свою очередь относительно самостоятельны и оказывают несомненное обратное воздействие на отношения, придают им определенную социальную направленность и организацию [16, стр. 283-285]. В то же время правовые нормы являются сугубо формальным абстрактно-логическим элементом правосудия. Как правила поведения они сами нуждаются в реализации. Вне последней они остаются томами нормативных актов, сотнями и тысячами символов или идеалов, лишенных жизненной силы.

Субъекты формирования традиций полиции – это, как говорилось, органы ОВД на всех их уровнях, общественные организации и граждане, прямо или косвенно связанные с правоохранительной деятельностью. Особенностью субъектов формирования традиций полиции является то, что они одновременно выступают и в качестве носителей, потребителей и объектов воздействия этих традиций.

Традиции, как указывалось, неотделимы от

деятельности людей, от повседневных актов поведения и общения между ними. Случайные и стихийные связи, не закрепленные в устойчивые и общепризнанные акты и модели поведения, деятельности и общения не являются элементами общественных отношений. Деятельность, ее правоприменительные и правоохранительные формы, правовая практика в целом имеют исключительное и решающее значение в формировании традиций.

Как совокупная деятельность человечества в сфере права и правоотношений, правовая практика, правоприменительная и правоохранительная деятельность играет ключевую роль в формировании традиций. Эта роль состоит в том, что социальная практика на всех ее уровнях и во всех формах является:

- источником возникновения, становления и развития традиций;
- основой их структуризации, классификации и систематизации;
- движущей силой изменения, развития и возникновения новых качественных уровней и форм проявления традиций;
- абсолютным и вместе с тем относительным критерием, определяющим характер, социальную сущность, направленность и роль традиций, характер, меру, степень и механизм их воздействия на общественную жизнь, включая само право, правоотношения, правовую практику и юридическую науку.

Основными направлениями, а также (одновременно) формами, способами и средствами формирования традиций полиции являются: правовое регулирование, о чем сказано; формирование общественной психологии, морали, идеологии, общественного сознания в целом; профессиональная подготовка кадров и сотрудников (личного состава) органов внутренних дел; их обучение и воспитание [62; 123].

Исключительно важной и сложной проблемой процесса формирования традиций является изменение общественного сознания, социальной психологии, идеологии, правосознания и правовой идеологии.

Механизм воздействия общественного сознания, правосознания, идеологии, правовой идеологии на процесс формирования традиций полиции состоит в том, что:

- общественное сознание и, прежде всего, идеология, как теоретическое самосознание

стоящих у власти социально-политических сил, является идеино-теоретическим обоснованием борьбы с преступностью, правоохранительной деятельности, уголовной всей правовой политики, правовой и правоохранительной систем, а также деятельности органов внутренних дел;

- идеологические концепции и установки, а также идеологические отношения составляют органическую составную часть всех элементов правовой системы государства и образуют его относительно обособленную сферу идеологических отношений и институтов в виде правовых концепций, доктрин, теорий и взглядов;
- указанные концепции и установки являются духовной цементирующей основой всей социальной структуры, существующих социальных противоречий, социальной борьбы;
- сущность, характер и направленность идеологии (правовой идеологии) определяет сущность, характер и уровень социальных противоречий и социальной борьбы противостоящих элементов социальной структуры общества;
- правовая и социальная психология и особенно такие ее формы, как социальные чувства, представления, традиции, обычаи, настроения, привычки являются непосредственным могучим духовным фактором, формирующим и определяющим мотивацию социального поведения и действия;
- общественное сознание, социальная психология, идеология, мораль, правосознание и правовая идеология играют решающую роль в формировании традиций;
- они составляют духовное основание, формы, способы и, особенно, средства формирования традиций, определяют их сущность, содержание, социальную направленность, формы проявления, социальные функции традиций и их роль.

Примером, иллюстрирующим решающую роль, скажем, правосознания и правовой идеологии в формировании традиций органов внутренних дел, может быть введение института политрука в РКМ. Согласно Положению о политруке рабоче-крестьянской милиции от 29 мая 1932 г., на него возлагались такие существенные обязанности, как

руководство и проведение политзанятий с личным составом взвода, всемерное содействие командиру взвода (команды) в деле строевой подготовки и воспитания в милиционере сознательного, примерного отношения к охране революционного общественного порядка и общественной безопасности, участия в проведении политпросветработы в охраняемых предприятиях и среди окружающего населения, мобилизация общественности на проведение хозяйственно-политических кампаний, выявление и приятие мер через вышестоящий полигорган к удалению из части классово чуждого, преступного и разложившегося элемента, учет и регулирование парткомсомольских кадров взвода, изучение и регулирование политико-морального состояния взвода, дисциплинарной практики, ликвидация неграмотности и малограмотности личного состава взвода. Положение указывало, что, являясь активным членом ячейки милиции, политруководитель должен проводить во всей работе лозунги и решения партии. Наравне с командиром взвода он несет полную ответственность за политико-моральное состояние, боеспособность взвода и политическое обеспечение всей проводимой работы. Он надеялся правом самостоятельно налагать взыскания на весь состав взвода в пределах, предоставленных ему Дисциплинарным уставом [67, стр. 326-328].

Социальная роль права и правовых институтов в формировании традиций МВД выражается в их функциях в процессе этого формирования. Важнейшими функциями права и правовых институтов в механизме формирования правовых традиций, традиций МВД являются:

- регулятивная функция, то есть правовое регулирование указанных традиций, о чем сказано;
- онтологическая функция, то есть определение сущности, содержания, форм проявления и социальной направленности традиций;
- кумулятивно-закрепительная функция, то есть анализ, накопление, обобщение и сохранение проверенных практикой, устоявшихся форм отношений, общения, поведения, деятельности, сознания (мышления);
- трансдинамическая функция, то есть передача традиций последующим

- поколениям посредством закрепления их существенных элементов в последующих нормативно-правовых актах;
- официально-формализующая функция, то есть установление и определение форм, способов и средств создания, сохранения, реализации и передачи традиций;
  - правоохранительная функция, то есть охрана традиций от их нарушения и несоблюдения посредством установления различных видов юридической ответственности за нарушения традиционных принципов, норм и правил;
  - организующе-мобилизующая и предметно-деятельная функции, то есть создание, стимулирование административно-организационного и нормативно-правового механизма формирования традиций и приведение этого механизма в действие, в конкретные формы деятельности;
  - мировоззренческая, воспитательная или социализаторская, а также нравственная, идеологическая и методологическая функции.

Большинство из указанных функций совпадают с известными функциями права. Однако применительно к механизму формирования традиций органов внутренних дел функции права и его институтов являются гораздо более широкими, чем их общие функции. Они носят множественный, разнородный, собирательный, интегрированный и системный характер.

Большинство из указанных функций известны, очевидны и не требуют детального анализа. Следует особо остановиться на мировоззренческой, идеологической и методологической функциях права. В теории права, а также в отраслевых юридических науках эти функции или просто упоминаются, или, что чаще всего, не выделяются, игнорируются. Вместе с тем они не только присущи праву, его институтам, но и являются исключительно важными, приоритетными. Конкретно они выражаются в том, что право и его институты:

- являются государственно-правовой формой проявления и закрепления господствующей государственной идеологии, мировоззрения, морали;
- в категориях, понятиях, языке права закрепляются и реализуются относительно достоверные государственно-правовые и иные знания, достигнутый уровень науки и

социальной практики, формы мышления и деятельности;

- выражают сущность и характер миропонимания, познания и оценки действительности, общественных отношений, поведения, деятельности и отношений людей друг к другу, к самим себе, к природе, обществу, миру в целом;
- характеризуют социальную сущность, структуру, содержание, однозначность, направленность интересов, потребностей и целей данного общества, господствующей социальной общности, принципов, способов и средств их достижения;
- являются устоявшимися, проверенными социальным опытом, практикой концентрированными и устойчивыми формами отношений, мышления, поведения и деятельности.

Можно с уверенностью сказать, что право и его институты являются универсальными человеческими традициями. Нормы права и, особенно, правоприменительная и любая иная правовая практика являются не чем иным, как разнообразными формами проявления и реализации традиций. Не случайно П. Бойер рассматривает сущность традиции через призму истины и правила общения [129, р. 3]. Р.А. Нисбет сравнивает традицию с отрицанием какого-либо возмущения, отступления от установленного правила. Он считает традицию открытой значительных событий прошлого [131, р. 92-93]. К. Смит и Д. Киннэн пишут, что английские суды раннего средневековья рассматривали и разрешали уголовное дело на основе сложившегося местного обычая [133, р. 1-3.]. Известно, что англосаксонское право до сих пор во многом остается правом обычая, судебного precedента, то есть правом правовой традиции [134, р. 1-10].

Наглядным свидетельством мировоззренческой, идеологической, методологической функции права является норма Конституции РФ о плюрализме идеологии, в принципе допускающая любые идеологические формы, а на практике означающая фактическое вытеснение прежней (марксистско-ленинской) идеологии [1, Ст. 13].

Выводы:

1. Формирование традиций полиции есть процесс создания механизма, обеспечивающего их возникновение и реализацию, который предполагает ряд относительно обособленных

стадий, характеризующихся спецификой характера, сущности, содержания и формы создаваемых элементов указанного механизма.

2. В своем социально-политическом проявлении создание и применение такого механизма есть процесс социального управления, регулирования, а также воспитания и воспитательной или, как принято сегодня говорить, социализаторской работы. С учетом социально-политической и государственно-правовой сущности и формы традиций полиции процесс формирования этих традиций так же, как и их сущность, в своей основе осуществляется в государственно-правовых формах и посредством государственно-правовых институтов. Этот механизм является государственно-правовым и практически совпадает с механизмом государственного управления и социально-правового регулирования.

3. Право, закон, уголовная политика, правосудие, правоохранительная деятельность, включая деятельность органов ОВД по охране прав и свобод граждан, борьбе с преступностью, ее предупреждению, непосредственно связаны с формированием традиций полиции. Они, во-первых, обуславливают необходимость таких традиций и условий их формирования. Во-вторых, они являются неотъемлемыми социально-политическими и правовыми элементами условий возникновения, функционирования и развития этих традиций. В-третьих, они составляют необходимые элементы механизма возникновения и формирования указанных традиций.

4. Механизм формирования традиций полиции включает:

- правовое регулирование традиций, их закрепление и введение в ранг общеобязательных государственно-правовых установлений;
- субъекты, то есть органы государства, юридические и физические лица, являющиеся носителями, источниками, творцами и потребителями традиций;
- направления, формы, методы, способы и средства правоохранительной деятельности, сущностью которой являются правоохранительные правоотношения;
- объекты формирования традиций органов внутренних дел;
- процесс воздействия субъектов формиро-

вания традиций на их объекты, то есть правоспособность, дееспособность, правосубъектность, деликтоспособность субъектов, реализация ими своих прав и обязанностей, а также ответственности по формированию традиций.

5. Необходимым, определяющим и решающим элементом и инструментом, а также формой, способом и средством механизма формирования традиций полиции является право, правовые институты и правовое регулирование традиций органов внутренних дел, с одной стороны, и правоприменительная и правоохранительная практика, с другой стороны.

6. Важнейшими функциями права и правовых институтов в механизме формирования правовых традиций, традиций полиции являются: регулятивная, онтологическая, кумулятивно-закрепительная, трансдинамическая, официально-формализующая, правоохранительная, организующе-мобилизующая и предметно-деятельная, мировоззренческая, воспитательная или социализаторская, а также нравственная, идеологическая и методологическая функции.

7. Исключительное значение в формировании традиций полиции имеет правовая практика, правоприменительная и правоохранительная деятельность органов внутренних дел. Она, эта деятельность, является источником возникновения, становления, развития и формирования указанных традиций, основой и движущей силой их качественного возвышения, а также относительным и абсолютным критерием, определяющим социальную сущность, характер, направленность, степень и меру их воздействия на социальные процессы, право, правоотношения и правовую практику в целом.

9. Ключевыми направлениями, формами, способами и средствами формирования традиций полиции являются также общественное сознание, социальная психология, мораль, идеология, профессиональная подготовка кадров и сотрудников (личного состава) органов внутренних дел, их обучение и воспитание. При этом право и правовые институты являются необходимыми и специфическими мировоззренческими, идеологическими, нравственными и методологическими формами проявления, закрепления, реализации и формирования традиций.

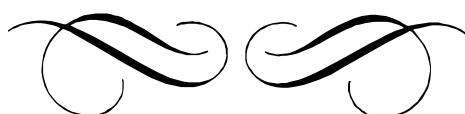
Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.). – М., 2012.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
4. Абрамкин В.Ф. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения в постсоветском пространстве. – М., 1996.
5. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
6. Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. – 1988. – №1. – С. 11-16.
7. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Рейф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 27-34.
8. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Рейф В.М. Государственный интерес: теория и практика // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 40-42.
9. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 148-152.
10. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон в современном правоведении // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 127-133.
11. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 123-129.
12. Атаманчук Г.В. Теория управления. – М., 2006.
13. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 57-63.
14. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 57-64.
15. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 130-138.
16. Бабаев В.К. Нормы права // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993.
17. Багдасарян А.В. Прокуратура как координатор деятельности правоохранительных органов. – Ереван, 1995.
18. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение // Сов. государство и право. – 1980. – №8. – С. 122-125.
19. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
20. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001.
21. Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
22. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
23. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
24. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
25. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образования как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
26. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алитейя, 1999.
27. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
28. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
29. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
30. Гаджиев К.С. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – №9.
31. Гилинский Я.И. Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия России: Выступление / Из стенограммы круглого стола. Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. I. – М., 1997.

32. Глущенко П.П. Институт государственно-правового управления здравоохранением. – СПб., 2007.
33. Глущенко П.П. Правовая политика и правовое регулирование управлением в социально-культурной сфере // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 24-26.
34. Глущенко П.П., Вихров А.А., Бабанцев Н.Ф. Правовая культура должностных лиц и государственных служащих – направление совершенствования государственно-управленческой деятельности. – СПб., 2011.
35. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
36. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
37. Графский В.Г. Понимание права: некоторые актуальные аспекты традиционной темы // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 60-65.
38. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
39. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2002.
40. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
41. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М., 1996.
42. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000.
43. Ершов В.В. Место и роль суда в правовом государстве // Правоведение. – 1991. – №5.
44. Жилин Г. Соотношение права и закона // Российская юстиция. – 2000. – №4. – С. 8-10.
45. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX-начала XX вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. – 2001. – №4. – С. 99-106.
46. Зейналов И.М., Давыденкова А.Г. Философия государственности: политico-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 56-61.
47. Золотухин Б., Пашин С. Концептуальные основы судебной реформы // Сов. юстиция. – 1991. – № 21/22. – С. 2-8.
48. Иванов В.Г., Парнюк М. А. Методологическая функция категорий диалектики в научном познании // Материалистическая диалектика: В 5-ти т. / Под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. – М., 1982.
49. Ильичев В.В., Рейф В.М., Зацепа О.О. Народовластие: от правового принципа к государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 50-56.
50. Институт правового регулирования государственно-управленческой деятельности: Сборник научных статей / Под общ. ред. П.П. Глущенко. – СПб., 2008.
51. Карташов В.Н. О многообразии подходов к праву и интерактивному его определению // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 77-84.
52. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (2-ая половина XIX – начало XX веков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
53. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
54. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
55. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
56. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – №3. – С. 5-11.
57. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
58. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности. // Государство и право. – 1994. – №3.
59. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Правоведение. – 1992. – №4.
60. Кузьмин А.В. Юридическая деятельность. – СПб., 1998.
61. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
62. Лойт Х.Х., Луцкин В.В., Резниченко Г.И. и др. Организационно-правовая работа с кадрами органов внутренних дел: Альбом схем. Изд-е 2-е, доп. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
63. Малько А.В. Правовое государство // Теория государства и право: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
64. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
65. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического взглядов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1.
66. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – №4. – С. 129-142.
67. Милиция России. Документы и материалы. – Саратов, 2001.
68. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования

- современного государства: политico-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 9-14.
69. Мурашин Г.А. Правоохранительная деятельность советского государства – важнейшее условие упрочения правовой основы государственной и общественной жизни. – М., 1982.
70. Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Под ред. В.Г. Графского. – М., 2006.
71. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
72. Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. – М., 1983.
73. Нерсесянц В.С. Право: математика свободы: опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
74. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право – 1983. – №10.
75. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
76. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основание типизации // Юридический мир. – 2005. – №3.
77. Омитов В.И. Правоохранительная деятельность. – Пермь, 2002.
78. Позднеев Д.М. Япония. Страна. Население. История. Политика. – М, 1925.
79. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
80. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001.
81. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Божьего. – М., 2005.
82. Правоохранительные органы: Курс лекций / Под ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М., 2006.
83. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О.А. Галустяна. – М., 2005.
84. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб, 2008.
85. Рейф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №2. – С. 67-72.
86. Рейф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
87. Рейф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №3. – С. 89-95.
88. Рейф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
89. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
90. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: Сб. статей адъюнкт. и соиск. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1994.
91. Ромашов Р.А. Конституционное государство (история, современность, перспектива развития). – Красноярск, 1997.
92. Ромашов Р.А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа // Правоведение. – 2007. – №3. – С. 34-48.
93. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
94. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоиздания: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Изд-во «Логос», 2009.
95. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
96. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
97. Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
98. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
99. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 3-14.
100. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В., Ильинич В.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 7-13.
101. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
102. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.

103. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб., 2006.
104. Самигуллин В.К. Право и неправо // Государство и право. – 2002. – №3. – С. 5-8.
105. Сахаров А.Б. Правоохранительная деятельность и преступность // Сов. государство и право. – 1986. – №1.
106. Тарасов А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. – 2002. – №4.
107. Тиунова Л. Б. Конституция. Правовое государство (К концепции демократического конституционализма правового государства): Автoref. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 1992.
108. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – №9.
109. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – №2.
110. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4.
111. Тищенко А.Г. Образ государства: генезис, трансформация, современное видение // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 48-55.
112. Федоров Н. Главное – вопрос о власти. // Сов. юстиция. – 1991. – № 23/24.
113. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
114. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
115. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
116. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступит. ст. В.П. Сальников. – СПб., 1999.
117. Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999.
118. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб., 2000.
119. Четвернин В.А. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве // Государство и право. – 1992. – №5.
120. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
121. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
122. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект): Автoref. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
123. Шамаров В.М., Лойт Х.Х. Воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел: Пособие / Под ред. А.А. Прошина, В.П. Сальникова. 2-е изд., переаб. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Фонд «Университет», 2001.
124. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
125. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
126. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1986.
127. Ягменев Ю.В. Правда и закон: Из истории российского правоведения. – СПб., 2001.
128. Япония. Историко-этнографический очерк. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1901.
129. Boyer P. Tradition as Truth and communication A cognitive description of traditional discourse. – New York. Cambridge, 1990.
130. Nasip S. H. Traditional Islam in the modern world. – London and New York, 1987.
131. Nisbet R.A. Tradition and revolt. With a new introduction by Robert G. Perrin. Transaction Publishers New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K), 1999.
132. Nyiry C. J. Tradition proceedings of an international research workshop at IFK. Vienna. 10-12 June. 1994. Editer by Cristoph J. Nyiry. Wien. 1995.
133. Smith K. Keenan D. English law. – London, 1983.
134. Stocke A.H. Concepts of Criminal Law. – Boston: Holbrook Press, 1976.

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна,

Председатель федерального суда Приморского района города Санкт-Петербурга, Заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: vas-gm11@mail.ru

ГОРЛЕНКО Валерий Александрович,

доцент Нижневартовского филиала Северо-Западной академии государственной службы,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: gorlenko@ya.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,

профессор кафедры правового обеспечения управлеченческой деятельности МГИМО (У) МИД России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации принципа разумного срока при судебном рассмотрении уголовных дел. Авторы, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретических и уголовно-процессуальных положениях, акцентируют внимание на актуальных проблемах, связанных со сроками судебного рассмотрения уголовных дел, рассматривают возможные пути повышения эффективности судебного рассмотрения дел, связанных с совершением преступлений.

Ключевые слова: судебное разбирательство; уголовно-процессуальные нормы; принцип разумности срока рассмотрения уголовных дел.

VASIL'EVA G.M.
GORLENKO V.A.
KONDRAT I.N.

ENFORCEMENT OF THE RIGHT TO JUDICIAL INQUIRY OF CRIMINAL CASE WITHIN A REASONABLE TIME PERIOD

The summary. The article considers the peculiarities of reasonable time principle in judicial inquiry of criminal cases. The authors through a comprehensive analysis based on the fundamental theoretical and criminal procedural provisions focus on the topical issues related to the terms of judicial inquiry of criminal cases, consider the possible ways of enhancing efficiency for trial of cases associated with commission of crimes.

Key words: court proceedings; rules of criminal proceedings reasonable time principle in judicial inquiry of criminal cases.

Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод», ратифицированная Российской Федерацией, предусматривает право каждого «при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...» (ст. 6). Однако, несмотря на то, что согласно международно-правовым нормам быть судимым без неоправданной задержки составляет одно из основополагающих прав человека, неразрывно связанное с правом на справедливое судебное разбирательство, ни в науке, ни в процессуальном законе, ни в правоприменительной практике производства по уголовным делам в нашей стране оперативность никогда не рассматривалась как право лица, вовлекаемого в сферу уголовно-процессуальной деятельности, чтобы его дело было рассмотрено в разумный срок.

Данное положение было исправлено Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ [1], которым в уголовно-процессуальный кодекс была введена ст. 6.1 – «Разумный срок уголовного судопроизводства».

В настоящее время проблеме процессуальных сроков необходимо уделять первостепенное внимание, в том числе и потому, что в силу целого ряда причин, как объективного, так и субъективного характера, положение со сроками предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел обстоит далеко не лучшим образом, о чем свидетельствует официальная статистика.

Сроки рассмотрения уголовных дел вызывают особую озабоченность еще и потому, что около тридцати процентов лиц, обвиняемых в совершении преступлений, содержатся под стражей. Принимая во внимание условия содержания под стражей в нашей стране, это становится не только правовой, но и социальной проблемой.

Важным обстоятельством является и тот факт, что российские граждане получили возможность обратиться за защитой своих прав в Европейский Суд по правам человека, и в настоящее время значительное число жалоб из России поступило на

нарушение права быть судимым без неоправданной задержки. Конечно, задержки при решении правовых споров выступают причиной наибольшего количества жалоб, поступающих в Европейский Суд по правам человека от граждан европейских государств, подписавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод [3, стр. 485]. Однако это не должно успокаивать, так как в случае констатации нарушения указанного права жалобщик приобретает право на возмещение причиненного ему ущерба. Ущерб в ряде случаев может быть достаточно серьезным, если принять во внимание те последствия, которые могут наступить для обвиняемого в связи с длительным содержание под стражей в ненадлежащих условиях.

В этой связи российским законодателям и правоприменителям необходимо познакомиться с подходом Европейского Суда по правам человека к рассматриваемой проблеме, чтобы реально оценить ее сложность и многосторонность и сделать необходимые шаги на пути ее разрешения. Итак, согласно п. 1 ст. 6 Европейской конвенции каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок. Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, перечисляя права, которые как минимум должны принадлежать лицам, обвиняемым в совершении преступления, в п. «с» указывает на право быть судимым без неоправданной задержки.

Обращает на себя внимание то, что речь в указанных нормах идет не о лицах, преданных суду, а о лицах, которым предъявлено обвинение. Поэтому начальным моментом, когда у человека появляется право быть судимым в разумный срок, считается момент предъявления обвинения, если он был задержан или в отношении него избрана мера пресечения, то соответственно с этого момента. Конечным сроком считается вступление приговора в законную силу. С означенных позиций в нашей стране сложилась весьма нехорошая ситуация. К тому же, согласно ст. 6.1. УПК РФ [2] начальным моментом является начало осуществления уголовного преследования.

Согласно международным положениям толкование формулы «разумный срок» зависит от того, находится обвиняемый под стражей или нет,

поскольку находящееся под стражей лицо имеет право на то, чтобы его дело рассматривалось в первоочередном порядке и чтобы процесс шел достаточно быстро. Поэтому разумный срок, о котором идет речь, применительно к лицам, содержащимся под стражей, должен быть более коротким. Комиссия по правам человека разъяснила, что длительная задержка в судебном разбирательстве может быть приемлемой и обоснованной по причине, например, сложности дела, однако это не может оправдывать длительное содержание лица под стражей. Вместе с этим, в нашей стране, к сожалению, еще существует мнение, что торопиться с рассмотрением уголовного дела, по которому обвиняемый содержится под стражей, не стоит, так как он никуда не денется, ему все равно предстоит и дальше находится в местах лишения свободы.

Определяя, какой срок является «разумным», Европейский Суд постановил, что все решают конкретные обстоятельства дела. Суд должен учесть, в частности, сложность фактических и юридических вопросов, поставленных в деле, поведение заявителей и компетентных властей и то, какие интересы первых были поставлены на карту; кроме того, лишь задержки, в которых можно обвинить государство, могут оправдать вывод о невыполнении требования, касающегося «разумного срока».

Для более тщательного анализа задержек, вызванных «наличием в судебной системе портфеля нерассмотренных дел», Европейский Суд разделил такие портфели на два типа. Первый возникает при чрезвычайных ситуациях, таких, как экономический кризис, когда государство заранее не могло предвидеть резкое увеличение числа споров и, осознав проблему, принимает быстрые и эффективные меры для ее устранения. «Конвенция возлагает на договаривающиеся государства обязанность организовать свои правовые системы так, чтобы суды могли выполнять требования п. 1 ст. 6, включая требование проводить разбирательство «в разумный срок». Тем не менее, временное накопление работы не влечет за собой ответственности договаривающихся государств при условии, что они достаточно оперативно принимают меры к устранению исключительной ситуации такого рода» [4, стр. 489].

Портфель второго типа называется структурным и предполагает существование большего количества дел, чем способна

рассмотреть судебная система. При таких обстоятельствах Европейский Суд проявляет большую жесткость, поскольку здесь не обнаруживаются обстоятельства, которые свидетельствовали бы о непредвиденной и чрезвычайной ситуации. В таких случаях имеет место запущенное состояние с кадрами судей и судебной нагрузкой. Такую позицию Суд продемонстрировал в деле «Cuincho против Португалии». По данному делу Суд постановил, что поскольку наплыv дел, вызванный возвращением Португалии к демократии, не был совершенно непрогнозируемым, усилий Португалии (оказавшихся неэффективными) недостаточно для освобождения ее от ответственности.

Исходя из вышеизложенного, можно с полной ответственностью утверждать, что ситуация, сложившаяся в российской судебной системе в целом и при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу, в частности, связанная с недофинансированием судов, систематическим увеличением нагрузки (в частности, за счет введения более расширенного судебного контроля за предварительным расследованием уголовных дел) при неукомплектованности судебных кадров, совершенно очевидно Европейским Судом по правам человека не будет принята во внимание при рассмотрении жалоб граждан, поскольку ситуация с несоблюдением «разумного срока» рассмотрения дел сложилась давно и была прогнозируемой при принятии нового Уголовно-процессуального кодекса.

В этой связи в организационно-правовом плане следует решить вопрос с принятием необходимых норм судебной нагрузки и комплектованием кадров суда, а также с созданием специализированных судов.

Кроме этого, в уголовно-процессуальном законе помимо закрепления общей нормы, регламентирующей необходимость судебного разбирательства дела в разумный срок, предусмотреть эти сроки по разным категориям дел. А также внести в ст. 255 УПК РФ [2] следующие изменения:

«...2. Если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 3 месяцев, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей

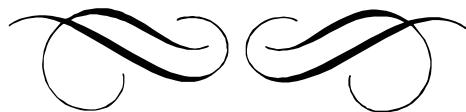
настоящей статьи.

3. Суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 3 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей. При этом продление срока содержания

под стражей допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, каждый раз не более чем на 3 месяца и не более двух раз подряд. При истечении указанного срока мера пресечения в отношении подсудимого должна быть изменена...».

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
3. Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. – М., 1997.
4. Решение от 25 июня 1987 г. Milasi против Италии // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 1999.

ВАРЛАЧЕВА Анна Владимировна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: varlacheva-AV@yandex.ru

Специальности 12.00.01 Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена ретроспективному анализу государственного регулирования азартных игр в России. В ней автор показывает двойное отношение власти к данной сфере деятельности: от полностью противозаконного до легального источника дохода.

Ключевые слова: азартные игры; игорная деятельность.

VARLACHEVA A.V.

THE STATE REGULATION OF GAMBLING GAMES IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

The summary: This article is devoted to a retrospective analysis of state regulation of gambling games in Russia. Author shows dual government's attitude to this area of activity: from a completely illegal to a legal source of income.

Key words: gambling games; gambling activity.

Азартные игры являются одной из наиболее древних и форм проведения досуга людей. В современных условиях азартные игры представляют собой хорошо организованный, прибыльный бизнес, пополняющий государственный бюджет за счет налогообложения и удовлетворяющий существующий социальный запрос в организации досуга. С другой стороны, бесконтрольное развитие азартных игр представляет определенную угрозу для общества, т. к. они оказывают негативное воздействие, на отдельных его членов, нанося вред их экономическим интересам и морально-психологическому состоянию.

По данным социологического опроса, проведенного в 2009 году всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в городе Москва 49 % жителей периодически играют в различные азартные игры, то есть потребность в азартных играх присутствует. При этом 32 % играет на деньги, 25 %, по их

собственному признанию, периодически проигрывают значительные суммы [6].

Таким образом, практически каждый второй житель Москвы играет в азартные игры, а каждый четвертый периодически теряет значимую для него сумму денег. Думается, что схожая ситуация наблюдается и в других городах России. Очевидно, что именно государство должно выступить в качестве регулятора сферы азартных игр. Государственное регулирование в этой сфере может осуществляться различными способами: от политики невмешательства до полного запрета и тотального контроля. Для выбора наиболее действенных средств и способов государственного регулирования азартных игр целесообразно опираться не только на современное состояние данной проблематики, но и на исторический опыт, изучение которого позволит выявить закономерности и определить путь дальнейшего развития государственной политики в данной сфере.

Отношение к азартным играм в России всегда было неоднозначным. Власть либо полностью их запрещала, либо частично легализовав.

Первые меры государственного регулирования носили исключительно запрещающий характер и исходили от церкви. В 1551 г. Церковно-земским собором принимается сборник постановлений «Стоглав», согласно которому наказуемым является как участие в азартных играх, так и присутствие при их проведении.

Первые попытки легализации азартных игр были предприняты первым Русским Царем из династии Романовых – Михаилом Федоровичем (1596 – 1645 гг.). При сохранении существовавшей системы штрафов была введена новая система налогов и откупов за проведение азартных игр, т. е. карты, кости (зернь), шахматы и яичный бой отдаются на откуп местным властям по ставкам, установленным в каждом городе, чети или уезде. Например, в Нижнем Новгороде ставка откупа выросла в 1617 г. с 16 рублей с полтиною до 200 рублей в 1626 г., т. е. почти в 12 раз, и держать откуп становится невыгодно. При этом воеводы не могли заставить откупщиков продолжать работать, и эта деятельность замирала. В отдельных городах откуп просуществовал до 1667 года. В период царствования второго царя династии Романовых – Алексея Михайловича (1645 – 1647 гг.) Уложением 1649 г. нелегальные азартные игры относятся к особо тяжким преступлениям, за которое виновные приговариваются к «отписанию на государя имущества, кнут и урезание ушей», а позже отсечению пальцев и рук. Азартные игры на разных властных уровнях осуждают, но не запрещают, поскольку государство исправно продолжает получать прибыль от ввоза игральных карт и откупов [4, стр. 51].

Первыми местами, в которых могли легально проводиться азартные игры, становились питейные заведения, корчмы, торжища и кабаки.

Таким образом, в XVII веке государство проводит по отношению к азартным играм двойственную политику между запретительными мерами и фискальными интересами. Побеждают фискальные интересы.

В 1696 году именным Указом Петра I вводятся серьезные запретительные нормы в отношении азартных игр, в особенности, это касается военных, вводятся проверки полицией подозрительных домов, в которых могут вестись азартные игры.

Особенно отрицательное отношение Петра I к игре простого люда. Несмотря на это в XVIII в. официальный откуп права проведения азартных игр продолжает существовать. Распространение азартных игр приводит к выходу очередного указа Петра I в 1717 г., запрещающего игру на деньги в военное время, а также проигрыш амуниции и орудия. Следует отметить, что во времена правления Петра I в России появляются первые лотереи, которые всячески пропагандируются среди населения [5, стр. 21].

При дворе Анны Иоанновны (1730 – 1740 гг.) указом № 1613 от 23 января 1733 года вводятся различные штрафы за организацию азартных игр. В годы царствования Елизаветы Петровны (1741 – 1761 гг.) карточные игры становятся постоянным досугом дворянства и культурной традицией этого сословия. Указом № 11275 от 16 июня 1761 года разрешено «употреблять игры в знатных дворянских домах, только не на большие, а на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для провождения времени». С этого времени карточные игры разделяются на азартные, в которых выигрыши и проигрыши зависят только от случая, и на коммерческие, в которых выигрыши и проигрыши зависят от случая и расчета [9, стр. 104-105].

Примером проявления двойственной государственной политики по отношению к азартным играм может служить Сенатский Указ, принятый в 1761 году, «О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры» [7, стр. 275]. Так, в России появляется классификация игр, которая разделяет их на запрещенные, в которые можно играть во дворцах «сего императорского величества», и разрешенные. В Указе дается перечень азартных игр.

Дальнейшая дифференциация азартных развлечений определяется параграфом 67 «Устава благочестия» [8, стр. 377-378]. Карточные долги по запрещенным играм объявляются недействительными, а тем, кто одолживает деньги на игру, отказывается в возвращении денег. За участие в запрещенных играх вводится строгое наказание – взимается штраф в размере 2-х годовых жалований, деньги в игре конфисkуются, половина этой суммы идет доносчику, четверть – полиции, четверть – на благоустройство больниц и госпиталей, некоторые попадают в тюрьму,

некоторые на полосы газет, иностранцев могут высылать из России. 8 апреля 1782 г. в «Уставе благочестия» вводится уголовная ответственность для профессиональных игроков, содержателей и посетителей игорных домов, кредиторов и шулеров. Отныне официально признается наличие мошенничества в азартных играх. Если ранее был введен перечень запрещенных игр, с этого времени власти понимают, что в стране любой игре могут придаваться свойства азартной.

Указом Сената от 28 мая 1787 года разрешается играть, в зависимости от категории трактира, в кегли и на бильярде. Далее 11 июня 1801 г. выходит Указ против игры в целях предотвращения разорения целых фамилий. Чуть позже принимается Указ «Об истреблении непозволительных карточных игр», запрещающий большинство азартных игр в России. Принятие данных указов практически ничего не изменило [2, стр. 155-158].

В начале и середине XIX века в России увлечение азартными играми проникает во все слои общества и приобретает невероятные масштабы. При Николае I (1825 – 1855 гг.) продолжается политика ужесточения мер против азартных игр на законодательном уровне. В 1845 году принимается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Уголовно наказуемым деянием является участие в запрещенных играх в карты, кости, и т. п., если это осуществляется «вопреки изданных о сем постановлений». Важным событием является Указ Сената от 12 марта 1831 года, общество конской скачки получает земельный участок будущего Московского ипподрома. При Александре II (1855-1881) здесь будет разрешен тотализатор. Но линия на уничтожение азартных игр не меняется. Признается, что организуются без надлежащего разрешения публичные лотереи. В 1870 году по решению Кассационного Сената № 1791 определяется, что только суд вправе решать вопрос об отнесении игры к разрешенной или запрещенной. Это решение принято на основании жалоб граждан на злоупотребление полиции, которая вершит «свой собственный суд» на месте преступления. Впервые судебные власти становятся на сторону организаторов азартных игр и игроков [9, стр. 109].

Во времена правления Николая II (1894-1917) для игорной деятельности настают лучшие

времена. Запрещение или разрешение той или иной игры отнесено к компетенции министра внутренних дел. Начинают открываться большие клубы и общественные собрания, в которых проводятся азартные игры.

Азартные игры не только не исчезают, но еще больше распространяются, в связи с упрощением получения разрешений на открытие казино, игорных домов, увеселительных заведений. Однако при этом их деятельность видоизменяется в худшую сторону из-за отсутствия надзора и контроля полиции, увеличиваются факты жульничества, незаконно осуществляющейся деятельности.

Деятельность полиции в данном направлении сосредотачивается на борьбе с частными клубами и собраниями, в которых проводятся недорогие коммерческие игры. Государство не способное осуществлять контроль и надзор за азартными играми в соответствии с действующим законодательством постепенно приводит игорную деятельность к дезорганизации.

Приведенные нами исторические примеры государственного регулирования азартных игр свидетельствуют о двойком отношении государства к данной сфере. Формально государство стремилось к запрещению азартных игр, однако фактически азартные игры активно развивались на протяжении столетий. При этом в зависимости от курса государственной политики в данной сфере, азартные игры либо становились полностью нелегальными, продолжая существовать во всех слоях общества, либо частично легализовались и становились источником дохода для государства.

В современной России проблемы государственного регулирования азартных игр сохраняют свою актуальность.

В 2006 году был принят Закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» [1] установил целый ряд требований, предъявляемых к игорным заведениям и игровому оборудованию. Эта мера позволила существенно сократить количество этих заведений.

За тем согласно закону с 1 июля 2009 года деятельность всех игорных заведений во всех населенных пунктах России была прекращена. Ее продолжение возможно только в четырех специально отведенных законом игорных зонах. Это «Азов-Сити» в Краснодарском крае,

«Янтарный берег» около Калининграда, «Приморье» во Владивостоке и «Сибирская монета» в Алтайском крае.

Перевод заведений для азартных игр в специальные резервации, фактически означает уход легального игрового бизнеса из городов, что при наличии спроса на данный вид развлечений.

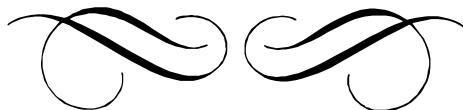
По оценке экспертов проводимая государством политика в сфере игорной деятельности может привести к переходу легального бизнеса в теневую экономику [3]. Не смотря на действие запрета на игровую деятельность вне специальных резерваций, практически во всех населенных пунктах России продолжают существовать подпольные игровые клубы, прикрывающиеся

различными вывесками.

Как показывает анализ исторического опыта государственного регулирования в данной сфере, меры запрещающего характера оказываются наименее эффективны. Очевидно, что, развиваясь, игорная деятельность требует от государства необходимости серьезной работы по созданию системы государственного регулирования этой деятельности, состоящей, в первую очередь, из законодательства, охватывающего регулирование совокупности всех параметров игорной деятельности, подлежащих контролю, а также созданию уполномоченного государственного органа, обеспечивающего контроль и надзор за исполнение предпринимателями законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (часть I). – Ст. 7.
2. Алексеев Н.П. Карточная игра в России: история игры и история общества // Россия: История, наука, культура. VII Всероссийская научно-теоретическая конференция «Россия: История, наука, культура». – М., 2003.
3. Борьба с азартными играми в России // Российская газета. – 2008. – № 5448 (76). 4 ноября.
4. Ковтун Е.В. История правового регулирования азартных игр в России // ИПЦ. – М., 2009.
5. Молодых А.И. Правовое регулирование азартных игр в XIX веке в России // История государства и права. – 2007. – № 18.
6. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=78#>
7. Сенатский указ «О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбард и прочия тому подобные игры». 16.06.1761 // Полное собрание законов. Т. 15. 11 275.
8. Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 г. Гл. Д. Наказ управе благочиния. Ст. 67; Гл. М. Запрещения. Ст. 215; Гл. Н. Взыскания. Ст. 257// Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. – М., 1987.
9. Шевцов В.В карточный игры в общественном быту (конца XVI – начала XIX вв.) // Всероссийская научная конференция «Бренное и вечное». Вып. 3. – В. Новгород, 2001.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

ДИДЫЧ Тарас Олегович,
заведующий кафедры теории и истории
государства и права
Киевского университета права НАН Украины,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail:
**Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве**

ГЕНЕЗИС ПОНИМАНИЯ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению становления и развития в историческом аспекте понятия и концепции права, специфики правообразующих факторов развития общества. Особое внимание уделено пониманию феномена правообразования и значению правообразующих факторов в развитии общества, сформировавшихся в конце 90-х годов XX века – начала XXI века.

Ключевые слова: право; правообразование; происхождение права; закон.

DIDYCH T.S.

GENESIS OF UNDERSTANDING OF LAW FORMATION

The summary. The article is concerned with the study of formation and development in the historical aspect of the notion and concept of law, the specificity of law-making factors for the development of society. A particular attention is paid to the understanding of law formation phenomenon and the significance of law-making factors in the development of society, formed in the late 90's of the 20th century – the early 21st century.

Kew words: law; law formation; origin of law; act of legislation.

Особое научное значение в контексте изучения сферы существования и функционирования права занимают вопросы его образования. Это связано со спецификой правообразующих факторов развития общества, которые предопределяют появление права и его обновление (изменение) в процессе функционирования. Изучение этих вопросов, прежде всего, позволит установить те социальные предпосылки, которые определяют его содержание и необходимость внедрения в

жизнедеятельность общества. Сегодня в научной юридической литературе ощущается острый дефицит комплексных исследований, посвященных проблемам правообразования как многоаспектного самостоятельного явления. Это объясняется тем, что, имея длительную историю научного изучения проблематики правообразования, однозначного понимания феноменологических и методологических основ указанного явления выработано и обосновано не было. Можно

отметить то, что проблематика возникновения права и процесса его образования была высказана еще в работах философов античности, средневековья и периода Возрождения. По мнению Протагора, происхождение права обусловлено «искусственным человеческим изобретением, которое находит свое проявление в виде закона» [2, стр. 51]. В свою очередь, Платон акцентирует внимание на том, что формирование права непосредственно связано с «умственной деятельностью, нацеленной на обеспечение общего блага всего государства в целом, а не определенной социальной группы, захватившей власть» [2, стр. 63]. Происхождение права, по мнению Цицерона, обусловлено его объективностью и справедливостью, что может иметь свое проявление лишь в случае происхождения права от природы, которое нацелено на противодействие произволу и субъективным интересам [2, стр. 90]. Кроме того, существуют и другие взгляды относительно происхождения права, связывающие образование права с «решением мудрых мужей по уменьшению преступности» (Папиниан) [2, стр. 103]; «волеизъявлением Всевышнего» (Ф. Аквинский) [2, стр. 124]; «необходимости выявления символа и идеи справедливого» (Ф. Бекон) [2, стр. 206-207]. Со временем в правовой мысли XVII – XVIII века возникают взгляды о том, что правообразования, прежде всего, основывается на умственной деятельности человека, определяет необходимость выработки определенных правил разработки законов, которые следует неукоснительно соблюдать [4, стр. 206-207]. По мнению Г. Гроция, правообразование обусловлено «здравым смыслом, что является реакцией соответствия или несоответствия жизнедеятельности людей природе человека» [2, стр. 299]. Ж.Ж. Руссо определял право как такое, что происходит от народа с помощью института народного суверенитета. В свою очередь, суверенитет представляет собой неотчуждаемую и безраздельную власть народа, руководимого общей волей, основанной на общественном договоре [5, стр. 53]. Подобными являются взгляды Т. Гоббса, который характеризует происхождение права от воли народа, что руководствуется необходимостью обеспечения своего блага [2, стр. 329]. Ш.Л. Монтескье связывает возникновение права с совокупностью факторов, которые в своей системе составляют «дух

законов», т. е. воплощают в себе разумность, правомерность, законность и справедливость закона [2, стр. 370]. Некоторыми учеными нового времени предпринята попытка обобщить взгляды философов, сгруппировав их на отдельные группы. Так, Г. Эллинек, анализируя существующие взгляды на вопросы возникновения и происхождения права, предлагает их разделить на следующие группы, а именно: религиозно-теологические воззрения, обосновывающие божественное происхождение права, содержание которого зависит от божественного волеизъявления; теории силового происхождения права, содержанием которых является понимание причин и процесса формирования права как таковых, которые происходят от властных субъектов и наделены соответствующей силой (классовой, национальной, государственно-властной т. п.) [1, стр. 331-339].

В свою очередь И.В. Михайловский также отмечает, что «взгляды на вопрос формирования права имеют многовекторный характер и происходят от идей стихийного возникновения права, как исторически обусловленного явления, а также обосновываются особенностями психики человека и т. д. Однако, по мнению ученого, правообразование обусловлено исключительно человеческой деятельностью, а именно тех людей, стоящих на высших ступенях духовного развития с целью обеспечения этического порядка жизни» [3, стр. 116-117]. Учитывая указанное возможно подытожить, что разнообразие взглядов на проблему понятия, сущности и значения правообразования обусловлено сложностью указанного понятия и спецификой права как результата правообразования. Возможность обобщения и группировки взглядов объясняется именно их разнообразием.

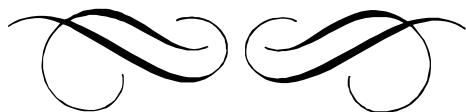
Продолжая исследования феномена правообразования и значение правообразующих факторов в развитии общества, в конце 90-х годов XX века – начале XXI века в юридической науке проблематика правообразования изучается как самостоятельный объект научного исследования, охватывающий в себе отдельные элементы научных исследований других вопросов теории права и государства, а именно проблематику формирования права в контексте изучения форм (источников) права, теории правового регулирования, правогенезиса, феномена систематизации т. п. Учитывая указанное,

возможно обобщить вывод о том, что история становления взглядов на проблематику правообразования имеет длительный характер, однако единой концептуальной точки зрения обосновано не было. Таким образом, справедливым будет утверждение о том, что существующие взгляды на проблему правообразования: с одной стороны, имеют достаточно устаревший характер, поскольку основаны на идеях философов и ученых периодов

просвещения и нового времени, и рассматривают институт правообразования в контексте развития государственности в период построения социалистических принципов развития общества; с другой стороны, не в достаточной мере отражают проблематику правообразования в контексте современных вопросов развития государственности и правовой системы в Украине, в том числе и в контексте обеспечения состояния верховенства права.

Список литературы

1. Еллинек Г. Общее учение о государстве // Теория государства и права: Хрестоматия. В 2-х т. Т. 1. Государство / Автор-сост. М.Н. Марченко. – М.: Городец, 2004.
2. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004.
3. Михайловский И.В. Очерки о философии права // Теория государства и права: Хрестоматия. В 2-х т. Т. 1. Государство / Автор-сост. М.Н. Марченко. – М.: Городец, 2004.
4. Теория государства и права: Хрестоматия. В 2-х т. Т. 2 / Автор-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юристъ, 2001.
5. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. – М.: Наука, 1969.

КУЛИКОВА Юлия Павловна,
аспирант кафедры управления Финансово-
технологической академии
E-mail: kulikova@kulikova-julia.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ: ТЕХНОПАРКИ

Аннотация. Сегодня в мире наглядно проявился комплекс закономерностей, связанных с формированием «новой» экономики, базирующейся на знаниях. Одной из особенностей этой экономики является самая тесная, масштабная и многосторонняя интеграция образовательной, научной деятельности и бизнеса. Она проявляется как на национальном уровне, так и в процессе глобализации мирового хозяйства.

Ключевые слова: инновация; синергетический эффект; интеграция образования; научной деятельности и бизнеса.

KULIKOVA Yu.P.

FOREIGN EXPERIENCE OF INTEGRATION MODELS: TECHNOLOGICAL PARKS

The summary. Today, the world has clearly demonstrated complex patterns associated with the formation of «new» economy based on knowledge, one feature of which is the closest, large-scale and multi-integration of education, science and business, which is manifested both at the national level and in the process of globalization the world economy.

Key words: innovation; synergy; integration of education; science and business.

Медленное развитие парков также подтолкнуло к строительству так называемых «инкубаторов технологического бизнеса» – зданий для размещения многих малых начинающих инновационных фирм. Инкубаторы предоставляли перспективным предпринимателям производственные помещения, обеспечивали набором услуг, связью с местным университетом или научным центром, а также с финансовыми кругами.

Автором отмечается, что именно кризис в экономике всегда был толчком к созданию технопарков (Великобритания, Франция, Германия и др.). Их создание – эффективный механизм возрождения и выхода из кризисных ситуаций, результат их деятельности – экономически благополучные регионы, сотни тысяч новых рабочих мест.

Как показывает опыт, в каждом конкретном случае, при создании научного парка, необходимо

базовую модель адаптировать к местным условиям, задачам, финансовой и правовой системе.

Функции инновационных центров охватывают различные стадии инновационного процесса, в особенности стимулирование перехода от экспериментального производства к коммерческому освоению новой продукции. Для этого не всегда требуется создание новых компаний. Часто инновационные центры оказывают исследователям-предпринимателям помочь в продаже лицензии на новый продукт уже действующим производителям. Ряд инновационных центров находятся в ведении местных властей, а более крупные входят в Европейскую сеть с базой в Брюсселе. Она объединяет около 40 инновационных центров. Связывая инновационные центры разных стран, Европейская сеть облегчает фирмам

межстрановую торговлю технологиями.

В рамках национальной инновационной системы государство формирует и осуществляет научно-техническую и инновационную политику с целью достижения и поддержания высокого уровня конкурентоспособности и эффективности экономики страны.

Если обратиться к практике зарубежных стран, то, вне зависимости от сходства и различий национальных моделей научно-образовательного процесса, основные направления их политики в этой сфере формируются через своего рода «систему координат», особое место в которой занимают именно цели и задачи государства.

Интеграция образования, исследовательской деятельности и производства в зарубежных университетах складывалась на протяжении второй половины XIX – начала XXI века. Апробированные модели интеграции доказали свою жизнеспособность и, более того, перспективность. Вокруг университетов создаются исследовательские парки как форма интегрированного развития науки, образования и бизнеса. Согласно мнению автора, исследовательский парк представляет собой объединенную вокруг научного центра (исследовательского университета) научно-производственную, учебную и социально-культурную зону обеспечения непрерывного инновационного цикла. Суть концепции исследовательского парка состоит в создании особой инфраструктуры, обеспечивающей связь исследовательского центра и бизнеса, порождающей и поддерживающей на стартовом этапе малые высокотехнологичные предприятия. Исследовательский парк существует как бы в поле притяжения университета, и его структура состоит из двух основных блоков – малых инновационных предприятий и подразделений их обслуживания и поддержки.

В настоящее время в мире насчитывается около 400 научных парков. Множество других находятся на стадии создания [5, стр. 34].

Описывая японскую модель «научных парков», следует отметить, что в отличие от американской, японская модель предполагает строительство совершенно новых городов – так называемых «технополисов», сосредоточивающих научные исследования в передовых и пионерных отраслях и наукоемкое промышленное производство. В качестве создания «технополисов» избрано 19 зон,

равномерно разбросанных по четырем островам [4, стр. 87].

Ряд таких, весьма известных в мире, корпораций с разрешения местных властей построили на свои деньги исследовательские корпуса и производственные цеха, ориентированные на новые технологии.

Такое образование правильнее было бы относить не к технопаркам, а скорее, к технополисам или даже наукополисам. Это особого рода урбанизированная высокоинтеллектуальная среда, где общаются и обмениваются идеями (в столовой, на отдыхе, на прогулках и т. п.) специалисты совершенно различных областей. Именно в такой интеллектуальной среде, чаще всего и рождаются совершенно неожиданные изобретения, навеянные рассказами коллег из других областей науки о своих проблемах. Благодаря этой особенности туда стараются внедриться даже не слишком успешные фирмы, находящиеся в застое или даже кризисе, особенно если это кризис творческий [1, стр. 65].

Инновационная деятельность высшего образовательного учреждения определяется государственной инновационной и научно-технической политикой, реализуемой на федеральном и региональном уровнях. Высшие образовательные учреждения, в силу своей уставной деятельности, с одной стороны, являются субъектами национальной системы образования, с другой стороны, – субъектами национальной инновационной системы. В данном исследовании высшее образовательное учреждение рассматривается как динамическая социально-экономическая система условно-открытого типа, эффективное функционирование которой обеспечивается качеством реализуемых образовательных и сопутствующих образованию услуг и эффективностью инновационной политики.

Автором предполагается, что интеграция образования, науки и производства приведет к повышению инновационного потенциала российской экономики. Цель осуществляемых в этой области национальных проектов и программ состоит в подъеме конкурентоспособности отечественных предприятий благодаря обучению их персонала передовым методам труда и трансферу между бизнесом и наукой. Процессы интеграции развиваются в определенных организационных формах (технопарки, исследовательские университеты, НПО, консалтинговые фирмы и т. д.).

которые способны решать исследовательские, образовательные и производственные задачи, а также удовлетворять потребности работодателей в высококвалифицированных специалистах.

Предпосылки развития интегративных комплексов в образовании, науке и бизнесе складываются из политических, нормативно-правовых, экономических и социально-культурных условий. Политические условия реализуются на государственном уровне, выступают как актуализация потребности в изменении сложившихся и устойчиво сохраняющихся социальных практик. Такая потребность возникает в ответ на социальные изменения в мире: ускорение научно-технического прогресса, интенсификация процессов информатизации и т. д. Однако ее реализация требует целенаправленных усилий, которые должны быть предприняты, прежде всего, государственной властью [2, стр. 87].

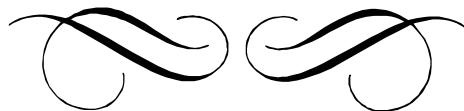
Как видим, интеграция образования,

исследовательской деятельности и бизнеса в высшей школе за рубежом является важнейшим компонентом в социально-экономическом развитии множества стран. Интеграционная модель осуществляет свое функционирование на базе технопарков (технополисов). Именно здесь студенты получают не только новые знания, но также используют эти знания в научно-исследовательской деятельности, ставят эксперименты, до получения практического результата, который впоследствии применяют в технологическом процессе в стенах уже, собственно, венчурной фирмы.

На основании изучения зарубежного опыта можно сделать важный вывод, что только интеграция образования, научной деятельности и бизнеса в высшей школе способна создать систему своевременно подготовленных специалистов для ключевых сфер экономики России и специалистов международного уровня.

Список литературы

1. Карлофф Б. Деловая стратегия. – М.: Экономика, 2007. – 239 с.
2. Карнаухов С.Б. Методы анализа и обработки данных для мониторинга регионального рынка образовательных услуг. – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2007. – 236 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Качалов В.А. Системы менеджмента на основе ISO 9001:2008, ISO19001:2004, OHSAS18001:2007 и ILO-OSH 2001. Конспект системного менеджера. В 2-х т. – М.: ИздАТ, 2009. – 356 с.
5. Келс Г.Р. Процесс самооценки. – М.: МОНФ: Изд. центр науч. и учеб. программ, 2008. – 263 с.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА

БОБРОВНИК Светлана Васильевна,
профессор Киевского национального университета
имени Тараса Шевченка
(г. Киев, Украина),
кандидат юридических наук
E-mail: bobrovnik_@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРЕИМУЩЕСТВА АНТРОПОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОГО КОМПРОМИССА И КОНФЛИКТА КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового влияния и правового упорядочения общественных отношений в контексте интеграции феномена человека и формально-логического подхода. В статье рассмотрена также система факторов, обуславливающих формирование и функционирование общественных отношений в системе «общество – государство – человек». Большое внимание уделено исследованию биполярной модели социальной действительности при помощи антрополого-коммуникативного подхода, а также преимуществ применения антрополого-коммуникативного подхода к исследованию правового конфликта и компромисса.

Ключевые слова: антрополого-коммуникативный подход; социальная коммуникация; правовой компромисс; правовой конфликт.

BOBROVNIK S.V.

ADVANTAGES OF ANTHROPO-COMMUNICATIVE APPROACH TO THE STUDY OF LEGAL COMPROMISE AND CONFLICT AS A MEANS OF PROTECTION OF SOCIAL COMMUNICATION

The summary. The article deals with the research of legal influence and legal ordering of social relations in the context of integration of the phenomenon of man and the formalist logic approach. Besides, the article considers the system of factors causing the formation and functioning of social relations in the system “society – state – individual”. Much attention is given to the study of bipolar model of the social reality with the help of anthropologo-communicative approach as well as the advantages of the use of anthropologo-communicative approach in the research of legal conflict and compromise.

Key words: anthropologo-communicative approach; social communication; legal compromise; legal conflict.

Развитие современной правовой системы связано с потребностью реформирования научных подходов, обеспечивающих интеграцию феномена человека и формально-логического подхода к исследованию правового влияния и правового упорядочения общественных отношений. Сказанное обуславливает необходимость применения антрополого-коммуникативного метода исследования государственно-правовых явлений, не составляя исключение и анализ таких аспектов функционирования правовой сферы, как правовой компромисс и конфликт. Это обусловлено системой факторов, основанием которых есть модификация общественных отношений «общество – государство – человек», в которых на смену этическим и юснатуралистическим представлениям приходит осознание отношений партнерства субъектов, функционирующих в социальной системе как равные достижении общих задач.

Преодоление конфликтности взаимоотношений в рамках классических типов правопознания связано с активизацией процесса взаимопроникновения общего, обменного и единичного (общество – государство – человек). Другими словами, преувеличение влияющей роли одного из упомянутых субъектов человеческой жизнедеятельности вызывает процесс деконструктивности общественных отношений, в частности, правовых, поскольку в случае отсутствия устойчивой коммуникации между субъектами, основанной на принципе компромиссности, сопровождается препятствиями в достижении общественной гармонии. В связи с этим правильной представляется позиция А.В. Полякова, утверждающего, что конфликт в зависимости от степени развития и остроты может быть определен как препятствие правовой коммуникации и как причина ее разрыва [1, стр. 619]. Таким образом антрополого-коммуникативный подход, по своей сущности, то есть взаимосвязи индивида и социума, нацелен на обеспечение компромиссности в современной модели взаимодействия: общество – государство – человек.

Важным фактором применения антрополого-коммуникативного метода в правовой сфере есть необходимость модернизации правового обеспечения (защиты) человеческой коммуникации. Такое обеспечение должно быть основано не на принудительных средствах, а строиться на

средствах правового компромисса. Идея преимущественного обеспечения, стимулирующего влияния над принудительным, исследована в работах многих ученых [2; 5].

Применение именно антрополого-коммуникативного подхода обеспечивает синтез индивидуального и социального аспектов права. При этом индивидуальное исследуется при помощи антропологического аспекта, раскрывающего внутреннюю сторону правовой коммуникации путем отражения духовной и ориентационной составных субъектов, а социальное – благодаря коммуникативному аспекту, обеспечивающему осознание внешних взаимоотношений субъектов, отражая внешнюю сторону правовой коммуникации.

Самостоятельное значение в аспекте исследования правовой коммуникации при помощи антрополого-коммуникативного подхода имеет биполярная модель социальной действительности. Связано это с тем, что социальная коммуникация характерна двумя парадигмами. С одной стороны, это парадигма компромисса, а с другой – парадигма конфликта. Именно на этой стороне социальной коммуникации акцентирует внимание Ю.И. Гревцов [3, стр. 193-195]. При помощи антропологического аспекта исследуются индивидуальные причины и факторы, подталкивающие индивида к конфликту или компромиссному поведению. В свою очередь, при помощи коммуникативного аспекта определяется динамика конфликтных и компромиссных отношений.

Вместе с тем, основатель либеральной концепции права В.С. Нерсесянц отрицает антрополого-коммуникативную сущность человека как основы формирования правовых явлений. В качестве основы правовых явлений им определены чистый разум, объективно существующие трансцендентные теологические правовые ценности формального равенства, свободы и справедливости [4, стр. 30, 113]. По нашему мнению, такие аргументы могут влиять на создание теории права в себе, поскольку использование либеральной юриспруденции вызывает трансформацию формального равенства, свободы и справедливости из принципов права у средства удовлетворения правящей элитой собственных интересов [5, стр. 7-9].

Именно антрополого-коммуникативный подход, обоснованный А.В. Поляковым еще в советское

время [6, стр. 12, 16, 19], определяет право одновременно естественным (антропологическим) входением в структуру общественного бытия; позитивным (искусственным), конструированным людьми и закрепленным в источниках, и социальным, непосредственно связанным с человеком и его природой [7, стр. 449-450]. Исходя из этого, возможно утверждать, что по своей сущности антрополого-коммуникативное познание права объединяет теоретическую и практическую сферы его бытия. Именно этот подход использует категории «правовой компромисс» и «правовой конфликт» в процессе анализа сущности правовой реальности.

Другим важным преимуществом антрополого-коммуникативного подхода к исследованию правового конфликта и правового компромисса есть одновременное отражение субъективной и объективной сторон права и его явлений, раскрывает индивидуальный и социальный аспекты правового конфликта и правового компромисса. В процессе применения этого подхода анализируется как внутренний смысл правового поведения субъекта, так и правовые условия, в которых происходит его коммуникация с другими субъектами. Отсюда, как правильно указывается Н.С. Пилюгиной, зарождается идея конфликта в правосознании и начинается его реализация в правовом поведении человека [8, стр. 15-17]. Другими словами, при помощи антрополого-коммуникативного подхода степень конфликтности и компромиссности общественных отношений возможно выявить на стадии правотворчества, когда учитываются индивидуальные интересы личности в процессе формирования и санкционирования правовых норм, которые становятся обязательными для каждого субъекта общественных отношений.

Необходимо так же отметить, что при помощи антрополого-коммуникативного подхода исследуется социальный аспект внутренних правовых конфликтов (правовых коллизий и пробелов в праве) и компромиссность правовой системы. При этом социальный аспект внешних правовых конфликтов проявляется при помощи любого из существующих типов правопознания. Связано это с тем, что внешние правовые конфликты характеризуются наличием правовой коммуникации, которая не мыслит осуществляться субъектом самим с собой, то есть социальный аспект связан из функционированием субъектов

права, вступающих в различные правоотношения. Социальный аспект внутренних правовых конфликтов связан с проблемами легализации и легитимации правовых норм.

Компромиссность правовой системы достигается не только благодаря формальной легализации правовых норм, а и соответствующей легитимации их в правоотношениях. При этом процесс легитимации норм права в правоотношениях предоставляет возможность выявить правовые коллизии и пробелы в праве, что и отражает социальный аспект внутренних правовых конфликтов. Примером компромиссности правовой системы Украины есть деятельности Конституционного Суда Украины, осуществляющаяся посредством конституционных правоотношений. При этом толкование Конституционным судом Украины положений нормативно-правовых актов обеспечивает возможность определить внутренние правовые конфликты в процессе не только легитимации правовых норм, а и их легализации, что и отражает социальный аспект таких конфликтов.

Важным аспектом исследования правового компромисса и конфликта есть текстуальный характер нормы, которая адресуется соответствующим субъектам, интерпретирующему значение правового текста и реализующим его положение в собственном поведении. Правовые коммуникации, отвечающие моделям, закрепленным правовыми текстами, формируют компромиссные правоотношения субъектов. Правовые коммуникации, не отвечающие правовым моделям, формируют конфликтные правоотношения, основными среди которых есть правоохранительные и правозащитные [9, стр. 21-23].

Таким образом, преимущества антрополого-коммуникативного подхода к исследованию правового конфликта и компромисса состоит в следующем:

- исследование модели взаимоотношений «общество – государство – человек» как дуалистического противоречия конфликта и компромисса;
- приоритетность применения стимулирующего правового влияния, обуславливающего компромиссность правоотношений;
- анализ индивидуального и социального аспектов динамики правокомпромиссных и правоконфликтных отношений;

- определение социального аспекта (процесса легализации и легитимации правовых норм) внутренних правовых конфликтов и компромиссности правовой системы;
- познание сущности правового компромисса и правового конфликта в процессе легализации и легитимации правовых норм;
- синтез множественных проявлений правового компромисса и правового конфликта, связанных с исследованием человека как индивида и элемента социальной системы.

Список литературы

1. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 864 с.
2. Ллойд Д. Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость / Пер. англ. Д. Ллойда. – М.: ЮГОНА, 2002. – 415 с.
3. Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. – СПб: Юридический центр Пресс, 2001. – 304 с.
4. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2000. – 241 с.
5. Лапаева В.В. Различные типы правопонимания. Анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. – 2006. – № 4. – С. 5-15.
6. Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 4-23.
7. Гартман Н.К. К основоположению онтологии. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
8. Пилогина Н.С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 2002. – 35 с.
9. Воблинов В.Ю. Правопонимание в современной российской теории права // Credo new. – 2006. – № 3. – С. 20-25.

НИКОНОВА Наталья Андреевна,
аспирантка кафедры государственного и
муниципального права Читинского
государственного университета
E-mail: nikonova-na@yandex.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В БРАЗИЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются демократические процессы в Бразилии, а также условия, при которых она, пережив три революции, жесткий авторитарный режим и политические перевороты, смогла стать ведущим государством Латинской Америки. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с защитой прав человека и со становлением гражданского общества в Бразилии. Краткий исторический экскурс позволяет оценить масштаб авторитарного влияния на развитие страны, а также возможности, которые открылись перед ней в ходе политических трансформаций. В статье анализируется процесс становления сильной демократической модели управления, которая способна вывести на новый уровень развития все сферы жизни бразильского общества.

Ключевые слова: демократия; права человека; Латинская Америка; Бразилия; гражданское общество; демократический транзит.

NIKONOVA N.A.

DEMOCRATIC TRANSIT IN BRAZIL

The summary. In this article the author considers democratic processes in Brazil, as well as the conditions which permitted it to become a leading country of Latin America despite three revolutions, an autocratic rule and political upheavals. Close attention is given to the questions of human rights protection and civil society formation in the country. A short historical digression gives a clue to the scope of autocratic influence on the development of the country alongside the possibilities that opened up for it in the course of political transformations. The article contains the analysis of a strong democratic control model formation which will enable the country to reach a new level of its development in every sphere of life.

Key words: democracy; human rights; Latin America; Brazil; civil society; democratic transit.

Большую часть истории Бразилии авторитарные военные правления чередовались с гражданскими. В Бразилии прошло три революции, прежде чем она стала самой развитой страной Латинской Америки. Падение Старой республики в 1930 г. привело к тому, что провинциальные кланы у власти получили тотальный контроль даже над такими базовыми продуктами, как кофе и сахар. В 1950 г. случился бум иностранных инвестиций,

стремительно развивалась металлургическая и автомобильная промышленность. Соперничество промышленных аристократических групп и землевладельцев достигло пика в 1964 г., и это привело к процветанию бюрократического авторитаризма и военной диктатуры в последующие 20 лет. Как и в Юго-Восточной Азии, желаемого 10%-ного прироста экономики удалось достичь почти за 10 лет благодаря политике

импортозамещения с целью преодолеть зависимость от иностранных производителей. Но это привело лишь к тому, что отрицательное сальдо достигло рекордных цифр [2, р. 153]. Основными причинами, вызвавшими кризис авторитаризма, стали экономический кризис и кризис налоговой системы. К 1980-м годам и экономика, и военный режим пришли в упадок.

С середины 1980-х годов Бразилия вступила в новый этап исторического развития. В стране начался период перехода от череды военных правительств к гражданскому управлению, переход от авторитаризма к демократической модели. Политические изменения того времени в Латинской Америке стали частью общеизвестной тенденции под названием «Третья волна демократизации» в Восточной Европе и Латинской Америке. Эти изменения касались пяти взаимосвязанных сфер жизни: гражданское, политическое и экономическое общество, верховенство права, аппарат власти. Хотя в то время оппозиция всячески старалась помешать любым изменениям, а ее представители способствовали появлению различных явлений, противоположных этим реформам: анти-элит, коррупции, семейственности, просачивания преступности во власть, что привело к кризису властных структур. Помимо этого, экономике данных стран были присущи такие особенности, как: высокий уровень коррупции, процветание теневого бизнеса и неуплата налогов.

Отправной точкой демократизации Бразилии стало избрание Танкреду Невиса в 1984 г. президентом страны коллегией выборщиков Национального Конгресса. Однако демократия, которая положила конец военному авторитаризму, не до конца истребила незаконное насилие чиновников, даже притом, что оно больше не поддерживалось правительством на официальном уровне, как раньше. Но, что еще более удивительно, диктатура позволила людям понимать ситуацию лучше: после того, как кто-либо из их родственников или друзей был репрессирован, элита все больше осознавала, что режим несет в себе множество негативных явлений. Большинство организаций по борьбе за права человека возникло именно в период диктатуры: первый Комитет правосудия и мира появился в Сан-Паулу в 1971 г. До того лишь немногие граждане и представители юридической системы понимали, что собой представляет

феномен легитимного насилия. Но, помимо понимания несправедливости, которое пришло к людям, важный аспект состоит в том, что федеральное правительство больше не игнорирует случаи нарушения прав человека, как это было в период Республики с 1889 до 1985 г.

После прихода к власти гражданского правительства в 1985 г., властные структуры начали формировать механизмы и способы наказания нарушителей прав человека, и это был беспрецедентный случай в истории Латинской Америки. Бразилия ратифицировала все основные договоры и конвенции в этой сфере. Хотя даже на стыке веков существовали инстанции на местном и государственном уровне, которые не соблюдали принцип верховенства права.

Несомненно, современная Бразилия резко отличается от Бразилии 20 лет назад. Одно из главных изменений в связи с переходом от диктатуры к демократии – это способность гражданского общества к самообновлению. Это подтверждается фактом участия граждан в принятии решений в разных сферах жизни на высшем уровне. Значительно возросла роль неправительственных организаций в становлении демократии.

Прогресс в развитии Бразилии очевиден. Некогда аграрная страна, практикующая рабство, превратилась в восьмое по рейтингу индустриальное государство мира. Она продемонстрировала необыкновенную эффективность использования ресурсов для трансформации. Но при этом проявилась и негативная черта: власть и богатство сконцентрировалось в руках ограниченной группы людей. Даже после 1985 г. в штатах Бразилии, несмотря на достижения в сфере защиты прав человека, правительство до конца не искоренило случаи систематического нарушения прав бедных, афроамериканцев и различных маргинальных групп населения [3, р. 121]. В 1994 г. происходят перемены к лучшему: президентом Бразилии становится Кардозо, который осуществил радикальную экономическую реформу, поставив Бразилию на один уровень с Чили – самой сильной экономикой в Южной Америке.

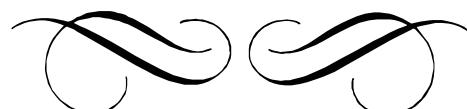
Политика Кардозо была продолжена Луисом Инасио Лулой да Силвой – президентом Бразилии, избранным в 2002 г. и переизбранным в 2006 г. Лучшее, что сделал Лула да Силва, – это управление политическим процессом как фактором укрепления демократии на благо обществу. Этот

процесс сделал бразильское правительство более сильным и прозрачным, он сформировал в общественном сознании доверие к власти, которое можно обозначить как «социальный капитал». Реалии и обстоятельства очень отличают Бразилию от других стран Латинской Америки, возможно, потому, что опыт Лулы да Силвы и его правительства проложили путь для прогрессивных

изменений, и это демонстрирует политическую зрелость Бразилии. Сегодня Бразилия не только добилась значительных экономических успехов, но и сумела установить достаточно сильную демократическую модель управления. Многие бразильцы в XXI в. готовы с уверенностью сказать: «Демократия меняет нашу жизнь к лучшему» [1].

Список литературы

1. Ituassu A. The price of democracy in Brazil // OpenDemocracy. 2009. URL: <http://www.opendemocracy.net/printpdf/48018> (дата обращения: 15.09.2010).
2. Khanna P. The second world. Penguin Books, 2008.
3. Pinheiro P.S. The Paradox of Democracy in Brazil // The Brown Journal of World Affairs, Volume VII, 2002.

ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ. ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ, БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

ВНЕШНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы разработки, принятия и использования стандартов внешнего государственного и муниципального финансового контроля. Тщательно анализируются содержание федеральных законов №4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» и №6-ФЗ «Об общих принципах организации деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», дискуссия при обсуждении проекта закона №6-ФЗ. Подчеркивается мысль о том, что в этих законах не содержится определения «Стандартов внешнего государственного финансового контроля». Законом не определена степень и процедура участия контрольно-счетных органов субъектов Федерации в разработке Счетной палатой Российской Федерации стандартов внешнего государственного финансового контроля и не предусмотрен порядок их утверждения. Автор полагает, что в отношении указанных проблем необходима дополнительная регламентация. Научно-теоретическому обеспечению регламентации внешнего государственного и муниципального финансового контроля посвящает автор данную статью.

Ключевые слова: внешний государственный финансовый контроль; внешний муниципальный финансовый контроль; федерация; субъект Федерации; муниципальные образования; стандарты контроля; контрольные мероприятия; экспертизно-аналитические мероприятия; контрольно-счетные органы.

KONDRAAT E.N.

EXTERNAL STATE AND MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL: PROBLEMS OF STANDARDS

The summary. The article considers the problems of elaboration, adoption and use of standards of external state and municipal financial control. A thorough analysis involves the contents of federal laws No.4-ФЗ “On the Accounting Chamber of the Russian Federation” and No.6-ФЗ “On general principles of arranging the activities of control and accounting bodies of the Russian Federation constituent and municipal entities”, the debate during the discussion of the draft of the law No.6-ФЗ. The emphasis is made on the idea that these laws do not contain the definition of “Standards of external state financial control”. The law does not determine the extent and procedure for the participation of control and accounting bodies of constituent entities of the Federa-

tion in the development of standards of external state financial control by the Accounting Chamber of the Russian Federation and does not provide the approval procedure for them. The author believes that there should be additional regulatory actions in respect of the problems mentioned above. The author dedicates this article to scientific-and-theoretical support for the external state and municipal financial control.

Key words: *external state financial control; external municipal financial control; federation; constituent entity of the federation; municipal entity; control standards; measures of control; expert and analytical measures; control and accounting bodies.*

Контрольно-счетные органы при осуществлении внешнего государственного и муниципального финансового контроля руководствуются Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, а также стандартами внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

Стандарты внешнего государственного и муниципального финансового контроля для проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий утверждаются контрольно-счетными органами:

- 1) в отношении органов государственной власти и государственных органов, органов территориальных государственных внебюджетных фондов, органов местного самоуправления и муниципальных органов, государственных и муниципальных учреждений и унитарных предприятий субъектов Российской Федерации или муниципальных образований – в соответствии с общими требованиями, установленными Счетной палатой Российской Федерации и (или) контрольно-счетным органом субъекта Российской Федерации;
- 2) в отношении иных организаций – в соответствии с общими требованиями, установленными федеральным законом

Законом №6-ФЗ устанавливается, что стандарты контроля разрабатываются Счетной палатой Российской Федерации при участии контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации. Однако, ни в Федеральном законе «О Счетной палате Российской Федерации» [2], ни в комментируемом законе не содержится определения «стандартов внешнего государственного финансового контроля». Кроме того, законом не определены степень и процедура

участия контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в разработке Счетной палатой Российской Федерации стандартов внешнего государственного финансового контроля, а также не предусмотрен порядок их утверждения. Полагаем, что в отношении указанных проблем необходима дополнительная регламентация.

Проект комментируемого закона предполагал, что утверждение этих стандартов должно осуществляться Коллегией Счетной палаты РФ, однако согласно нормам Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» коллегия Счетной палаты Российской Федерации такими полномочиями не обладает. При этом согласно правилам подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 [4], государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, к которым не относится Коллегия Счетной палаты Российской Федерации.

Кроме того, в силу нормы части 3 статьи 15 Конституции РФ [1] любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

При принятии комментируемого закона это предложение было снято, в результате процедура утверждения стандартов Счетной палатой РФ осталась неурегулированной.

В ходе обсуждения закона № 6-ФЗ [3] предлагалось также контрольно-счетным органам субъектов Российской Федерации и контрольно-счетным органам муниципальных образований в целях обеспечения своей деятельности предоставить возможность разрабатывать в

пределах своей компетенции и в соответствии с установленными стандартами внешнего государственного и муниципального финансового контроля иные стандарты, регламентирующие осуществление внешнего государственного и муниципального финансового контроля. Однако это предложение не было принято, на том основании, что контрольно-счетный орган муниципального образования не может разрабатывать стандарты проведения внешнего государственного финансового контроля.

Решением Президиума Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации от 26 мая 2011 г., протокол № 37 в помощь КСО субъектов РФ одобрен стандарт финансового контроля СФК 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» [5].

Стандарт финансового контроля Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации СФК 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» предназначен для контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в целях обеспечения качества, эффективности и объективности их контрольной деятельности.

Стандарт разработан на основе стандарта финансового контроля СФК 101 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» Счетной палаты Российской Федерации с учетом международных стандартов в области государственного контроля, аудита и финансовой отчетности.

Целью Стандарта является установление общих правил и требований при осуществлении КСО контрольных мероприятий.

Задачами Стандарта являются:

- определение содержания и порядка организации контрольного мероприятия;
- определение общих правил и требований при проведении этапов контрольного мероприятия.

В Стандарте указывается, что контрольное мероприятие является организационной формой внешнего государственного финансового контроля, осуществляемого КСО.

Предметом контрольного мероприятия являются:

- формирование и использование средств бюджета субъекта Российской Федерации;
- формирование и использование имущества, находящегося в государственной собственности субъекта Российской

Федерации, в том числе интеллектуальной собственности субъекта Российской Федерации;

- формирование и использование средств бюджета территориального государственного внебюджетного фонда субъекта Российской Федерации;
- использование средств бюджета субъекта Российской Федерации, поступивших в бюджеты муниципальных образований, находящихся на территории субъекта Российской Федерации.
- управление государственным долгом субъекта Российской Федерации.

Предмет контрольного мероприятия отражается в его наименовании.

Объектами контрольного мероприятия являются:

- органы государственной власти субъекта Российской Федерации;
- органы местного самоуправления;
- органы управления территориальным государственным внебюджетным фондом субъекта Российской Федерации;
- организации различных организационно-правовых форм, на которые в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъекта Российской Федерации распространяются контрольные полномочия КСО [5].

Контрольное мероприятие проводится на основании плана работы КСО на текущий год, где указываются сроки его исполнения и ответственные должностные лица. Решение о включении контрольного мероприятия в план принимается в порядке, установленном в КСО.

Организация контрольного мероприятия включает следующие этапы: подготовительный этап контрольного мероприятия; основной этап контрольного мероприятия; заключительный этап контрольного мероприятия.

Срок исполнения контрольного мероприятия в плане работы КСО должен устанавливаться с учетом проведения всех указанных этапов.

Дата начала контрольного мероприятия определяется распорядительным актом руководителя КСО в соответствии со сроком, указанным в плане работы КСО.

Сроком окончания контрольного мероприятия является дата решения о утверждении отчета о его результатах, принимаемом в порядке,

установленном в КСО.

Срок исполнения контрольных мероприятий, целью которых является определение законности использования государственных средств (финансовый аудит), как правило, не должен превышать 4 месяцев.

Срок исполнения контрольных мероприятий, целью которых является оценка эффективности использования государственных средств (аудит эффективности), как правило, не должен превышать 10 месяцев.

На подготовительном этапе контрольного мероприятия осуществляется предварительное изучение его предмета и объектов, по итогам которого определяются цели, задачи, методы проведения контрольного мероприятия, критерии оценки эффективности при проведении аудита эффективности, а также рассматриваются иные вопросы, непосредственно связанные с подготовкой к проведению контрольных действий на объектах контрольного мероприятия.

Результатом проведения данного этапа является подготовка и утверждение программы и рабочего плана проведения контрольного мероприятия.

Основной этап контрольного мероприятия заключается в проведении проверки и анализа фактических данных и информации, полученных по запросам КСО и (или) непосредственно на объектах контрольного мероприятия, необходимых для формирования доказательств в соответствии с целями контрольного мероприятия и обоснования выявленных фактов нарушений и недостатков. Результатом проведения данного этапа контрольного мероприятия являются акты и рабочая документация.

На этапе оформления результатов контрольного мероприятия осуществляется подготовка отчета о результатах проведенного контрольного мероприятия, который должен содержать выводы и предложения (рекомендации), подготовленные на основе анализа и обобщения материалов соответствующих актов по результатам контрольного мероприятия на объектах и рабочей документации. Подготавливается информация об основных итогах контрольного мероприятия, а также при необходимости предписания, представления, информационные письма и обращения КСО в правоохранительные органы.

Оформление результатов контрольного мероприятия осуществляется в сроки, установленные в программе контрольного

мероприятия.

Контрольное мероприятие начинается с издания распорядительного акта руководителя КСО, определяющего сроки проведения подготовительного этапа контрольного мероприятия, представления на утверждение программы контрольного мероприятия, представления отчета по результатам контрольного мероприятия на рассмотрение и утверждение в установленном в КСО порядке, а также ответственных исполнителей.

Образец оформления распорядительного акта руководителя КСО о проведении контрольного мероприятия приведен в приложении № 1.

Организацию контрольного мероприятия осуществляет должностное лицо КСО, ответственное за его проведение.

Непосредственное руководство контрольным мероприятием и координацию деятельности его участников на объектах осуществляют руководитель контрольного мероприятия.

Численность участников контрольного мероприятия на объекте должна быть не менее двух человек. Формирование группы участников не должно допускать конфликт интересов, исключать ситуации, когда их личная заинтересованность может повлиять на выполнение должностных обязанностей при проведении контрольного мероприятия.

В контрольном мероприятии не имеют права принимать участие сотрудники КСО, состоящие в близком родстве или свойстве с руководством объекта контрольного мероприятия. Они обязаны заявить о наличии таких связей. Запрещается привлекать к участию в контрольном мероприятии сотрудника КСО, если он в проверяемом периоде был штатным сотрудником объекта контрольного мероприятия.

В случае если на объекте контрольного мероприятия планируется проверка сведений, составляющих государственную тайну, в данном контрольном мероприятии должны принимать участие инспекторы (аудиторы), имеющие оформленный в установленном порядке допуск к государственной тайне.

Участники контрольного мероприятия обязаны соблюдать конфиденциальность в отношении полученной от объекта контрольного мероприятия информации до принятия решения об утверждении отчета о результатах контрольного мероприятия и снятия с отчета ограничительных пометок, если не принято иное решение, а также в отношении

ставших известными сведениями, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну.

К проведению контрольного мероприятия могут привлекаться в порядке, установленном в КСО, специалисты иных организаций и независимые эксперты на возмездной или безвозмездной основе, включая аудиторские организации, в пределах запланированных бюджетных ассигнований на обеспечение деятельности контрольно-счетного органа, а также специалисты и эксперты государственных органов и учреждений по согласованию на безвозмездной основе.

В ходе проведения контрольного мероприятия формируется рабочая документация, в состав которой включаются документы и материалы, послужившие основанием для результатов каждого этапа контрольного мероприятия. К рабочей документации относятся документы (их копии) и иные материалы, получаемые от должностных лиц объекта контрольного мероприятия и третьих лиц, а также документы (справки, расчеты, аналитические записки и т. п.), подготовленные участниками контрольного мероприятия самостоятельно на основе собранных фактических данных и информации [5].

В настоящее время в ряде субъектов РФ разработаны и действуют свои стандарты регламентирующие осуществление внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

В Москве, например, Контрольно-счетной палатой Москвы разработан, принят и действует целый пакет таких стандартов.

Особое значение среди них имеет Стандарт 1.1. «Методологическое обеспечение деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы», утвержденный Приказом Председателя Контрольно-счетной палаты Москвы от 24.01.2011 № 4/01-05 [5].

Этот стандарт разработан в соответствии с Законом города Москвы от 30 июня 2010 г. № 30 «О Контрольно-счетной палате Москвы» [6] и Регламентом Контрольно-счетной палаты Москвы.

Он предназначен для организации методологического обеспечения деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы, для полного, своевременного и качественного выполнения ее задач и функций.

Стандарт 1.1 устанавливает:

- требования к содержанию стандартов деятельности КСП Москвы и методических рекомендаций по проведению контрольных мероприятий КСП Москвы (далее соответственно – стандарты и методические рекомендации КСП Москвы);
- порядок разработки проектов стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы;
- порядок рассмотрения проектов и утверждения стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы;
- порядок введения в действие стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы;
- порядок актуализации стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы;
- порядок использования в КСП Москвы стандартов и методических документов иных органов и организаций.

Методологическое обеспечение деятельности КСП Москвы заключается в создании, ведении и обеспечении применения единой системы взаимоувязанных стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы, совместных методических документов КСП Москвы и иных государственных органов, а также стандартов и методических документов иных органов и организаций, принятых к использованию в КСП Москвы в целях обеспечения качества, эффективности и объективности контрольной деятельности КСП Москвы, а также решения иных возложенных на КСП Москвы задач.

Стандарты КСП Москвы устанавливают обязательные требования, руководящие принципы осуществления различных контрольных и иных полномочий, видов контрольных мероприятий, форм контроля КСП Москвы.

Система стандартов КСП Москвы состоит из стандартов организации деятельности КСП Москвы, стандартов общих вопросов контрольной деятельности КСП Москвы и стандартов специальных вопросов контрольной деятельности КСП Москвы.

Стандарты организации деятельности КСП Москвы устанавливают принципы, правила и требования к организации работы КСП Москвы (в том числе планированию), отчетности о ее работе, работы с документами в КСП Москвы и т. п.

Стандарты общих вопросов контрольной деятельности КСП Москвы устанавливают общие принципы, правила и требования к организации и проведению контрольных мероприятий, в том

числе финансового аудита, аудита эффективности и иных форм контроля КСП Москвы, а также отслеживанию их результатов.

Стандарты специальных вопросов контрольной деятельности КСП Москвы устанавливают правила и требования к организации и проведению контрольных мероприятий при реализации отдельных полномочий КСП Москвы, а также отслеживанию их результатов.

Стандарты КСП Москвы являются обязательными к исполнению всеми членами Коллегии КСП Москвы и сотрудниками аппарата КСП Москвы. Положения стандартов КСП Москвы не могут противоречить нормативным правовым актам Российской Федерации и города Москвы, а также Регламенту КСП Москвы.

Методические рекомендации КСП Москвы содержат описание способов реализации положений стандартов и иных локальных нормативных правовых актов КСП Москвы при проведении контрольных мероприятий КСП Москвы или отдельных процедур осуществления контрольных полномочий КСП Москвы при проведении контрольных мероприятий КСП Москвы. Система методических рекомендаций КСП Москвы состоит из общих и специализированных методических рекомендаций по проведению контрольных мероприятий КСП Москвы.

Положения методических рекомендаций КСП Москвы не носят обязательного характера, если иное не установлено Председателем КСП Москвы или руководителем контрольного мероприятия применительно к конкретному контрольному мероприятию КСП Москвы.

Общие методические рекомендации КСП Москвы разрабатываются для применения членами Коллегии КСП Москвы и структурными подразделениями КСП Москвы, проводящими или принимающими участие в проведении контрольных мероприятий КСП Москвы и определяют общие вопросы осуществления контрольных полномочий КСП Москвы при проведении контрольных мероприятий КСП Москвы.

Специализированные методические рекомендации КСП Москвы разрабатываются с учетом специфики предметов ведения и объектов контроля, закрепленных за отдельными членами Коллегии КСП Москвы и структурными подразделениями КСП Москвы.

Представляют практический интерес

требования к содержанию стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы.

В Стандарте 1.1. записано, что стандарты и методические рекомендации КСП Москвы должны отвечать следующим основным требованиям:

- законности – не должен содержать положений, противоречащих федеральному законодательству и законодательству города Москвы;
- целесообразности – соответствовать поставленным целям его разработки;
- четкости и ясности – обеспечивать однозначность понимания изложенных в нем положений;
- логической стройности – обеспечивать последовательность и целостность изложения положений, отсутствие внутренних противоречий;
- полноты – максимально полно охватывать регламентируемый предмет;
- преемственности и непротиворечивости – обеспечивать взаимосвязь и согласованность с ранее принятыми документами;
- единства терминологической базы – одинаково использовать применяемые термины.

Согласно Стандарту 1.1. стандарт КСП Москвы и методические рекомендации КСП Москвы должны иметь следующую структуру:

- титульный лист;
- оглавление (перечень разделов с указанием номеров страниц) (при необходимости);
- общие положения (раздел, в котором описываются сфера применения, цели документа, его взаимосвязь с другими документами);
- тематические разделы (разделы, в которых описываются сущность рассматриваемых процессов, определение основных понятий, принципов и методов, технических приемов решения рассматриваемых вопросов);
- перечень законов и иных нормативных правовых актов, которыми необходимо руководствоваться при выполнении процедур (при необходимости);
- приложения – примеры, таблицы, графические материалы, формы и т. п. (при необходимости).

Стандарты и методические рекомендации КСП Москвы должны иметь следующие реквизиты:

- вид документа (стандарт КСП Москвы, методические рекомендации КСП Москвы);
- номер (состоящий из кода группы документа и порядкового номера в группе);
- название (краткое и четкое определение того, что регламентирует документ);
- реквизиты утверждающего документа;
- дата начала действия документа.

Разработка проектов стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы осуществляется в соответствии с Перспективным планом методологического обеспечения деятельности КСП Москвы, утвержденным приказом Председателя КСП Москвы.

Разработчик осуществляет сбор необходимой информации, ее изучение и обобщение, подготовку проекта документа, а также направляет проект документа на рассмотрение в заинтересованные структурные подразделения КСП Москвы и обеспечивает доработку проекта с учетом внесенных замечаний и предложений.

При разработке стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы разработчик должен использовать международные и национальные стандарты в области государственного контроля, аудита и финансовой отчетности.

При необходимости к разработке и рассмотрению проектов стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы могут быть привлечены ученые, эксперты и специалисты.

Все проекты стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы направляются для внесения предложений и замечаний во все структурные подразделения КСП Москвы. В случае наличия предложений и замечаний по содержанию документа они оформляются в письменном виде и передаются разработчику для учета при доработке документа.

Доработанный проект стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы направляется членам Редакционно-методического совета КСП Москвы со справкой об учете предложений и замечаний, поступивших от структурных подразделений КСП Москвы. В случае наличия у членов РМС предложений и замечаний по содержанию документа они оформляются в письменном виде и передаются разработчику для учета при доработке документа. Разработчик представляет проект стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы на рассмотрение РМС со справкой об учете предложений и замечаний, поступивших от

членов РМС.

Решение РМС по документу оформляется протоколом.

Одобренные РМС проекты стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы выносятся разработчиком на рассмотрение Коллегии КСП Москвы.

Одобренный Коллегией КСП Москвы стандарт или методические рекомендации КСП Москвы направляются на утверждение Председателю КСП Москвы.

Председатель КСП Москвы утверждает одобренный стандарт или методические рекомендации КСП Москвы приказом. В приказе об утверждении стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы указывается ответственный исполнитель (подразделение КСП Москвы, осуществившее подготовку проекта документа и обеспечивающее мониторинг его актуальности и, при необходимости, последующую актуализацию).

Для обеспечения единства и бесперебойности деятельности КСП Москвы принятый стандарт или методические рекомендации КСП Москвы вступают в силу по истечении обязательного подготовительного периода с даты его утверждения. Обязательный подготовительный период, а также порядок и сроки апробации документа (при необходимости) устанавливаются в приказе об утверждении документа. Дата начала действия стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы указывается на титульном листе документа.

Срок действия документа не ограничивается, за исключением случаев, когда это обусловлено временным характером действия документа, указанным в его наименовании или в тексте.

Копии всех утвержденных стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы на бумажных и электронных носителях передаются для включения в Каталог нормативных и методических документов КСП Москвы в структурное подразделение КСП Москвы, в функции которого входит методологическое обеспечение деятельности КСП Москвы, а оригиналы – на хранение в архив КСП Москвы.

В Каталоге нормативных и методических документов КСП Москвы указываются ответственные исполнители стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы в соответствии с приказами об утверждении соответствующих документов, а в последующем

– в соответствии с изменением распределения предметов контроля, задач и функций в КСП Москвы.

Актуализация стандартов и методических рекомендаций КСП Москвы осуществляется в целях поддержания соответствия методологического обеспечения деятельности КСП Москвы потребностям внешнего государственного финансового контроля, приведения их в соответствие с действующим федеральным законодательством и законодательством города Москвы, а также повышения системности и качества выполнения КСП Москвы своих задач и полномочий.

При необходимости одновременно с актуализацией стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы вносятся изменения во взаимосвязанные с ними документы или принимается решение о признании этих документов утратившими силу.

Стандарт или методические рекомендации КСП Москвы подлежат признанию утратившим силу в случае, если объем вносимых в документ изменений превышает 50 процентов текста, а также в случае необходимости существенного изменения его структуры. В этом случае замен действующего разрабатывается новый документ, в котором указывается, замен какого документа

он разработан. Актуализация стандарта или методических рекомендаций КСП Москвы, а также признание их утратившими силу оформляется приказом Председателя КСП Москвы.

В КСП Москвы используются совместные методические документы КСП Москвы и иных государственных органов, стандарты, обязательные к применению КСП Москвы в соответствии с законодательством Российской Федерации. Также в КСП Москвы могут быть приняты к использованию на постоянной или временной основе стандарты и методические документы иных органов и организаций.

При использовании совместных методических документов КСП Москвы и иных государственных органов, принятых к использованию в КСП Москвы стандартов и методических документов иных органов и организаций обеспечивается согласованность и непротиворечивость всех применяемых в КСП Москвы стандартов и методических документов.

Использование стандартов и методических документов иных органов и организаций в деятельности КСП Москвы и определение обязательности их положений (при необходимости) оформляется приказом Председателя КСП Москвы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). – М., 2012.
2. Федеральный закон от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 167.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 903.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.
5. Стандарт финансового контроля СФК 130 Президиума Ассоциации контрольно-счетных органов от Российской Федерации от 26 мая 2011 г. «Общие правила проведения контрольного мероприятия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart4>
6. Закон города Москвы от 30 июня 2010 г. № 30 «О Контрольно-счетной палате Москвы» (не вступил в силу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/295175/>
7. Стандарт 1.1. «Методологическое обеспечение деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы», утв. Приказом Председателя Контрольно-счетной палаты Москвы от 24 января 2011 г. № 4/01-05 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksp.mos.ru/ru/docs/standards/>

ИЛЬИН Никита Игоревич,
соискатель кафедры экономики и менеджмента
Института телевидения бизнеса и дизайна
E-mail: nikich555@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством: экономика
предпринимательства

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ КРУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможные направления по оптимизации финансовых потоков в рамках финансовой системы корпораций.

Ключевые слова: управление потоками; финансовый поток; корпорация; финансовая система.

ILYIN N.I.

DIRECTIONS OF PERFECTION OF THE CONTROL SYSTEM OF THE FINANCE OF THE LARGE ORGANIZATION

The summary. In article it is considered possible directions on optimization of financial streams within the limits of a financial system of corporations.

Key words: management of streams; a financial stream; corporation; logistical financial system.

В отсутствии стабильности, характерной для современных условий, мировой тенденцией, способствующей выживанию, стало укрупнение социально-экономических систем с целью достижения большей устойчивости и обеспечения эффективного финансового результата для корпорации в целом. Итоговый финансовый результат деятельности корпорации складывается из финансовых потоков отдельных структурных подразделений, входящих в состав корпорации.

Каждый из таких финансовых потоков, в свою очередь, зависит, во-первых, от самостоятельной финансовой деятельности подразделения и, во-вторых, от размера внутрикорпоративного финансирования, назначенного данному подразделению. Именно поэтому задача эффективного управления финансовыми потоками, обеспечивающими положительный финансовый результат, является одной из важнейших задач для социально-экономической системы корпоративного типа [6].

Это подтверждается еще и тем, что в последнее

время ряд крупных организаций (корпораций) как в отечественной, так и в мировой практике столкнулся с проблемой повышения эффективности управления своими финансовыми потоками. Особенно актуально это стало после кризисных явлений 2008 – 2009 гг., когда перед вроде бы финансово устойчивыми организациями, обладающими большим финансовым потенциалом и финансовыми ресурсами, встала проблема оптимизации финансовых потоков, поскольку это существенно на тот момент позволяло сократить из затраты и получить некую экономию.

Следует понимать, что для крупной организации (корпорации, холдинга и т. п.) характерны следующие особенности управления финансовой системы.

Во-первых, корпорация представляет собой форму централизованного распределения капитала и прибыли чаще всего на цели развития при одновременной организационной самостоятельности основных структурных единиц [5].

Во-вторых, основной целью функционирования

корпорации является выгодный в финансовом отношении процесс размещения оборотных средств [4].

В-третьих, ряд особенностей связан со спецификой осуществления финансовых потоков внутри корпорации (холдинга), между головной и дочерними организациями, их внутрикорпоративными отношениями. Среди них следует отметить:

- взаимоотношения по производству, реализации и обмену продукцией, сопровождающиеся финансовыми расчетами;
- финансовые отношения между головной и дочерними организациями, заключающиеся во взаимодействии в инвестиционной сфере, оптимизации налоговой базы и т. д.;
- финансирование вопросов по разработке и осуществлению обеих стратегии (политики) по всем направлениям.

Данные факторы обуславливают специфику поиска решений для оптимизации функционирования финансовой системы крупной организации, основной особенностью которых должно стать применение не точечных, малозначимых изменений, а поиск принципиальных подходов, способных существенно изменить эффективность рассматриваемой системы.

Таким образом, в качестве направлений повышения эффективности функционирования финансовой системы корпорации можно использовать следующие.

Первое направление. Изменение подхода к управлению финансовыми потоками.

Изменение подхода подразумевает под собой смену стиля (принципов) управления финансовыми потоками, которые в настоящий момент времени присутствуют в большинстве корпораций. В качестве нового стиля (концепции) можно использовать так называемое опережающее управление финансовыми потоками.

Опережающее управление характеризуется возможностью заранее предвидеть, прогнозировать наступление некоторого события. Ранняя осведомленность предоставляет возможность осуществления превентивных мероприятий, призванных избежать негативного воздействия грядущего события. Данный тип управления наиболее эффективен для корпораций, а зачастую является единственным возможным типом управления социально-экономическими

системами корпоративного типа [6].

Управление финансовыми потоками предприятия корпоративной структуры есть согласованная система мероприятий, направленная на достижение общекорпоративных стратегических целей холдинга за счет повышения эффективности функционирования субъектов, входящих в корпорацию.

В рамках опережающего управления финансовая деятельность корпорации рассматривается как не поддающаяся традиционными методам прогнозирования, и ее анализ и управление должно строиться на применении так называемого фрактального подхода.

Фракталы как модели применяются в том случае, когда реальный объект нельзя представить в виде классических моделей, т. е. в этом случае присутствуют нелинейные связи и недетерминированная природа данных. Нелинейность в мировоззренческом смысле означает многовариантность путей развития, наличие выбора из альтернатив путей и определенного темпа эволюции, а также необратимость эволюционных процессов. Нелинейность в математическом смысле означает определенный вид математических уравнений (нелинейные дифференциальные уравнения), содержащих искомые величины в степенях больше единицы или коэффициенты, зависящие от свойств среды. Это означает, что когда применяются классические модели (например, трендовые, регрессионные и т. д.), будущее объекта является однозначно детерминированным и существует возможность предсказать его, зная прошлое объекта (исходные данные для моделирования). Фракталы применяются в том случае, когда объект имеет несколько вариантов развития и состояние системы определяется положением, в котором она находится в данный момент, т. е. имеет место моделирование хаотичного развития.

Фрактальный анализ позволяет выявить зависимости в задаче управления внутрикорпоративным финансированием в функционировании и управлении социально-экономической системой корпоративного типа, сформировать механизмы управления процессами самоорганизации с целью гармонизации структуры бюджета корпорации и повышения эффективности системы опережающего управления.

Второе направление. Применение

логистических моделей по управлению запасами для оптимизации запасов денежных средств.

В процессе управления запасами денежных средств корпорация определяет оптимальное соотношение величины наличности и краткосрочных финансовых вложений. Поддержание оптимального уровня наличных денежных средств предполагает управление потоками финансовых ресурсов. При этом пополнение запаса наличных денег производится за счет средств, получаемых от продажи ценных бумаг или привлекаемых по договору банковского кредита.

Привлечение заемных средств позволяет корпорации покрывать текущие издержки, поддерживая минимальный остаток наличных денежных средств в течение некоторого периода. Слишком высокий уровень наличных денежных средств свидетельствует об их неэффективном использовании, тогда как недостаток финансовых ресурсов приводит к невыполнению корпорацией своих обязательств. Целесообразно определять оптимальный уровень наличности, применяя методы и модели управления запасами материальных ресурсов.

В рамках данной статьи не представляется целесообразным подробное рассмотрение используемых для оптимизации денежных резервов экономико-математических моделей, однако их краткую характеристику можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

Несмотря на некую сложность их применения, данные модели обладают рядом преимуществ, а также некой схожестью, что дает возможность их применения при оптимизации функционирования логистической финансовой системы. Однако их применение должно ориентироваться на ряд следующих допущений.

1. Корпорация использует следующие виды активов: банковские депозиты, ценные бумаги и денежные средства.
2. В большинстве моделей предполагается существование определенных затрат корпорации на проведение операций с ценными бумагами. При этом данная величина является постоянной.
3. Отсутствует задержка по времени при переводе одного актива в другой.

Тем не менее данные модели при адекватном их использовании позволяют оптимизировать запасы денежных средств, что является одним из

важных факторов оптимизации финансовых потоков.

Третье направление. Создание кредитных центров.

Одним из способов повышения эффективности логистической финансовой системы является формирование в системе так называемых кредитных центров.

Кредитный центр представляет собой систему «центров финансовой ответственности» и по факту объединяет финансовые и логистические службы организаций, входящих в холдинг. Он выполняет следующие функции [4]:

- унификация безналичных расчетов, позволяющих выразить в денежной форме и урегулировать все виды встречных обязательств и требований предприятий холдинга, участвующих в расчетах через уполномоченные банки, а также перераспределить финансовые потоки между структурными подразделениями посредством использования механизма внутрикорпоративного кредитования.
- оптимизация и согласование финансовых потоков, осуществляемых между организациями холдинга, перераспределение финансовых ресурсов между ними.

Кредитный центр осуществляет деятельность по определению взаимных обязательств дочерних фирм холдинга, участвующих в клиринговых расчетах, ведет счета участников клиринга и проводит расчеты по результатам клиринга. Центр способствует:

- ускорению и оптимизации расчетов, увеличению оборачиваемости собственных средств предприятий, участвующих в проведении клиринговых схем расчетов;
- сокращению темпов роста дебиторской и кредиторской задолженностей, рационализации использования временно свободных ресурсов банков, способствующих проведению клиринговых расчетов, в том числе на кредитование оборотных средств предприятий холдинга.

Таким образом, использование рассмотренных выше направлений позволяет повысить эффективность функционирования логистической системы управления финансовыми потоками крупных компаний. Тем не менее их использование должно учитывать ряд следующих факторов.

Во-первых, при анализе финансовых потоков

Таблица 1.

Краткая характеристика экономико-математических моделей оптимизации денежных средств

<i>Название модели</i>	<i>Сущность / Краткая характеристика</i>
Баумоля – Тобина	Основная идея модели Баумоля-Тобина заключается в том, что существуют альтернативные издержки хранения денег – процентный доход, который может быть получен по другим активам. Однако хранение запасов денежных средств в наличной форме позволяет снижать трансакционные издержки. При увеличении ставки процента корпорация будет стремиться снижать объем наличности по причине роста альтернативных издержек хранения денег. На основании проведенных расчетов Баумоль и Тобин предложили формулу расчета спроса на деньги, который представляет собой среднюю величину остатка наличных денег [2]
Кредитной линии	Процентная ставка по кредиту, как правило, превышает доходность краткосрочных инвестиций. Значит, расходы на обслуживание кредита превосходят альтернативную стоимость денежных средств, получаемых путем продажи ценных бумаг. Однако корпорация, используя кредитную линию, не несет издержек, связанных с заключением сделок по продаже ценных бумаг. Привлечение заемных средств сокращает количество таких сделок, совершаемых с целью пополнения запаса наличности, тем самым снижая расходы, связанные с продажей ценных бумаг, и альтернативные издержки. Модель кредитной линии позволяет рассчитать оптимальную величину наличных денежных средств, получаемых за счет продажи ценных бумаг и привлекаемых по кредитной линии, в течение некоторого промежутка времени [1].
Крижевской	Е. Ю. Крижевской предложена преобразованная модель Миллера-Оппа для планирования остатка денежных средств в условиях переходной экономики. В условиях высокой инфляции и отсутствия государственных гарантий на вложения в инвестиционные фонды Е. Ю. Крижевской рекомендуется инвестировать свободные денежные средства на валютный рынок. Альтернативные затраты хранения денежных средств представляют собой потери корпорации от обесценивания наличности, поэтому в рассматриваемой модели вместо доходности краткосрочных финансовых вложений использован темп инфляции [3].

холдинга в первую очередь необходимо провести различие между холдингом как совокупностью предприятий и холдингом как совокупностью бизнесов (секторов). При этом предприятия необходимо идентифицировать с помощью их расчетных и валютных счетов, а бизнесы – указанием на их основное направление.

Во-вторых, необходимо исключить влияние внутрикорпоративных механизмов перераспределения доходов. В данном случае следует говорить о ведении двойного учета финансовых потоков. С одной стороны, анализ финансово-хозяйственной деятельности на основе фактических данных, а с другой – анализ

возможных вариантов функционирования, не учитывающих внутрикорпоративные схемы перелива капитала.

В-третьих, необходимо разделение внешнего и внутрикорпоративного оборотов финансовых ресурсов. Во внутрикорпоративном обороте сформировать блок «перераспределение» и вести управленческий учет методом двойной записи по двум разделам: «денежные средства в пути» и «перераспределение по счетам». Двойная запись здесь необходима, поскольку финансовые средства не покидают холдинг, а только перераспределяются между его структурными подразделениями.

Список литературы

1. Барыкин С.Е. Логистическая система управления финансами корпораций. – СПб.: Политехника, 2007.
2. Баумоль У. Экономическая теория и исследование операций. – М.: Прогресс, 1965.
3. Крижевская Е.Ю. Совершенствование методов управления оборотными средствами предприятия в условиях переходной экономики. – М., 2000.
4. Нехотин Д.В. Особенности организации финансовых потоков в вертикально-интегрированных компаниях. – Волгоград, 2006
5. Халиков М.А., Цуглевич В.Н. Специфика холдинговых объединений в условиях реформируемой экономики России // Экономика и технология. Вып. 11. – М.: Рос. экон. академия, 2000.
6. Шуршев В.Ф., Ганюкова Н.П. Опережающее развитие социально-экономическими системами корпоративного типа // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление в социальных и экономических системах. – 2010. – №1.

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ГОЛЬЦОВ Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: golz2005@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

О ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются правоотношения возникающие в деятельности подразделений Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации, изучается неоднородная природа всех общественных отношений в которых участвуют подразделения РСЧС, рассматриваются две группы отношений: публичноправовые и частноправовые.

Ключевые слова: правоотношение; подразделения единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации; публичноправовые и частноправовые отношения.

GOL'TSOV V.B.

ON THE NATURE OF SOCIAL RELATIONS IN UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNIFIED STATE SYSTEM OF PREVENTION AND LIQUIDATION OF EMERGENCY SITUATIONS

The summary. The article provides an analysis of legal relations arising in the activities of units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations, the consideration is given to the heterogeneous nature of all social relations in which units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations take part, two groups of relations are under study: relations in public law and in private law.

Key words: legal relations; units of the Russian Federation Unified state system of prevention and liquidation of emergency situations; relations in public law and in private law.

Общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления подразделениями Единой государственной системы предупреждения

и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации своей деятельности, имеют разнообразную и неоднородную природу. В

реальной действительности эти общественные отношения часто переплетаются, взаимно накладываются, образуя сложный и многогранный характер. В своей повседневной деятельности подразделения РСЧС выступают как участники организационных (управленческих) отношений*, имущественных (снабжение, материально-техническое, обеспечение, страхование, финансирование и т. д.), научно-методических (методическое руководство, научная организация труда, внедрение инновационных технологий, передового опыта и т.д.), служебно-трудовых (прием на работу и службу, подготовка и переквалификация кадров, расстановка и сокращение штатов, финансирование и оплата труда и т. д.) и многих других отношений.

Исходя из сложной и неоднородной природы, все общественные отношения, в которых участвуют подразделения РСЧС, в правоприменительном плане можно разделить на две большие группы: публичноправовые и частноправовые.

Публичноправовые отношения складываются под воздействием интересов государства и общества в целом; комплексная цель регулирования таких общественных отношений разработанными в обществе системными путями и средствами юридической централизации – снизить риск возникновения чрезвычайных ситуаций, их надлежащее прогнозирование, предупреждение и профилактика, а в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, быстрая их ликвидация с минимальными потерями для общества. Данная цель, опирается на критерии разграничения частного и публичного права, высказываемыми учеными – правоведами, опирающаяся на описания Ульпиана в древне римской империи: «Публичное право – это то, которое имеет ввиду пользу (благо, интересы) государства как целого, а частное право – то, которое имеет ввиду интересы, пользу отдельных лиц, индивида как такового» [17, стр. 46-79; 28, стр. 37; 35 и др.].

Такие отношения складываются в основном по иерархической линии и проявляются в соподчиненности между подразделениями и службами Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях. Например, МЧС России подотчетны различные службы (аварийно-спасательная, пожарная охрана, гражданская оборона), центрам управления в

кризисных ситуациях подотчетны информационные центры, дежурно-диспетчерские службы федеральных органов исполнительной власти и т. п. К публичноправовым будут относиться также и отношения, например, по соподчиненности и управлению между подразделениями Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях и органами государственной власти и управления, находящимися на территории Российской Федерации и многие другие. Так, согласно гл. 3. Закона РФ от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяется государственное управление в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, сформированы обязанности федеральных органов исполнительной власти в этой сфере [1].

Данные отношения находятся в основном под воздействием норм публичного права в широком его понимании, где регулируются вопросы административного, уголовного, государственного и т.п. плана, связанные с деятельностью Единой государственной системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях Российской Федерации (далее по тексту – РСЧС).

Частноправовые отношения, в отличие от публичноправовых, наоборот, складываются под воздействием внутренней воли и собственных интересов субъектов, относящихся к деятельности РСЧС. Но интересы таких субъектов не могут быть абсолютно свободными, а должны быть связаны с чрезвычайными ситуациями, их предупреждением и ликвидацией.

Возникающие в данном случае отношения складываются по горизонтали по обоюдной, свободной воле сторон, вступающих во внутренние связи между собой и внешние отношения с другими субъектами права. Например, это отношения между подразделениями МЧС России, органами государственной и исполнительной власти, общественными объединениями, принимающими участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций**; отношения в области международного сотрудничества между подразделениями РСЧС и иными зарубежными партнерами по вопросам взаимодействия, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций***; отношения между подразделениями РСЧС и различными юридическими лицами и

гражданами по поводу заключения различного рода договоров об использовании финансовых ресурсов, техники, средств связи, заключение трудовых договоров, создание и формирование различных структур (юридических лиц), связанных с деятельностью РСЧС и многих других. Такие отношения находятся под воздействием гражданского, международного частного трудового права, где ведущую роль в регулировании данных отношений играет гражданское право в соответствии с его предметом, методом и принципами правового регулирования.

Здесь необходимо отметить, что в деятельности подразделений РСЧС частноправовым отношениям уделяется порой меньше внимания по сравнению с публично правовыми, что не совсем оправдано****. В условиях рыночной экономики частноправовые отношения приобретают свою значимость и весомость, а регулирование таких отношений должно осуществляться в надлежащем порядке с помощью норм законодательства и детального выяснения юридической природы возникших отношений [19, стр. 18].

Недооценка частноправовых отношений ведет к снижению внутренней активности субъектов, связанных с деятельностью РСЧС, подавлению их внутренней воли, что выражается в нереализации многих идей, работ и услуг, которые могут быть полезны для подразделений РСЧС. В конце концов, это ведет к ущемлению публичных интересов общества связанных с недопущением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций. Соответствующее высказывание может быть оправдано и использованием в публичных отношениях - прокьюремента*****, используемого в практике различных государственных организаций, который указывает на недопущение пренебрежения частноправовыми отношениями.

Пренебрежение частноправовыми отношениями в рассматриваемой сфере приводит к тому, что эти отношения оказываются неурегулированными в законодательстве, либо предпринимаются попытки урегулировать их с помощью публично правовых норм. Все это отрицательно сказывается как на субъектах вступающих в такие правоотношения, так и на работе, выполняемой подразделениями РСЧС, тех задачах, которые они должны решать. Косвенное подтверждение этому, находит свое отражение в высказываниях некоторых авторов [37, стр. 11-12].

Так, создание необоснованных форм участия работников организаций в деятельности РСЧС, таких как «нештатные аварийно-спасательные формирования» [2, Ст. 7] с неопределенным правовым статусом таких субъектов, ведет к неэффективности функционирования таких формирований в деятельности РСЧС, а в большинстве случаев к бесполезности создания таких объединений. Привлечение со стороны РСЧС граждан и организаций, не имеющих отношения к службе в МЧС России, для устранения последствий чрезвычайных ситуаций на добровольной безвозмездной основе, также вряд ли сможет оказаться эффективным без их личной заинтересованности. Оказание работ и услуг подразделениями РСЧС, не урегулированных в надлежащем нормативном порядке и не входящих в их основную выполняемую работу при помощи административно властных указаний вряд ли приведет к надлежаще исполненному результату, надлежащей правовой ответственности, как с исполняющей стороны, так и со стороны заказчика.

Из сказанного можно сделать вывод, что перекос в сторону регулирования отношений в деятельности РСЧС публично-правовыми методами необходимо устраниять при помощи надлежащего регулирования частноправовых отношений.

Невозможность эффективного публично-правового регулирования из единого центра всех многочисленных и многогранных отношений в сфере деятельности РСЧС может быть подтверждена тем, что в законодательном плане происходит реформирование всей структуры РСЧС, появляются негосударственные субъекты, связанные с непосредственной деятельностью РСЧС, такие как, частная пожарная охрана, различные производственные организации, ориентированные на выпуск снаряжения и оборудования для спасателей, организации и формирования, занимающиеся оказанием услуг и работ по предотвращению и устранению чрезвычайных ситуаций на различных объектах, производствах в государственных и негосударственных организациях и др. Расширена свобода деятельности аварийно-спасательных служб и их формирований по заключению различного рода договоров с организациями, предприятиями и т. д.

Все это делается для того, чтобы поднять на должный уровень частноправовые отношения,

повысить частную заинтересованность и частную инициативу лиц, участвующих в деятельности РСЧС, что, в конечном счете, должно привести к активности субъектов, связанных с деятельностью РСЧС, в реализации ими собственных идей и планов, направленных на предотвращение и устранение чрезвычайных ситуаций.

В то же время необходимо заметить, что чрезмерное расширение частноправовых отношений в деятельности РСЧС также недопустимо, как и их ущемление. Это может привести к отступлению от специфических целей и задач, связанных с предотвращением и устранением чрезвычайных ситуаций и к каким-либо иным сугубо личным интересам субъектов, что в конечном итоге будет приводить к ненадлежащей функциональности и неэффективности подразделений РСЧС и всей системы в целом.

Эти два блока отношений (частноправовые и публично-правовые) в деятельности РСЧС должны идти по путям параллельного их регулирования и развития, сочетания частных и публичных интересов, где перекос в ту или иную сторону не допустим.

Например, можно приветствовать переход от публично-правового регулирования при помощи типовой формы договора, утвержденной государственными органами, на регулирование в свободной форме тех отношений, которые возникают между подразделениями РСЧС и организациями любых форм собственности по поводу оказания услуг профилактики и тушения пожаров, устранения последствий других стихийных бедствий на различных объектах организаций. Так, ранее отношения между подразделениями пожарной охраны и обслуживающими ими организациями повсеместно оформлялись при помощи Типового договора на организацию профессиональной пожарной охраны МВД СССР на объектах народного хозяйства, утвержденным Постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 6 октября 1969 года № 2. Такого рода договоры заключались с организациями вплоть до 2000 г., на невыгодных для пожарной охраны условиях, что впоследствии приводило к различным спорам, не всегда разрешаемым даже в судебном порядке [18]. Принятие ФЗ «О пожарной безопасности», позволило многим подразделениям противопожарной службы МЧС РФ отказаться от

типовой формы и заключать свободно оформляемые договоры на пожарную охрану объектов, однако типовая форма при этом не отменена и продолжает свое существование по сей день.

Обстоятельства такого устраниния вызваны тем, что условия типового договора, утвержденные в типовой форме, которые нельзя изменить, приводили к невыгодным для сторон условиям, на которых заключался такой договор, что неизбежно вело к неблагоприятным правовым последствиям для сторон такого договора.

В другом случае, наоборот следует приветствовать внедрение в частноправовые отношения организаций, занимающихся оказанием услуг, связанных с предупреждением и устранением чрезвычайных ситуаций, публично правовых элементов, связанных например, с получением разрешения (лицензии) у подразделений МЧС России на тот или иной вид деятельности.

Все выше изложенное подтверждает актуальность развития частноправовых отношений в деятельности РСЧС и их надлежащего правового регулирования, но с определенной осторожностью, заключаемого в тщательном научном изучении таких отношений, выявлении их правовой природы и конкретной регламентации.

Исходя из специфических задач, которые стоят перед РСЧС и их подразделениями, а также различного по своей сути рода выполняемых ими работ и услуг, все общественные отношения в деятельности РСЧС можно дифференцировать также на две группы, а именно обычные и специальные. Обычные и специальные отношения следует понимать как условные категории обобщающего характера.

В первую группу входят те общественные отношения, участвуя в которых подразделения РСЧС не проявляют специфических свойств, выделяющих их из числа других организаций системы государственной службы. В частности к ним относятся, например, служебно-трудовые отношения между подразделениями МЧС России и их служащими, гражданскими работниками, заключающими контракты и трудовые договоры при приеме на службу (работу). Отношения, возникающие в управлеченческой деятельности, например, Министерство России по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий,

которое находится во главе иерархической структуры МЧС России, руководит находящимися в его ведении подразделениями спасателей, гражданской обороны, пожарной охраны точно также, как например, Министерство внутренних дел России (далее – МВД России) – своими подразделениями: полицией, внутренними войсками и другими структурами МВД России [см. напр.: 11, стр. 2-5].

Не проявляется специфических свойств и в отношениях при заключении многих достаточно распространенных гражданско-правовых договоров, направленных например, на приобретение различного оборудования и автомобилей, аренду помещений, ремонт техники, строительство и ремонт зданий, сооружений и т. п. Участвуя в этих и подобных им отношениях, подразделения МЧС России выступают как типичные государственные организации системы государственной службы и по своему правовому положению мало чем отличаются от других аналогичных субъектов, будь то органы прокуратуры, суда, следствия или иные подразделения системы государственной службы.

Другими словами, обычные отношения – это те отношения, в которых не проявляется специфика подразделений РСЧС*****. Из-за типичности данных отношений в системе РСЧС нет смысла подробно рассматривать первую группу. Независимо от того, какие подразделения РСЧС будут участвовать в подобных отношениях, они будут сохраняться.

Особого внимания заслуживают те общественные отношения, которые складываются в связи с деятельностью подразделений РСЧС как органов, имеющих специальную компетенцию и специфические задачи. Свои функции в социальной, организационно-технической, правовой сферах подразделения РСЧС осуществляют специфическими лишь только им присущими методами и способами – путем организации и осуществления своей деятельности по спасению людей, по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в городах, населенных пунктах, на любых других объектах независимо от их принадлежности и форм собственности, по координации и управлению различными структурами, организациями и ведомствами в период подготовки к чрезвычайным ситуациям и в условиях их ликвидации. Складывающиеся при

этом общественные отношения конкретного характера носят весьма разнообразный характер. Так, помимо отношений по организации и деятельности РСЧС, на предприятиях, в городах, регионах и т.п. заключаются договоры о сотрудничестве подразделениями РСЧС с различными общественными объединениями и организациями [10], осуществляется взаимодействие с гражданами и организациями, привлекаемыми на добровольной основе к выполнению работ по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций [4; 8], содействующими подразделениям РСЧС в их работе. Например, при устранении последствий чрезвычайных ситуаций подразделения МЧС РФ взаимодействуют, с различными частными лицами и индивидуальными предпринимателями, работниками и государственными служащими, с воинскими частями Минобороны России (МО), Министерства внутренних дел России (МВД) и их подразделениями, коммунальными, железнодорожными и многими другими службами и подразделениями. В связи со своими задачами и функциями подразделения РСЧС осуществляют следующую деятельность: выработку и реализацию государственной политики, нормативное правовое регулирование в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, решение различных вопросов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т. д.

Отношения, возникающие в ходе вышеперечисленной деятельности, обладают спецификой, которая присуща только им и которая вытекает из особого характера деятельности подразделений РСЧС. Выполняя важную государственную задачу по спасению людей, предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, подразделения РСЧС вступают в особые правовые отношения с другими субъектами права.

Прежде всего, говоря об общественных отношениях, присущих только подразделениям РСЧС, нельзя не остановиться на их субъектной характеристике. Специфическим субъектом рассматриваемых отношений являются подразделения РСЧС, прежде всего, как особые государственно-правовые структуры, учреждения

и организации.

Общественные отношения, возникающие в деятельности подразделений РСЧС, не могут существовать отдельно от самих подразделений РСЧС. Так, не возникает особых отношений, когда, например, физические и юридические лица обеспечивают себя самостоятельно, не прибегая к помощи подразделений РСЧС, от всевозможных негативных последствий природного и техногенного характера, внедряя новейшие научные и технические средства, защищая тем самым себя от всевозможных чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений, стихийных бедствий и т. п.). Так, например, такие отношения не возникнут в случае самостоятельного устранения физическими лицами последствий урагана у себя на участке.

Рассматриваемые же нами отношения опосредуют целенаправленную и постоянную деятельность по обеспечению подразделениями РСЧС особой деятельности, осуществлять которую могут лишь специально созданные на то структуры и органы, а именно сами рассматриваемые нами подразделения и их формирования. К формированиям РСЧС можно отнести, например, нештатные и общественные аварийно-спасательные формирования, органы общественной самодеятельности, добровольные отряды спасателей, добровольные пожарные дружины, дружины юных спасателей, дружины юных пожарных, отряды скаутского движения и другие общественные объединения и организации, содействующие подразделениям РСЧС при выполнении ими их основных задач.

Так, изучение и прогнозирование чрезвычайных ситуаций в России возложено на Всероссийский центр мониторинга и прогнозирования МЧС России; поиск и спасение людей, попавших в беду, осуществляется региональными поисково-спасательными отрядами МЧС России; обследования и проверки территорий, зданий, сооружений, помещений предприятий и других объектов, в целях контроля за соблюдением требований пожарной безопасности и недопущения чрезвычайных ситуаций, могут выполнять только уполномоченные на то органы противопожарной службы МЧС России; осуществление надзора за санитарно-эпидемиологической обстановкой, после возникновения чрезвычайной ситуации проводят подразделения РСЧС Минздравсоцразвития; предупреждение и ликвидация чрезвычайных

ситуаций в организациях (на объектах), находящихся в ведении или входящих в сферу деятельности Росрыболовства, входят в компетенцию подразделений РСЧС Минсельхоз России; предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций в организациях (на объектах), связанных с производством атомной промышленности, находится в ведении подразделений РСЧС Росатома и др.

Таким образом, общественные отношения, возникающие в деятельности подразделений РСЧС – это волевые правовые отношения, воздействующие на поведение людей в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, определяющие общие правовые экономические и социальные основы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях в Российской Федерации и характеризующиеся наличием субъективных прав и юридических обязанностей у его участников. Отношения, возникающие в деятельности РСЧС, находятся под регулирующим воздействием различных норм права. Так, организационно-управленческие отношения по созданию различных служб, органов, формирований и подразделений РСЧС, находятся в основном под воздействием административно-правовых норм. Координационные отношения, например, по координации деятельности МЧС России в целом, а также всех профессиональных аварийно-спасательных служб и подразделений РСЧС по взаимодействию и осуществлению своей деятельности в вопросах предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются организационными по своей природе и регулируются также преимущественно административными нормами. На отношения, связанные с обнаружением раскрытием и расследованием различного рода преступлений при чрезвычайных ситуациях воздействуют, как правило, нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Данные отношения носят публичноправовую направленность и в общем плане освещены в литературе и исследованиях по данной проблематике не только в России, но и за рубежом [23, стр. 14; 33, стр. 20; 34; 38].

В то же время мало изученным является другой блок отношений. К числу таковых можно отнести отношения, возникающие в связи со службой в профессиональных подразделениях РСЧС, которые можно характеризовать как служебно-трудовые, сочетающие в себе частные и

публичноправовые начала (прием на работу, заключение контрактов и трудовых договоров, выплата и начисление заработной платы, трудовой распорядок, рабочее время и время отдыха и т. п.), которые строятся на основе норм трудового права.

По этому поводу в литературе распространено мнение ученых о том, что трудовое право как отрасль частного права, не может быть применимо к служебным отношениям государственных служащих по поводу приема их на службу и заключения контрактов с ними, начисления и выплаты им денежного содержания и т. д., даже в качестве субсидиарного его применения. Служебные отношения государственных гражданских служащих, по их мнению, должны регулироваться чисто административным законодательством, а значит, находиться под прямым публично-правовым воздействием [20; 25, стр. 421-422]. В этой связи следует заметить, что трудовое право, в котором переплетаются частные и публичные начала, направлено на регулирование общетрудовых прав и обязанностей граждан и организаций в целом. В его нормах на федеральном уровне закреплен комплексный стандарт таких трудовых прав и гарантий в их реализации, которые вытекают из публичных начал, но эти начала служат одним из способов обеспечения личных прав, законных интересов и самих участников публичноправовых отношений, каковыми являются гражданские служащие. Отсюда следует, что нельзя согласится с мнением о прямом административно-правовом регулировании рассматриваемых отношений, и поддержать тех авторов, которые утверждают, что трудовое право не посягает на публично-правовую сферу отношений государственной службы и может впредь выполнять роль базовой отрасли, распространяющей не только влияние, но и действие своих норм на отношения с участием государственных гражданских служащих [14, стр. 351-353; 15, стр. 20]. В данном случае, законодателю следует направлять усилия не на полное вытеснение норм трудового и гражданского права из сферы государственной службы, на чем настаивают представители науки административного права, а, наоборот, искать пути соотношения трудового, гражданского и административного права в регулировании отношений государственной службы. В подтверждение сказанному следует добавить, что в законодательстве, регулирующем деятельность

государственных гражданских служащих, в частности, Законе РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», воспроизведено заимствование норм трудового права, а ст. 73 названного Закона, практически напрямую закрепляет субсидиарное применение трудового законодательства при регулировании отношений, связанных с гражданской службой, но все же не ставит во главу угла трудовое законодательство, и на наш взгляд совершенно напрасно. На практике это приводит к тому, что отношения, носящие по своей сути трудовой характер, в деятельности государственных гражданских служащих, в том числе и в подразделениях РСЧС (напр., нормы по регулированию сверхурочных, по приему и увольнению с рабочих мест, по нормированию труда и отдыха, охране труда и т. д.) начинают регулироваться с помощью административно-властных решений, не обращая никакого внимания на права и гарантии, предписанные трудовым правом, что, естественно, ведет к ненадлежащему правовому результату, к нарушению прав и гарантий граждан, работающих и служащих в различных подразделениях государственных служб [9; 26].

Из сказанного следует сделать вывод, что служебно-трудовые отношения, возникающие в ходе службы как в профессиональных подразделениях РСЧС, так и в других подразделениях государственной гражданской службы по поводу заключения контрактов и трудовых договоров, выплаты и начисления заработной платы, рабочего времени и времени отдыха и т.п., должны строиться на основе норм трудового права, но с особенностями публично-правового характера (службы), присущими таким подразделениям. В этой связи в законодательстве, а именно в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», законодателю следует остановиться не на заимствовании и интерпретировании норм трудового права, переделывая их под административно – правовое регулирование, а на особенностях публично-правового регулирования (службы) всех государственных служащих, которые должны быть, основаны на общих критериях трудового права, а в некоторых случаях и на прямой отсылке к трудовому законодательству. В качестве положительного примера подобного регулирования таких отношений можно отметить поправки, внесенные

в Закон РФ «О пожарной безопасности» от 22августа 2004 г. № 122-ФЗ (в ред. 28 сентября 2010 г.). В ст. 7 названного Закона указано, что на работников Государственной противопожарной службы распространяются права, обязанности и льготы, установленные законодательством Российской Федерации о труде. С внедрением таких поправок снизилось количество споров и обращений граждан, работающих и служащих в подразделениях пожарной охраны, в судебные и иные государственные органы по поводу ущемления их трудовых прав и гарантий [21, стр. 28].

К малоизученным относятся имущественные и личные неимущественные отношения, такие, например, как выполнение работ и оказание услуг в области предупреждения чрезвычайных ситуаций, ликвидации последствий различных аварий и других форс-мажорных обстоятельств, организация и деятельность РСЧС на основе договоров с организациями, возмещение причиненного вреда, страхование, создание нештатных аварийно-спасательных формирований и других организаций, направленных на профилактику и ликвидацию чрезвычайных ситуаций и т. д. Такие отношения регулируются гражданско-правовыми нормами, носят частноправовую направленность и являются не проработанными. Комплексные правовые исследования в этой области отсутствуют.

Из этого следует, что отношения в сфере деятельности РСЧС регулируются нормами различных отраслей права. Вопрос о характере правовых отношений, возникающих в многогранной сфере деятельности РСЧС, в юридической науке специально не исследовался. Большая часть работ в этой сфере деятельности посвящена, главным образом, историческим либо административно-правовым вопросам организации и управления РСЧС. Однако актуальность данной проработки вопроса очевидна. Наряду с историческими и административно-правовыми вопросами, требуют тщательного изучения и исследования частноправовые отношения в деятельности РСЧС. Важность изучения соответствующих отношений сегодня более чем очевидна и нуждается в тщательном правовом регулировании.

Так, в частности, нет достаточно четкого урегулирования вопросов взаимодействия граждан и общественных организаций по поводу их привлечения к выполняемым работам в условиях

чрезвычайных ситуаций и устранения последствий чрезвычайных ситуаций. Не отложены законодательные механизмы взаимодействия между подразделениями РСЧС и различными частными и ведомственными организациями по поводу выделения различного рода имущества, техники, оборудования, материальных и денежных средств подразделениям РСЧС при чрезвычайных ситуациях и устранения последствий чрезвычайных ситуаций, требуют выяснения юридической природы и детального регулирования служебно-трудовые отношения в деятельности РСЧС, не урегулированы многие вопросы, возникающие из страховых отношений с участием подразделений РСЧС.

Актуальность изучения соответствующих отношений в деятельности РСЧС может быть подтверждена и тем, что после 2001 г. кардинально изменилась структура РСЧС, с естественным изменением видов деятельности, задач и целей у ее структурных подразделений. Некоторые службы изменили свою подведомственность, а их подразделения вошли в состав структуры РСЧС, где и произошло их переподчинение. Так, в РСЧС сейчас находятся: подразделения службы пожарной охраны, которые выведены из подчинения МВД России [3], и переподчинены МЧС России; подразделения гражданской обороны, которые в результате упразднения их министерства также переданы в подведомственность МЧС России [6].

В связи с передачей указанных служб и их подразделений в подведомственность МЧС России возникло множество проблем как внутри самой структуры МЧС России и РСЧС, так и в самих ее структурных подразделениях по поводу финансирования и денежного содержания указанных подразделений и их сотрудников, по поводу взаимодействия в научной и учебной сферах деятельности между сформированными структурами, по вопросам оказания услуг и выполнению работ гражданам и организациям подразделениями РСЧС их работниками и служащими и многие другие вопросы.

По мнению некоторых авторов, отношения, возникающие в силовых ведомствах, носят в основном координирующий, административный характер [16; 36]. С этой точкой зрения вряд ли можно полностью согласиться. В.Н. Шамрай, например, утверждает, что отношения, которые возникают в связи с деятельностью силовых

структур подпадают под действие лишь административного права. Аналогичные высказывания встречаются и у других авторов. Так, А.П. Рыжаков подводит данный вид деятельности под действие лишь двух отраслей права, а именно административного и уголовного [31, стр. 3]. Однако право регулирует гораздо более широкий круг вопросов деятельности РСЧС. Правовые нормы закрепляют формы, методы и порядок предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в РФ; регулируют отношения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, иными юридическими лицами независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, между общественными объединениями, должностными лицами, гражданами РФ, иностранными гражданами, лицами без гражданства; определяют правовой режим РСЧС; устанавливают правовые средства деятельности при чрезвычайных ситуациях на всей территории Российской Федерации и т. д. Нормами права регулируются права и обязанности подразделений РСЧС и иных субъектов права, а также между сотрудниками РСЧС. Наконец, право определяет порядок финансирования подразделений РСЧС, материально-техническое обеспечение при чрезвычайных ситуациях, обязательное государственное личное страхование работников РСЧС, правовую и социальную защищенность служащих и работников РСЧС и целый ряд других отношений. Нельзя отрицать административно-правовую природу тех отношений, которые действительно присутствуют в рассматриваемом виде деятельности. Но нельзя и отрицать существование тех отношений, которые явно не строятся по вертикальному принципу. В науке административного права существует мнение, согласно которому административные отношения могут складываться не только «по вертикали», но и «по горизонтали» [27, стр. 80-82; 32, стр. 86, 87]. Однако примеры описываемых в литературе так называемых горизонтальных административных правоотношений не выходят за рамки согласования, осуществляемого различными субъектами при принятии управлеченческих решений, а также координации их усилий в решении стоящих перед ними задач.

Так, создание добровольных аварийно-

спасательных формирований, образуемых на нештатной основе и на общественных началах, других частных организаций, ориентированных на проведение работ и оказание услуг по профилактике и ликвидации чрезвычайных ситуаций на договорной основе с организациями, предприятиями, учреждениями, основывается на свободном волеизъявлении возникающих субъектов.

В трудовом праве отношения, возникающие из трудового договора, также строятся на основе взаимного, свободного волеизъявлении сторон. В трудовом договоре регламентируются условия труда, и каждая сторона принимает на себя права и обязанности по соблюдению условий договора, которые охраняются законом. Сотрудники РСЧС добровольно заключают такие договоры и вправе расторгнуть их в любой момент. В социальном обеспечении - работники РСЧС, наравне с другими государственными служащими, пользуются установленными льготами и выплатами, получают надбавки за сложный и напряженный режим работы. Для служащих в РСЧС наравне со всеми гражданами Российской Федерации устанавливаются гарантии социальной и правовой защиты [2].

Таким образом, гражданским правом, которое является ведущим в регулировании частноправовых отношений, регулируются, в частности, следующие отношения: а) отношения, возникающие при организации и деятельности подразделений РСЧС на основе договоров с организациями; б) отношения, вытекающие из выполнения работ и оказания услуг в области различных сфер деятельности, связанных с чрезвычайными ситуациями; в) отношения, возникающие из обязательного государственного страхования сотрудников подразделений РСЧС; г) отношения, связанные с возмещением причиненного вреда и многие другие.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что отношения, возникающие в деятельности подразделений РСЧС, неоднородны по своей отраслевой принадлежности и не сводятся лишь к административно-правовым, которые строятся по методу власти-подчинения. Большую группу в рассматриваемой области занимают частноправовые отношения. Указанные отношения не сливаются воедино и не образуют какого-либо особого или сложного по структуре правоотношения. Имеются достаточные

основания говорить лишь об особой группе или системе правоотношений, которые находятся в определенной связи и составляют в своей совокупности некоторую целостность, лишенную, однако, черт единого (одного) правоотношения [12, стр. 138].

Основой для данной целостности служит тесная взаимосвязь различных по характеру

общественных отношений, образующихся в деятельности подразделений РСЧС. Взаимосвязанное регулирование возникающих отношений осуществляется с помощью комплексных нормативных актов, образующих в своей совокупности законодательство, регулирующее их последующую многогранную деятельность.

Примечания

*В рассматриваемом случае речь идет об образовании различных подразделений РСЧС: на федеральном уровне - Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС РФ), подразделения федеральных органов исполнительной власти для решения задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и (или) гражданской обороны; на межрегиональном уровне – территориальные органы МЧС РФ - региональные центры МЧС РФ; на региональном уровне – территориальные органы МЧС РФ – органы, специально уполномоченные решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам РФ (главные управления МЧС РФ по субъектам РФ); на муниципальном уровне – органы, специально уполномоченные на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и (или) гражданской обороны при органах местного самоуправления; на объектовом уровне – структурные подразделения организаций, уполномоченных решение задач в области защиты населения и территорий и (или) гражданской обороны (напр., дежурно-диспетчерские службы организаций).

**Так, ст. 15 Закона РФ от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяет, что общественные объединения могут участвовать в мероприятиях в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в соответствии с законодательством РФ и со своими уставами, однако при этом не указывается, как должно осуществляться взаимодействие между структурами и не раскрывается сам порядок такого взаимодействия [1].

*** В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» данное направление является приоритетным, и относиться к основным задачам Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

**** Так, среди работ публично правового характера, в которых рассматривается деятельность подразделений РСЧС, можно выделить следующие: Андерсон М., Кюни Ф. Понимание и использование связи между чрезвычайными ситуациями и гуманитарной помощью. – Оксфорд: Политехникум, 1994; Вестник «Деятельность УВКБ ООН в СНГ». – М., 1995. – №1-28; 1996. – № 7-14; Локтионов Н.И. Основные принципы организации управления в условиях чрезвычайных ситуаций / Материалы анализа системы управления. – Текущий архив МЧС России. Д. 7 Т. 4.– 1996; Методические рекомендации по организации первоочередного жизнобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях. – М.: ВНИИ ГОЧС, 1998; Порфириев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях. – М., 1991; и др. В основном эти работы посвящены процессам управления в чрезвычайных ситуациях.

***** Прокьюремент (англ. procurement) – совокупность практических методов и приемов, инструментов, используемых в процессе организации государственных закупок, распределения государственных заказов в ходе проведения конкурсных торгов, предоставления объектов в аренду, концессию с целью рационализации процедур, облегчения их для участников, соблюдения справедливости, предотвращения коррупции; форма управленческой технологии. В основе прокьюремента лежит соблюдение принципов открытости (гласности), равноправия претендентов, эффективности заключаемых сделок, ответственности сторон — участников контракта. Прокьюремент означает также деятельность, обеспечивающую поиск и соединение компаний будущей сделки, заключение договоров, соглашений [30].

***** Например, прием на службу в подразделения спасателей осуществляется аналогичным образом, как и в милицию. Поступающий на службу в том и другом случае проходит соответствующую медицинскую комиссию, проверку на профессиональную пригодность и другие тому подобные действия.

***** К иным, например, будут относиться, Федеральные инспекции труда, в деятельность которых входит обеспечение соблюдения и защиты прав и свобод граждан, включая право на безопасные условия труда, и др.

См.: Положение о федеральной инспекции труда. Утв., постановлением Правительства РФ от 28 января 2000 г. №78.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
2. Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» (с изм. и доп. до 25 ноября 2010 г) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. – № 35. – Ст. 3503.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности» (с изм. и доп. от 27 декабря 2002 г., 30 июня 2003 г., 20, 22 августа, 29 ноября, 29 декабря 2004 г., 07 сентября 2010 г. № 1099) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №30. – Ст. 3033.
4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г. № 442-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. Указ Президента РФ от 17 апреля 2003 г. № 444 «О внесении изменений и дополнений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности» (с изм. и доп. от 25 июня, 19 июля, 7 августа 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 16. – Ст. 1508.
6. Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – №28. – Ст. 2882.
7. Постановление Правительства РФ от 28 января 2000 г. № 78 «О федеральной инспекции труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3702.
8. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 (в ред. от 08 сентября 2010 г. № 702) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 2. – Ст. 121.
9. Решение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 8 октября 2002 г. № ВКПИ 02-97: Признан незаконным п. 2. Приказа Директора ФПС РФ от 12 февраля 2000 г. № 043 «О не выплате дополнительных гарантий и компенсаций за выполнение задач в местностях, отнесененных к зонам вооруженного конфликта».
10. Приказ МЧС РФ от 6 августа 2004 г. № 372 «Об утверждении Положения о территориальном органе Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – органе специально уполномоченном решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъекту РФ» // Российская газета. – 2004. – №182. 25 августа.
11. Административная деятельность органов внутренних дел: Учебник / Под ред. А.П. Коренева. – М., 1997.
12. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. – М., 1982.
13. Андерсон М., Кюни Ф. Понимание и использование связи между чрезвычайными ситуациями и гуманитарной помощью. – Оксфорд: Политехникум, 1994.
14. Афанасьев А.В. Трудоправовые аспекты государственной гражданской службы // Российский ежегодник трудового права. №1 / Под ред. Е.Б. Хохлова. – СПб., 2005.
15. Афанасьев А.В., Гольцов В.Б. Заключение, изменение и прекращение контракта о службе в органах внутренних дел. Методические рекомендации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
16. Беженцев А.А. О необходимости комплексной координации деятельности ОВД с субъектами государственной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2009. – № 4 (44). – С. 54-56.
17. Брагинский М.И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахилович. – М., 2000.
18. Гольцов В.Б. Договорные отношения с участием пожарной охраны (правовая регламентация) // Материалы научно-практической конференции. Часть 4 / Под ред. О.М. Латышева, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1996.
19. Гольцов В.Б. К вопросу о возникновении гражданско-правовых отношений в деятельности ОВД России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4 (16).

20. Гришковец А.А. Проблемы соотношения норм административного и трудового права при регулировании отношений в сфере государственной службы // Государство и право. – 2002. – № 12.
21. Кудашкин А.В., Тюрин А.И., Фатеев К.В. Увольнение с военной службы. Пребывание в запасе. «За права военнослужащих». – М., 2004.
22. Локтионов Н.И. Основные принципы организации управления в условиях чрезвычайных ситуаций // Материалы анализа системы управления. – Текущий архив МЧС России. 1996., Д.7- Т.4.,
23. Манилов В.Л. Стратегия выживания человечества // Вестник РАН. Т. 66. – М., 1996. – № 2.
24. Методические рекомендации по организации первоочередного жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях. – М.: ВНИИ ГОЧС, 1998.
25. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник для подготовки государственных служащих. – М., 1999.
26. Обзор судебной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ «Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел по искам и жалобам военнослужащих на действия и решения органов военного управления и воинских должностных лиц» за 2000 г. – М., 2001.
27. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972.
28. Покровский И.А Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
29. Порфириев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях. – М., 1991.
30. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М., 2006.
31. Рыжаков А.П. О государственном пожарном надзоре (правовые вопросы). – М., 1992.
32. Советское административное право / Под ред. Ю.М. Козлова. – М., 1985.
33. Стефенсон Р.С. Взаимосвязь между экономическим развитием и чрезвычайными ситуациями. – Женева, 1995.
34. Хорофф Тавель Мариен. Система управления рисками в чрезвычайных ситуациях. – Женева, 1995.
35. Черепахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. – М., 1994.
36. Шамрай В.Н. Место и роль органов внутренних дел в системе органов государственного управления при формировании правового статуса // МВД России-200 лет. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2 / Под ред. О.М. Латышева, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
37. Яковец Ю.В. Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. – М., 1998.
38. Siegel, Seyril R. and Peter Witham. “UNDP Coordination of Disaster and Dewelopment Planning. Managing Natural Disaster and the Environment, etc; Alkira Kreimer and mohan Mangsinghe. Washington DS: the Wold Bank, 1996.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального
университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуются проблемные аспекты определения момента, с которого возникают права человека. Представлен исторический обзор законодательства разных стран по данной проблеме. Вопрос о моменте возникновения правоспособности зачатого ребенка исследован в статье также и с точки зрения применения искусственных методов репродукции человека.

Ключевые слова: права человека; эмбрион; зачатый ребенок; правосубъектность ребенка; искусственное оплодотворение; имплантация эмбриона; суррогатное материнство.

BABADZHANOV I.KH.

ORIGIN OF HUMAN JURIDICAL PERSONALITY: SOME DEBATING ISSUES OF HISTORY AND MODERN TIMES

The summary. Problematic aspects of determination of the moment from which human rights originate are under research in the article. A historical review of various countries' legislation on this problem is presented. The article also studies the issue of the origin of legal capacity for a conceived child as well as from the viewpoint of the use of artificial methods of human reproduction.

Key words: human rights; embryo; conceived child; child's juridical personality; artificial fertilization; embryo implantation; surrogate motherhood.

С какого момента возникают права человека? «Естественное право» ведет этот отсчет с рождения человека. Современное право

решительно определяет иной рубеж: жизнь человека начинается с оплодотворения яйцеклетки. По этой причине вторжение в жизнь

оплодотворенной яйцеклетки может рассматриваться как нарушение целостности потенциального человека. По мнению академика Р. Петрова, экспериментируя с эмбрионом, мы нарушаем права человека: «Сперматозоид проникает в яйцеклетку – и это уже человек! Все права, которые распространяются на человека, относятся к эмбриону. Следовательно, манипулировать с ним нельзя... Требуется разрешение на исследования. И кто его должен давать? У эмбриончика об этом не спросишь...» [50, стр. 15].

Здесь добавим, что законодательства некоторых государств в XIX в. по-разному регламентировали права зачатого ребенка как субъекта права.

Некоторыми нормами Германского гражданского уложения (ГГУ 1896 г.) [58] была предусмотрена охрана права зачатого ребенка в рамках конкретного правоотношения. Параграф 1923, регламентирующий вопросы наследования, также исходит из фикции, что зачатый ребенок рассматривается, как уже родившийся: «Тот, кто еще не жил, но был уже зачат ко времени открытия наследства, считается рожденным до открытия этого наследства». В параграфе 1912 этого же уложения предусматривается назначение попечителя зачатому, но еще неродившемуся ребенку, поскольку это необходимо для охраны его будущих прав.

Французский ГК (Кодекс Наполеона 1804 г.) [2] применяет это положение к наследованию, дарению (ст. 725, 906), а также к установлению отцовства в отношении ребенка, зачатого во время брака (ст. 312).

В гражданских кодексах других государств в виде общей нормы предусмотрено признание ребенка как субъекта права с момента его рождения при условии, если он родится живым. Прямо указывается, что ребенок условно может считаться рожденным с момента зачатия (параграф 22 ГК Австрии 1811 г. [79]; ст. 31 ГК Швейцарии [21]; ст. 4 ГК Бразилии [20]).

Различные правовые школы по-разному объясняли зачатого ребенка как субъекта права и охрану его интересов [5; 16; 27; 55]. Сторонники школы естественного права в свое время развивали концепцию, согласно которой зачатый ребенок является правоспособным. Они полагали, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Следовательно, с этого момента возникает и

правоспособность, которая существует независимо от того, родится ребенок потом живым или нет.

Подобные взгляды разделяются и в современной цивилистической литературе. Авторы, разделяющие подобные взгляды, пытаются охарактеризовать права зачатого ребенка, как предварительные, другие - считают условно правоспособным. Но поскольку, по их мнению, зачатый ребенок способен обладать правами и обязанностями, то его правоспособность трактуется как ограниченная, частичная или условная.

В гражданском законодательстве некоторых бывших социалистических стран охрана прав и интересов зачатого ребенка была предусмотрена общей частью в нормах, регулирующих правоспособность граждан. Так, согласно параграфу 9 ГК ВНР, «человек, если он родился живым, является правоспособным с момента зачатия» [59]. В параграфе 7 ГК ЧССР также было указано, что «правоспособностью обладает и зачатый ребенок, если он родится живым».

Однако рассматриваемые нормативные акты, отмечает Г.Б. Романовский, нельзя назвать в полной мере признающими правосубъектность человеческого эмбриона. Эти правила направлены на будущее: уже в дальнейшем, после своего рождения, зачатый ребенок будет обладать определенными правами. Условием реальной правоспособности, в любом случае, будет рождение живым. Право лишь реагирует на то, что два юридических факта «разорваны» во времени – факт зачатия и факт рождения [56, стр. 71-78]. «Несмотря на то, что зачатый ребенок в будущем может стать субъектом права, – отмечает М.Н. Малеина, – вряд ли следует рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и другими субъективными правами еще до рождения. Субъективные права могут возникнуть лишь у реально существующего субъекта» [39, стр. 56].

Римское право содержит аналогичные примеры. Так, в Институциях Гая можно найти: «По естественным требованиям и соображениям решено, что если рабыня забеременеет от римского гражданина, а затем, отпущенная на волю родит, то дитя рождается свободным, так как зачатые незаконно приобретают состояние с того времени, когда рождаются. Поэтому они считаются свободными, если рождаются от свободной, и безразлично, от кого мать зачала их,

когда еще была рабынею. Но законно зачатые приобретают состояние с момента зачатия» [18, стр. 47]. Подобные примеры отнюдь не наталкивают на мысль о прогрессивности римского законодательства. Налицо лишь наслаждение на регулирование несущественных отношений принципов права собственности. Так, в римском праве решался вопрос о собственности с учетом событий: зачатия, беременности и рождения [55, стр. 72].

Подобные способы нормативного регулирования можно найти и в иных законодательных актах. Хорошим примером, иллюстрирующим суть таких положений, будет служить социальное и налоговое законодательство. Налоговый кодекс закрепляет, что при определении размера налоговой базы налогоплательщик имеет право на получение стандартных налоговых вычетов. Далее устанавливаются категории налогоплательщиков, имеющих право на такие вычеты. К таковым, в частности, относятся лица, ставшие «инвалидами, получившими или перенесшими лучевую болезнь, другие заболевания вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча; из числа лиц, выехавших добровольно из населенных пунктов, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, включая детей, в том числе детей, которые в момент эвакуации (переселения) находились в состоянии внутриутробного развития» [55, стр. 72].

Федеральный закон «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» [1] устанавливает правила, аналогичные закрепленным в Налоговом кодексе (ч. 2). Так, предусматриваются меры социальной поддержки для детей, которые в момент эвакуации (переселения) находились в состоянии внутриутробного развития. В 1998 году Верховным Судом Российской Федерации было принято решение по толкованию данного Закона, которое было названо открывашим возможность признания правосубъектности за неродившимся ребенком. Однако следует подчеркнуть, что суд лишь применил норму закона в конкретном деле.

Мать офицера принимала участие в ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк». Было признано, что с момента аварии до ухода в отпуск по беременности и родам женщина продолжала исполнять свои служебные обязанности, работая на предприятии «Маяк» полный рабочий день. На основании упомянутого Закона, действия командира, который отказал уже сыну этой женщины в выдаче соответствующего удостоверения, были признаны неправомерными [1].

Правило, в соответствии с которым право-способность человека возникает в момент его рождения, закреплено в подавляющем большинстве современных правовых систем [3; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 15; 23; 24; 34; 35; 40; 54; 71; 74; 76]. Исключения весьма немногочисленны (например, в Венгрии, если ребенок рождается живым, он считается правоспособным с момента своего зачатия).

Многовековой опыт законодательной регламентации требует особенно тщательного обсуждения вопроса о том, насколько обоснованны и целесообразны предложения о внесении соответствующих поправок в ст. 17 ГК РФ. В качестве главного аргумента утверждают, что эти поправки ограничат право матери на уничтожение зачатого ребенка «убийство в виде аборта», станут первым шагом к тому, чтобы «впоследствии значительно ограничить аборты: запретить все основания, кроме медицинских».

Проблема аборотов относится к числу наиболее сложных, дискуссионных, социально значимых проблем, затрагивающих судьбы миллионов людей [29; 64]. Она многоаспектна, и ее обсуждение требует всестороннего анализа и учета не только юридических, но и медицинских, социологических, демографических, экономических и главное, морально-этических факторов. Абстрагируясь от вопроса о целесообразности ограничения и последующего запрещения аборотов, попробуем рассмотреть затронутую тему с чисто прагматических позиций. Предположение о том, что законодательное признание правоспособности за зачатым, но не родившимся ребенком станет гарантией охраны его прав и интересов и решит все вопросы, связанные с искусственным прерыванием беременности, вызовет целый ряд сомнений. Прежде всего, остается неясным, каким образом разработчики предлагают добиться реализации этой цели: путем установления контроля за каждой беременной женщиной на

предмет систематического подтверждения ее состояния и установления ответственности в случае выявления прерывания ею беременности? [44, стр. 21-22].

Во-вторых, непонятно, с какого именно момента будет определяться возникновение правоспособности зачатого ребенка. Момент зачатия в большинстве случаев точно определен быть не может и, как правило, устанавливается только спустя несколько недель. Но такое определение осуществляется на разных стадиях беременности, т. к. в нашей стране довольно высок процент будущих рожениц, которые по тем или иным причинам обращаются в специализированные медицинские учреждения для обследования и постановки на учет уже на поздних ее стадиях, а иногда вообще не обращаются (беженцы, вынужденные переселенцы, женщины, не имеющие постоянного места жительства или проживающие в отдаленных местностях, где отсутствуют специальные клиники, и т. д.). Принятие предложения разработчиков законопроекта, утверждающих, что момент зачатия следует отнести к актам гражданского состояния, подлежащих обязательной государственной регистрации, и внесение соответствующих дополнений в ст. 47 ГК РФ на практике будет означать, что часть российских граждан будут регистрироваться в качестве правоспособных субъектов еще в утробе матери, причем на разных стадиях развития беременности, а часть только после появления на свет, что создаст путаницу и породит множество трудноразрешимых вопросов.

В-третьих, как справедливо отмечалось в литературе, вопрос о том, что следует считать началом жизни человека, чрезвычайно сложный. Спектр мнений весьма широк: некоторые авторы древности полагали, что зародыш становится человеком с начала шевеления в утробе матери; ряд современных авторов связывают этот момент с формированием нервной системы зародыша или с первым проявлением его мозговой деятельности; для других это момент появления ребенка на свет. Недавно были продемонстрированы снимки, сделанные ультразвуковым фотоаппаратом в Лондонском центре репродукции и современных технологий, которые позволили впервые получить наглядные данные о развитии плода на разных стадиях беременности. Эти снимки произвели сенсацию, т. к. они неопровергнуто доказали, что

12-недельный зародыш уже практически сформировавшийся человек, а с 26-й недели, т. е. с 6-го месяца беременности, ребенок в утробе матери демонстрирует полный спектр человеческих реакций, выражая мимикой самые разнообразные чувства: радость, боль, испуг, ужас. Это открытие, несомненно, будет иметь огромное значение для окончательного ответа на вопрос: с какого момента эмбрион становится человеком? [44, стр. 21-22].

Вопрос о моменте возникновения правоспособности зачатого ребенка приобретает особую сложность в случаях применения искусственных методов репродукции человека, которые получают все более широкое распространение во всех странах мира [4; 6; 10; 19; 22; 24; 28; 32; 33; 36; 37; 38; 39; 41; 42; 43; 45; 47; 48; 49; 51; 52; 53; 57; 60; 61; 62; 63; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 75; 77; 78].

На сегодняшний день американские ученые выделяют шесть теоретически возможных способов воспроизведения человеческой жизни, но Семейный кодекс содержит указание на три метода: искусственное оплодотворение, имплантация эмбриона и имплантация эмбриона в тело суррогатной матери. При этом ни в Семейном кодексе, ни в других законах не раскрывается значение этих медицинских терминов, что порождает целый ряд вопросов, в том числе и имеющих непосредственное отношение к проблеме определения момента зачатия ребенка и как следствие к моменту возникновения правоспособности гражданина.

Так, в частности, остается открытым вопрос о том, с какого момента правоспособность возникнет в случае применения метода, называемого в медицине «экстракорпоральное оплодотворение», при котором оплодотворение происходит вне организма матери, «в пробирке» (In Vitro). При применении этого метода зачатый «в пробирке» эмбрион после некоторого процесса развития помещается (имплантируется) либо обратно в организм матери, либо в организм другой женщины, т. е. суррогатной матери, где и будет происходить дальнейшее развитие плода. Следует учитывать, что согласно последним научным данным в специально созданных лабораторных условиях эмбрионы в замороженном виде могут храниться в течение нескольких лет, что еще более усложняет обсуждаемую проблему. Кроме того, имплантация далеко не во всех случаях заканчивается

нормальным развитием беременности, процент случаев гибели или отторжения эмбрионов довольно высок, и, учитывая такую вероятность, в тело матери нередко имплантируют не один, а 2-3 эмбриона. Кстати, гибель плода (выкидыш) нередко наступает и в случае естественного зарождения человеческой жизни. Если, как предполагает А.В. Чусев, в дальнейшем «можно будет вести речь» об установлении регистрации момента зачатия ребенка в качестве акта гражданского состояния, неизбежно возникнет вопрос о необходимости регистрации и его гибели в утробе матери [44, стр. 22].

Вопросам охраны права на жизнь уделяется пристальное внимание в уголовном праве. Не вдаваясь в особенности квалификации убийств, следует отметить, что дискуссия о начале жизни получила «новое дыхание» с появлением такого состава преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка. Приведем лишь наиболее распространенные точки зрения. Их очень подробно анализирует А.Н. Красиков, считая, что в этом вопросе необходимо следовать Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» гласящей, что «...Начальным моментом жизни человека считается момент, когда констатируется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, то есть когда плод отделился от организма роженицы, за исключением пуповины, которая не перерезана, и у плода имеется дыхание или сердцебиение, пульсация пуповины либо произвольные движения мускулатуры» [26, стр. 44]. С. Бояров дополнительно указывает: «...Начальным моментом жизни человека считается момент появления из организма роженицы части тела младенца, имеющего сердцебиение. Плод в утробе матери имеет все указанные признаки жизни, кроме одного - плод еще не живет самостоятельно, является частью организма матери и не является субъектом права на свою защиту в уголовноправовом значении, поскольку в момент родов могут возникнуть непредвиденные ситуации, не зависящие от воли посторонних лиц» [16, стр. 14]. Такой точки зрения придерживается А.В. Наумов, ссылаясь на указанную Инструкцию: «Таким образом, нормативными основаниями (условиями) признания начала жизни ребенка следует считать, во-первых, его полное как в результате физиологических родов, так и искусственным

путем, допустим кесарева сечения, отделение (кроме пуповины) от организма матери и, во-вторых, наличие (возможно, и в альтернативной форме) следующих признаков: дыхания, сердцебиения, пульсации пуповины либо произвольного движения мускулатуры» [46].

В комментарии к ст. 105 УК РФ другие авторы подчеркивают: «Началом жизни принято считать начало физиологических родов. Жизнь ребенка охраняется законом в процессе родов (ст. 106 УК). В то же время посягательство на плод, находящийся в утробе матери, убийством не считается и может влечь уголовную ответственность за незаконное производство абортов или причинение тяжкого вреда здоровью женщины» [25]. Аналогичная точка зрения представлена в учебнике, но уголовному праву под редакцией Л.Л. Кругликова: «Начальный момент жизни человека традиционно определяется началом процесса физиологических родов, что необязательно связывается с отделением плода от утробы матери, с началом самостоятельного дыхания» [72]. С этим не согласны авторы другого учебника под редакцией А.И. Рарога: «Роды – это сложный, завершающий беременность физиологический процесс, в начале которого происходят ритмичные сокращения маточной мускулатуры, заканчивающийся изгнанием плода и последа через естественные родовые пути. Рождение ребенка обычно начинается путем выхода наружу из полости матки головки плода. Хотя в некоторых случаях возможны и аномалии. При рождении с первым вдохом легкие новорожденного расправляются. Обычно об этом сигнализирует первый крик ребенка. С этого момента можно говорить о начале человеческой жизни, однако умышленное лишение жизнедеятельности ребенка, еще не начавшего самостоятельной жизни, но уже вышедшего из утробы матери, хотя и не полностью, следует, по нашему мнению, считать убийством» [73].

Проблеме определения момента возникновения права на жизнь уделяли внимание различные авторы, коих упомянуть в рамках данной статьи не представляется возможным. Лишь вскользь об этом говорится в статье Т. Волковой: «Сущность проблемы состоит в том, что жизнь многих физиологически сформировавшихся в утробе матери жизнеспособных детей насильственным образом прекращается путем операции прерывания беременности на поздних ее сроках, и

это деяние не признается посягательством на жизнь. Правовое обоснование таких актов производится только в документах ведомственного значения... В контексте уголовно-правовой охраны жизни новорожденного ребенка хотелось бы рассмотреть еще одну проблему. Государство обязано не только обеспечить гарантии права ребенка на рождение, но и создать максимальную защиту его жизни в период новорожденности» [17]. Довольно четко обосновывает необходимость уголовно-правовой защиты жизни эмбриона Н.Н. Крылова: «Любой живущий на Земле человек прошел через стадию эмбрионального развития прежде, чем родиться и получить правовой статус личности. Если уж Уголовный кодекс России становится на защиту животных, предусматривая ответственность за жестокое с ними обращение, повлекшее их гибель илиувечье (ст. 245), то почему в этом отказано человеческому эмбриону» [30; 31].

Как известно, статус субъекта права, или,

вернее юридической личности, связан с фактом рождения, характеризующимся двойным условием: новорожденный должен быть живым и жизнеспособным (хотя ни один нормативный акт этих условий не закрепляет). Гражданское право идет, однако, немного дальше, поскольку признает существование жизни еще до рождения. Старая римская максима *infans conceptus* нашла свое отражение в некоторых статьях Гражданского кодекса Франции и базируется на бесспорных естественно-научных данных: жизнь предшествует рождению. Современные исследования в области биологической науки подтверждают интуицию традиционных моралистов: жизнь начинается с момента зачатия. С самых первых минут жизни эмбрион является носителем присущих только ему и никому более генетических свойств человека, который должен родиться. Речь пойдет всегда об одном и том же индивиде, который будет лишь меняться в течение всего периода своего существования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 4.
2. Арисов Н.Н. Французский гражданский кодекс 1804 г. – М., 1972.
3. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Рейф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
4. Бабаджанов И.Х. Гносеология правовой танатологии (теоретико-правовые аспекты учения о смерти). – Душанбе, 2009.
5. Бабаджанов И.Х. Государственная политика в области охраны права внутриутробного ребенка на жизнь: законодательство России, Республики Таджикистан и других стран // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 40-53.
6. Бабаджанов И.Х. Гражданско-правовые проблемы права на жизнь и здоровье. – Душанбе, 2004.
7. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 25-34.
8. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
9. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: ЭР-граф, 2011.
10. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 20-26.
11. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
12. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 8-16.
13. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
14. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое

- поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
15. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
16. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. – 2004. – № 4.
17. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. – 2004. – № 4.
18. Гай. Институции. – М., 1997.
19. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. – Минск: Выс. шк., 1971.
20. Гражданский кодекс Бразилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/1628>
21. Гражданский кодекс Швейцарии. – Берн, 1912.
22. Григорович Е.В. Гражданко-правовая ответственность при использовании искусственных методов репродукции // Юрист. – 1999. – №10, №11.
23. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
24. Коваленко П.П. Пересадка тканей и органов. – Ростов-на-Дону, 1976.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева. Изд-е 3-е, доп. и испр. – М., 2004.
26. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах *de lege lata* и *de lege ferenda*. – Саратов, 1999.
27. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. – М., 2005. – № 3.
28. Крылова Н.Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 1.
29. Крылова Н.Е. Ответственность за незаконное производство абортов и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 6. – С 44-45.
30. Крылова Н.Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 1.
31. Крылова Н.Е. Ответственность за незаконное производство абортов и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 6. – С. 44-45.
32. Курило Л.Ф. Некоторые этические вопросы технологии эмбриональных стволовых клеток // Проблемы репродукции. – 2000. – №3.
33. Курило Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые моральные этические проблемы методов вспомогательной репродукции // Проблемы репродукции. – 1998. – №3.
34. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
35. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. – М., 1994. – № 4.
36. Маккьюсик В. Размышления о социальных, юридических и этических аспектах «Геном человека» // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы) / Сост. В.И. Иванов, Б.Г. Юдин. – М.: Медицина, 1998.
37. Малеин Н.С., Малеина М.Н. Закон и охрана здоровья граждан. – М.: Прогресс, 1986.
38. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном мире. – М.: БЕК, 1995.
39. Маленина М.Н. О праве на жизнь // Государство и право. – 1992. – № 12.
40. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
41. Матюшин И.А. и др. Геонтология медико-биологического эксперимента. – М., 1987.
42. Мельников В.С. Социальные и правовые аспекты медицинской деятельности. – Киров: Кировск. гос. университет, 1997.
43. Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. – М.: Медицина, 1985.
44. Михайлова И.А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц: новые аспекты // Российский судья. – 2004. – № 10. – С. 21-22.
45. Мур Ф. История пересадок органов / Пер. с англ. Под ред. Р.В. Петрова. – М.: Мир, 1973.
46. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (Постатейный) / Под. ред. Г.М. Резника. – М., 2005.
47. Нежметдинова Ф.Т., Исланова Н.Н. Право и медицина: биоэтические основы. – Казань: Дом печати, 1998.
48. «Не хотим быть клонами!» Проблемы современной евгеники // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
49. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
50. Петрова Р. // Московские новости. – 2001. – № 1,2.
51. Петросян М.Е. Врач и пациент: Этико-правовой аспект. – М.: АН СССР, 1990.

52. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности. – СПб., 1997.
53. Пронин И.А. Соотношение понятий «помощь» и «услуга» в медицине: анализ гражданского законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 57-60.
54. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
55. Романовский Г.Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. – 2007. – №11. – С. 71-78.
56. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
57. Рунович А.А. Лечение тяжелого астматического статуса с применением трансплантации аллогенных фетальных тканей // Сибирский медицинский журнал. – 2000. – № 2.
58. Савельев В.А. Германское гражданское уложение. – М., 1983.
59. Садиков О. Гражданский кодекс Венгерской Народной Республики. – М.: Госюриздан, 1960.
60. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
61. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
62. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
63. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.
64. Сердюков М.Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. – Л., 1964.
65. Сиуянова И.В. Клонирование – болевая точка культуры // Православная беседа. – 1998. – №2.
66. Сиуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. – М., 1997.
67. Сиуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Пассад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998.
68. Слюсарев А.А. Биология с общей генетикой. – М.: Медицина, 1978.
69. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Серия: Право и медицина. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
70. Тагайнозаров Ш.Т., Бабаджанов И.Х., Бадалов Ш.К., Бабаджанов Дж.Б. Жизнь и здоровье человека: современные проблемы правовой ответственности. – Душанбе: ЭР-граф, 2010.
71. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
72. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. Изд-е 2-е, перераб. и доп. / Под. ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2004.
73. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник. Изд-е 2-е, перераб. и доп. / Под. ред. А.И. Рарога. – М., 2004.
74. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
75. Фролов И.Т. Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. – М.: Наука, 1988.
76. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
77. Швейцер А. Благовение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
78. Юдин Б.Г. Клонирование человека: предварительные уроки дискуссии // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
79. *Algemeines bürgerliches Gesetzbuch.* – Вена, 1811.

ПИРОВ Мухриддин Таварович,
старший оперуполномоченный Отдела по
оперативно-розыскной работе Управления
внутренней безопасности МВД Республики
Таджикистан, альянкт кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
E-mail: pirov_m@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И БОРЬБА С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. В статье обсуждаются архидревние и актуальные сегодня проблемы торговли людьми, различные способы борьбы с указанными мерзкими преступлениями. В условиях глобализации, как это не парадоксально, данные вопросы еще более актуализируются. Торговля людьми входит в сферу деятельности международной организованной транснациональной преступности. Эффективность борьбы с нею возможно лишь благодаря использованию всех правовых арсеналов (общетеоретических, криминологических, криминалистических, оперативно-розыскных) и организационных мер всего мирового сообщества. Автор показывает усилия Республики Таджикистан в этом направлении.

Интересны предложения исследователя о совершенствовании деятельности в направлении борьбы с торговлей людьми и профилактике данных преступлений. Он ведет речь о необходимости создания новых правовых норм в изучаемой области, модернизации гендерной статистики, разработке других социальных программ и т. д.

Ключевые слова: торговля людьми; рабство; международная преступность; преступные синдикаты; глобализация; экономическая, политическая, культурная интеграция; международное сотрудничество; международно-правовые акты; общеправовые, криминологические, криминалистические, оперативно-розыскные меры борьбы с преступностью.

PIROV M.T.

GLOBALIZATION IN THE MODERN WORLD AND THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The summary. The article discusses arch ancient and current problematic issues associated with human trafficking, various ways of struggle with these disgusting crimes. In the context of globalization, paradoxically, these issues become ever more actual and relevant. Human trafficking is included in the scope of activities of international organized transnational crime. The effectiveness of the struggle with it is possible only through the use of all legal arsenals (general-theoretical, criminological, forensic, operational investigative) and organizational measures of the entire world community. The author shows the efforts of the Republic Tajikistan in this area.

The researcher's proposals for improvement of the activities in the area of combating human trafficking and prevention of these crimes are of certain interest. He concerns the need for creation of new legal norms, modernization of gender statistics, elaboration of other social programs, etc.

Key words: *human trafficking; slavery; international crime; criminal syndicates; globalization; economic, political, cultural integration; international cooperation; international legal acts; general legal, criminological, forensic, operational investigative anticrime measures.*

Глобализация – это объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, который носит системный характер, то есть охватывает все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов [10; 11; 13; 18; 22; 27; 28; 31; 33; 34]. Происходит как увеличение количества общих для групп государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [19]. Не исключением является и сфера преступности.

Увеличение населения земли, рост количества мигрантов, растущая дифференциация среднего уровня жизни в различных странах, упрощение миграционных процедур, развитие межрегионального и межгосударственного трафика, революционное развитие технологий коммуникации, наличие новых точек экономического роста, в том числе в ранее труднодоступных регионах, все это является факторами, способствующими генезису транснациональной преступности.

Одним из наиболее выгодных, а как следствие и распространенных преступных видов деятельности транснациональных преступных синдикатов, является торговля людьми [1; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 12; 14; 15; 16, стр. 131-137; 17, стр. 72-76; 19; 21; 23; 24, стр. 146-151; 25, стр. 105-115; 26; 29; 30; 32].

По данным отдельных международных экспертов, каждый год в руки торговцев людьми попадает до двух миллионов человек. Большинство из них – женщины, которые используются в целях сексуальной эксплуатации, и в меньшей степени – с целью принудительного труда [12].

Торговля людьми запрещена международным сообществом как абсолютное нарушение прав человека. Очевидно, что обсуждение указанных проблем на международном уровне ведется в контексте более широких проблем, таких как организованная и международная преступность. Однако анализ международных договоров в указанной области свидетельствует о чрезвычайном внимании и конкретно к этой проблеме.

Республика Таджикистан как неотъемлемая часть международного сообщества признает незыблемость прав и свобод человека, ратифицировав ряд международных правовых документов. На сегодняшний день одной из острых проблем в области нарушения прав человека является проблема торговли людьми в мире. Правительство Республики Таджикистан озабочено ростом распространения трафика женщин и детей, охватившего большее количество регионов. И эта тенденция наблюдается на всем постсоветском пространстве. Высокий уровень безработицы, трудовая миграция, несовершенство законодательства в сфере защиты прав человека, приводят к тому, что определенные круги под предлогом предоставления новых высокооплачиваемых рабочих мест за рубежом занимаются преступным бизнесом – торговлей людьми. Огромное количество людей становится жертвами обманов, подвергаются жестоким пыткам и унижениям. По оценкам некоторых экспертов ежегодный доход от такой деятельности составляет 9,5 миллиардов долларов. Существуют и другие оценки, согласно которым эта цифра достигает 15 миллиардов долларов. Торговля людьми не знает границ и характерна для государств различного уровня социально-экономического развития. Осознавая важность проблемы, парламент Таджикистана 29 мая 2002 г. ратифицировал резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, принятой 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» [2] и дополнительные протоколы о предотвращении торговли людьми и особенно женщин и детей. В 2003 году при правительстве Республика Таджикистан была создана рабочая группа по исследованию проблемы торговли людьми и ее предотвращению, на основе которой была создана Межведомственная комиссия по борьбе против торговли людьми при Правительстве Республика Таджикистан [6].

Одним из важнейших шагов правительства Республики Таджикистан по решению данной проблемы было внесение изменений и дополнений

в Уголовный кодекс Республика Таджикистан, отражающих уголовно наказуемое деяние за совершение преступлений путем купли и продажи людей. 15 июля 2004 года, принят Закон Республики Таджикистан № 47 «О борьбе против торговли людьми» [8], который определяет правовые и организационные основы системы борьбы против торговли людьми.

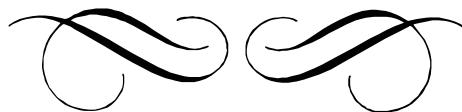
Также были ратифицированы парламентом Республика Таджикистан Конвенция по правам ребенка и Конвенция по ликвидации всех форм дискриминации женщин. Таджикистан одним из первых в Центрально-азиатском регионе признал

существование насилия в отношении женщин и проводит определенную работу по его искоренению. 28 февраля 2006 г. между правительством Республика Таджикистан и представительством Международной организации по миграции был заключен меморандум «О сотрудничестве в борьбе против торговли людьми» [5]. Совершенно очевидно, что назрела необходимость создания новых правовых норм, более четко очерчивающих данную проблему, специальной гендерной статистики, новых социальных программ по гуманному обращению с жертвами торговли людьми.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1957 г. «О ратификации Конвенции ООН об упразднении рабства, работников и институтов и обычай, сходных с рабством» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 8 (875). – Ст. 224.
4. Дополнительная Конвенция ООН об упразднении рабства, работников и институтов и обычай, сходных с рабством. Принята в Женеве 7 сентября 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 8 (875). – Ст. 224.
5. Меморандум между правительством Республики Таджикистан и представительством Международной организации по миграции от 28 февраля 2006 г. «О сотрудничестве в борьбе против торговли людьми» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
6. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 4 января 2004 г. Создана Межведомственная комиссия по борьбе против торговли людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.humanrts.tj/public/userfiles/downloads/reports/UPR_Nacionalnii_otchet.pdf
7. Выдержки из Доклада Государственного департамента о торговле людьми за 2009 год (23 июня 2009 года) Доклад о торговле людьми по Афганистану, Ирану и Таджикистану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.america.gov/st/hr-russian/2009/June/20090623181722xjsnommis0.357052.html>
8. Закон Республики Таджикистан от 15 июля 2004 года № 47 «О борьбе против торговли людьми» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.
9. Абрамова С.Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
10. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и geopolитические проблемы. – М., 1997.
11. Добреньев В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2006.
12. Журавлев С.Ю., Пигаев А.М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования: Научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006.
13. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
14. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008. – № 1.
15. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российской государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.
16. Кудряшова Г.Н., Поляков Д.С. К вопросу о криминологической характеристики лиц, являющихся организаторами похищения несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 131-137.

17. Кушпель Е.В. Проблемы выявления и расследования торговли несовершеннолетними // Вестник криминалистики. Выпуск 1. – М.: Спарк, 2006.
18. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2008.
19. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Логика глобализма // Наш современник. – 2001. – № 11.
20. Мизулина Е.Б. Торговля и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юрист, 2006.
21. Овчинский В.С. ХХI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
22. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдитореал УРСС, 1999.
23. Пиров М.Т. Организация борьбы с торговлей людьми в Республике Таджикистан // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 101-104.
24. Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 146-151.
25. Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 105-115.
26. Пиров М.Т. Торговля людьми и использование рабского труда: специфические особенности расследования преступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7. – С. 98-105.
27. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
28. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
29. Смирнов Г.К. Методика расследования торговли людьми: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
30. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. – М., 2006.
31. Фокуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в ХХI веке / Пер. с анг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006.
32. Шруб М.П. Теоретические и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2006.
33. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: Политико-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
34. Шахрай С.М. Государство и глобализация: Методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.

ФИЗИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И РАЗРЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБНОВЛЯЕТСЯ, НО ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам реформы судебно-правовой системы. В частности идет речь о характеристике крайних правовых новелл, внесенных в последнее время в действующий уголовно-процессуальный закон. Тема представлена с позиции правовой регламентации доказывания по уголовному делу. Тщательно анализируется федеральный закон ФЗ-№ 92 от 4 июля 2003 года «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ». Авторы комментируют положения этого закона, изучают основные его положения, предлагают авторскую интерпретацию основополагающих идей, содержащихся в нем.

Определенное место в работе отведено анализу содержания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 5 марта 2004 г. В статье исследуются и другие нормативно-правовые акты. В заключении авторы приходят к выводу о том, что норма уголовно-процессуального закона о доказывании ждет дальнейшего своего уточнения и нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон; доказывание по уголовному делу; правовая регламентация; реформы судебно-правовой системы; репрессивная юстиция;

состязательность сторон; процессуальные гарантии; судебный контроль; применение правовых норм.

ALEKSANDROV R.A.
KONDRAT I.N.
RETUNSKAYA T.P.

LEGAL REGULATION OF PROOF IS UPDATED BUT PROBLEMS REMAIN

The summary. The article discusses the problems of reform of judicial legal system. In particular it concerns the characteristics of extreme new statutes introduced recently in the current criminal procedure law. The subject is presented from the standpoint of legal regulation of proof in criminal case. A thorough analysis involves the Federal Law ФЗ-№.92 of July 4, 2003, "On the Introduction of Amendments and Additions to RF Criminal Procedure Code". The authors comment on the provisions of this law, offer their own interpretation of the basic ideas contained in it.

A definite place is allocated in the paper for the analysis of the content of the resolution of the Russian Federation Supreme Court Plenum No.1 of March 5, 2004. Besides, the article studies other regulatory legal acts. In closing the authors come to the conclusion that the provisions of the criminal procedure law on proof wait for their further emendation and need to be improved.

Key words: criminal procedure law; proof in criminal case; legal regulation; reforms of judicial legal system; repressive justice; adversarial character of the parties; procedural guarantees; judicial control; application of legal norms.

С момента принятия УПК РФ в него внесено весьма значительное количество дополнений и поправок (в целом более 500), многие из которых направлены на совершенствование доказательственной деятельности. Этим многочисленным изменениям и дополнениям вряд ли следует удивляться. Судебно-правовая реформа в России продолжается [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 26]. Многолетняя законотворческая волокита при подготовке текста нового УПК РФ, длившаяся с 1993 по 2001 гг., была прервана активной, форсированной и кардинальной переработкой имевшегося в Государственной Думе проекта УПК РФ с тем, чтобы, наконец, привести уголовно-процессуальное законодательство России в соответствие с положениями Конституции РФ. Отказ от репрессивной юстиции, построения судопроизводства на основе состязательности сторон, решительное усиление процессуальных гарантii прав обвиняемого и подозреваемого, учреждение широкого по предмету и действенного судебного контроля за досудебным производством привели к появлению принципиально нового уголовно-процессуального закона с ярко выраженной направленностью на защиту

интересов личности. Однако многие предписания УПК РФ для следователей, прокуроров и судей оказались новыми, не встречавшимися на практике, а некоторые вследствие их необычности – несоответствия традиционным представлениям, – непонятными и даже, по их мнению, ошибочными, снижающими эффективность расследования и судебного разбирательства. Естественный результат этого – трудности и ошибки при применении новых законоположений. К тому же прошедшие многочисленные мониторинги и обсуждения практики применения нового УПК РФ наряду с его достоинствами выявили недостатки и противоречия, отмеченные в печати. Опыт применения УПК РФ выяснил новые проблемы, требующие своего решения, и подсказал пути совершенствования в этом направлении норм Кодекса. Это, полагаем, стало причиной принятия ряда законов об изменениях и дополнениях УПК РФ.

Заметной вехой на пути обновления доказательственного права стал Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ». В первую очередь, следует отметить расширение видов доказательств, регламентированных ст. 74 УПК

РФ. Таковыми теперь наряду с прежними признаны заключения и показания специалиста. Согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Показания же специалиста, как сказано в ч. 4 ст. 80 УПК РФ, – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения. Новые законоположения существенно изменяют представления о функциях специалиста и рождают ряд вопросов. Прежде всего, неясно, в какой форме и при каких условиях специалист должен дать свое заключение. Ведь традиционно его статус понимался как статус научно-технического помощника следователя или суда, ограниченный от статуса эксперта. И это вытекает из ч. 1 ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист участвует в процессуальных действиях для содействия следователю в получении доказательств, а также в применении технических средств в исследовании материалов дела, помогает ставить вопросы эксперту, разъясняет сторонам и суду вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию. Противоречиво, как представляется, и само нормативное определение заключения специалиста. Название ст. 80 «Заключение специалиста» означает, как известно, «утверждение, являющееся выводом из чего-нибудь». Содержание же заключения в тексте ч. 3 ст. 80 УПК РФ определено как «суждение по вопросам, поставленным перед специалистом». Но слово «суждение» означает либо сочетание двух понятий (субъекта и предиката), либо опять-таки «мнение, заключение». По-видимому, законодатель употребил слово «суждение» для того, чтобы не допускать тавтологии в содержании ст. 80 УПК РФ. Но и семантически, и фактически, говоря о суждении, новая ч. 3 ст. 80 УПК РФ имеет в виду заключение, т. е. вывод, сделанный в результате исследования каких-либо объектов. Если это так, совершенно неясно, какие именно факты специалист исследует, по чьей инициативе и на основе чего он дает свое заключение, т. е. строит выводы. Не вполне ясным является и определение показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) как сведений, сообщенных им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснений своего мнения. Последняя часть определения – разъяснения –

связана, по-видимому, с разъясняемым, т. е. с заключением специалиста, которое, как отмечено, само по себе недостаточно ясное. Первая же его часть – это, в сущности, показания сведущего свидетеля, как они обрисованы многими исследователями. Полагаем, что именно такая процессуальная форма наиболее соответствует сути сведений, сообщаемых на допросе лицом, обладающим специальными познаниями, ибо в большинстве случаев они сообщают, а также оценивают воспринятую ими лично доказательственную информацию. Следует вообще заметить, что попытки придать суждениям специалиста доказательственное значение предпринимались издавна (постановление Пленума ВС РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 «О соблюдении судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел»). Но законодатель ранее их не поддерживал, видимо, понимая, что этим опасно размыается грань между заключением специалиста и заключением эксперта. Победа этой тенденции вряд ли принесет положительные результаты, но создаст опасность разрушения института экспертизы посредством проведения ее в непроцессуальной форме, что неминуемо повлечет серьезные нарушения прав участников процесса.

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. внес уточнения и дополнения в содержание отдельных доказательств, предусмотренных УПК РФ. Так, перечень предметов, служащих вещественными доказательствами, был дополнен указанием на имущество, деньги и ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем. В этой норме речь идет не об имущественных правах, а об имуществе в узком смысле слова. Дополнение охватывает два вида предметов: первый – предметы, непосредственно изъятые у потерпевших (при краже, грабеже, разбойном нападении и т. д.). Здесь названный вид вещественных доказательств пересекается с подвидом, указанным в УПК РФ, – предметами, на которые были направлены преступные действия (п. 2 ч. 2 ст. 81). Второй вид – ценности, нажитые преступным путем. Здесь речь идет о трансформации имущества, непосредственно добывшего преступлением, в иные формы, прежде всего в ценности, приобретенные за счет реализации имущества первого вида. Следует при этом отметить, что три года спустя Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ п. 2.1 ч. 1 ст. 81

УПК РФ был подвергнут дополнительной корректировке. В новой редакции прежнее основание признание предмета вещественным доказательством, такое как «имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем», получило иную формулировку: «деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления». Причиной появления новой формулировки стало существенное изменение уголовного законодательства – включение в УК РФ новой главы 15.1, названной «Конфискация имущества». Вызванная к жизни стремлением законодателя усилить борьбу с терроризмом и иными опасными преступлениями посредством подрыва их имущественной базы, эта глава предусматривает возможность конфискации имущества, которое было непосредственно добыто совершением преступления либо после этого преобразовано в иную форму, или служило орудием совершения преступления, или использовалось для финансирования деятельности преступных групп, но также и доходов от этого имущества. Последнее, как представляется, трудно уложить в такой вид вещественного доказательства, как имущество, нажитое преступным путем. Однако Федеральный закон от 27 июля 2006 г. это имущество также признает вещественным доказательством, подлежащим конфискации. Дополнив ст. 81 УПК РФ, определяющую судьбу вещественных доказательств, п. 4 ч. 3 этой статьи устанавливает, что имущество подлежит конфискации в порядке, установленном Правительством РФ. Аналогичная расширенная трактовка понятия вещественного доказательства усматривается и из п. 3.1 ст. 82 УПК РФ. В то же время новый п. 4.1 ст. 307 УПК РФ, регламентируя описательно-мотивированную часть обвинительного приговора и упоминая о конфискации названного выше имущества, не определяет его как вещественное доказательство. Что наводит на мысль о том, что речь идет не о специфической «процессуальной конфискации», а о возрождении ранее упраздненной меры уголовного наказания – конфискации имущества. Ввиду сказанного обновленная формулировка ст. 81 УПК РФ не проясняет, на наш взгляд, определения вещественных доказательств и создает трудности при их использовании в целях доказывания. Существенной новеллой Федерального закона от

4 июля 2003 г. является положение о том, что «материалы, содержащие сведения о новом преступлении и выделенные в отдельное производство, допускается в качестве доказательств по данному уголовному делу». Отметим, что речь идет о выделении в отдельное производство не уголовного дела, а «материалов уголовного дела», указывающих на совершение нового преступления. Органу расследования, получившему данные материалы, предстоит определить, содержатся ли в них достаточные данные о признаках преступления, т. е. основания для возбуждения уголовного дела, и принять соответствующее решение. Поэтому не вполне понятно, по какому «данному уголовному делу» они признаются доказательствами.

В литературе уже обращалось внимание на то, что новый УПК РФ не содержит четкого обозначения известных прежнему законодательству приемов доследственной проверки, ограничиваясь упоминанием о необходимости проверки поступивших сообщений и о возможности проведения в стадии возбуждения уголовного дела некоторых следственных действий. Однако выявление достаточных данных о признаках преступления, необходимых для возбуждения уголовного дела, без подобной проверки часто оказывается невозможным, особенно по делам, связанным с учетом и хранением ценностей, их движением и т. д.

Обновленное законодательство существенно усиливает роль адвоката, участничающего в производстве следственных действий, в том числе и при даче показаний свидетелем. Уже закрепленное в УПК РФ право свидетеля пользоваться помощью адвоката стало важной и эффективной мерой, выводящей наш уголовно-процессуальный закон на уровень требований Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Оно приобретает особую значимость, когда в отношении свидетеля применяются акции, которые можно интерпретировать как скрытое проявления уголовного преследования. Но было трудно объяснить, почему адвокат, присутствуя на допросе, не имел, права задавать вопросы свидетелю, комментировать его ответы, а мог лишь заявить о нарушении прав и законных интересов свидетеля. Изменения, внесенные в эту норму, представили адвокату свидетеля все права, которыми располагает защитник обвиняемого и

подозреваемого. Кроме того, конкретизирован и расширен статус самого защитника в случаях, когда он участвует в производстве следственных действий. Новая ч. 2 ст. 53 УПК РФ наделяет защитника правом в рамках оказания помощи подзащитному давать ему в присутствии свидетеля краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемому, а при подписании протокола – делать замечания по поводу правильности и полноты записей. Наделение защитника этими правами превращает его из фактически безгласного понятого в активного участника следственного действия, имеющего возможность предотвратить давление на допрашиваемого.

Предусмотрены серьезные гарантии, обеспечивающие использование в целях доказывания материалов, полученных на досудебном производстве. Некоторые нормы УПК РФ (п. 1 ч. 2 ст. 75, ст. 276) изначально содержали правила, фактически позволявшие стороне защиты в суде устранять из доказывания показания обвиняемого, признавшего свою вину, хотя они были получены органами расследования с соблюдением надлежащей процедуры. На этой основе сложилась ситуация, когда напряженная и плодотворная работа следователей, позволившая с соблюдением закона и с опорой на тактические рекомендации раскрыть преступление, обосновать вину обвиняемого, становилась ненужной и лишенной смысла ввиду того, что «приznательные» показания обвиняемого не могли быть оглашены в суде. При этом оставлялось без внимания то, что даже в США, где сведения, сообщенные обвиняемым, рассматриваются как свидетельские показания, закон и правоприменительная практика признают за ними, в том числе и за признанием вины до суда, значение доказательства, обусловливая такую оценку соблюдением при получении показаний процедуры, подтверждающей добровольность признания, – присутствия адвоката при допросе, соблюдения других гарантий, исключающих давление полиции (правила Миранды в уголовном процессе США). Несмотря на то, что судебная трактовка этой процедуры порой упрощается, а сама она достаточно часто нарушается полицией, принципиального отказа от принятия досудебных признаний в качестве доказательств в судебной практике США все же не наблюдается [22, стр. 21, 45]. Нельзя забывать, что российский

уголовный процесс остается в основе своей смешанным, поскольку предварительное расследование построено в нем в значительной мере на розыскных началах. При такой конструкции сведения, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму, становятся доказательствами, как отмечено ранее, уже на стадии предварительного расследования и по большей части сохраняют это значение в суде. Именно эта мысль получила четкое выражение в Федеральном законе от 4 июля 2003 г. Так, новая редакция п. 3 ч. 4 ст. 47, сохранив за обвиняемым право, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению либо отказаться от дачи показаний, наряду с этим устанавливает: «При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ».

Согласно ч. 1 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний этих лиц в случаях, когда имелись существенные противоречие между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде, а также при неявке их в судебное заседание, ранее допускалось только с согласия сторон. Пользуясь таким правом, сторона защиты получила широкие возможности блокировать, исключать из доказывания показания свидетелей и потерпевших, уличавших обвиняемого. Сознавая неоправданность ограничения прав обвинения, судьи на практике в подобных ситуациях обходили его, оглашая вопреки закону, по ходатайству обвинителя, показания этих лиц, данные на предварительном расследовании. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. устранил эту очевидную несправедливость. Кардинально изменена и возможность оглашения показаний свидетеля и потерпевшего, полученных на предварительном следствии, в случае если в суде они изменили свою позицию и дали показания, существенно противоречащие прежним. Несомненно, что к установлению истины обязаны стремиться органы расследования, но не безразлична она и суду, который, не вставая ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, располагает для ее достижения достаточными полномочиями.

Следует отметить и другие изменения УПК РФ,

связанные с досудебным производством и направленные на преодоление возникающих в ходе доказывания трудностей. Вышеупомянутый Федеральный закон в п. 4 ч. 1 ст. 237 предусмотрел право судьи возвращать с предварительного слушания уголовное дело прокурору. При возвращении прокурору уголовного дела возможно проведение следственного действия, но без восполнения неполноты произведенного расследования, т. е. собирания обвинительных доказательств.

Совершенствованию процедуры проведения следственных действий служит более четкое определение роли и обязанностей участвующих в них эксперта, переводчика и понятых. В дополнениях к ст. 58 – 60 УПК РФ, внесенных Федеральным законом от 4 июля 2003 г., четко обозначено, что эти лица не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора и в суд, а в дополнении к ст. 111 впервые в недвусмысленной форме определено, что в случае неисполнения своих процессуальных обязанностей эти участники могут быть подвергнуты денежному взысканию.

Из вышесказанного видно, что направленность и значение рассмотренных выше изменений и дополнений УПК РФ однозначно определить трудно. Другими нововведениями расширены и укреплены гарантии законных интересов участников процесса, право обвиняемого, подозреваемого на защиту. Задача совершенствования нового по своей идеологии УПК РФ весьма сложна, проверка его практикой правоприменения, несомненно, выявит и новые проблемы. Но уже теперь требуют уточнений и дополнений многие нормы УПК РФ, не способствующие в их нынешнем виде эффективному достижению целей доказывания.

Критической оценки заслуживает также регламентация в УПК РФ следственных действий – основных способов собирания доказательств. В ряде случаев разработчики УПК РФ сознательно упростили процедуру проведения следственных действий и проигнорировали многочисленные разработки ученых, стремившихся повысить их

эффективность. Это касается определения целей следственных действий, от которых в свою очередь зависит выявление оснований их проведения и, в конечном счете, правильный выбор следственного действия. Отсутствие ясного представления о цели следственного действия может привести следователя к необоснованному его проведению, само следственное действие окажется неэффективным, а его результат – недопустимым доказательством. Оценивая подобные упрощенчества, трудно отделаться от мысли, что разработчики нового Кодекса, правильно сосредоточив свои усилия на повышение роли суда в процессе и на укрепление процессуальных гарантий его участников, как бы оттеснили на второй план мысль о том, что эффективное предварительное следствие есть важное условие успешности судебного разбирательства. Ранее уже обращалось внимание на несовершенство формулировки ст. 220 УПК РФ, позволяющей следователю при составлении обвинительного заключения ограничиться лишь «перечнем доказательств» обвинения и защиты. Это привело к появлению противоположных суждений ученых, одни из которых поддерживали ее, а другие критиковали. Противоречащие презумпции невиновности и праву обвиняемого на защиту утверждения о том, что следователь не обязан мотивированно опровергать доводы обвиняемого о своей невиновности, были опровергнуты ВС РФ в постановлении Пленума ВС РФ от 5 марта 2004 г. № 1. Пленум отметил, что перечисление в обвинительном заключении лишь источников доказательств без анализа их содержания нарушает право обвиняемого на защиту, так как лишает его возможности оспорить отдельные доказательства и выработать тактику защиты на судебном следствии. По этим основаниям Пленум посчитал обоснованным возвращения судом дела прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона при составлении обвинительного заключения. Полагаем, что нормы УПК РФ о доказывании ждут дальнейшего уточнения и усовершенствования.

Список литературы

1. Путин В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны (Выступление Президента России на 6 Всероссийском съезде судей) // Судья. – 2005. – № 1.
2. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 97-101.
3. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 75-79.
4. Андрейчук Т.В. Становление и развитие судебной власти (историко-правовая ретроспектива) // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 65-68.
5. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №2. – С. 67-71.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
7. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
8. Антонова Л.Г., Виноградов М.Ю., Кондрат И.Н., Рытъкова В.Ю. Элементы процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 148-152.
9. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
10. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. 1990 – 1996 гг. – М.: НИИ ПУЗиП, 1997.
11. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
12. Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. – 2001. – №10. – С. 21-27.
13. Войтович Л.В. Реформа гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы в контексте становления гражданского общества // Власть и право в современной России: социо-гуманитарный контекст: Сб. ст. по матер. межвуз. науч.-практ. кон. 17 ноября 2011 г. / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередько. – СПб., 2011. – С. 105-111.
14. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
15. Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Тарайко В.И. Прокуратура сегодня: цели, задачи и функции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 127-130.
16. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
17. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
18. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
19. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2004.
20. Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. – М.: Юрлитинформ, 2007.
21. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
22. Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство США. – М., 1972.
23. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
24. Проблемы развития судебной системы: российский и мировой опыт решения: Сб. ст. по матер. всерос. науч.-практ. кон. 13 октября 2011 г. / Под ред. В.П. Очередько. – СПб., 2011.
25. Савенков А.Н. Противодействия коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2012. – №1(41). – С. 14-34.
26. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
27. Судебная власть / Под ред. Л.И. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2003.

ЗОИРОВ Сухроб Джурахонович,
следователь Следственного отделения Отдела
внутренних дел-1 по району Рудаки МВД
Республики Таджикистан,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-
Петербургского университета МВД России
E-mail: zoiroff-sd@gmail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ПРОВЕДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНЕ

Аннотация. В статье, на базе изучения конкретных уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, рассматриваются конкретные следственные действия, направленные на обеспечение эффективности расследования. Проблема представлена с криминалистических позиций. Анализируются различные криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений. Изучаются наиболее характерные ошибки и просчеты следователя, намечаются пути их устранения и недопущения.

Предлагается опыт следственной деятельности в анализируемом направлении, сложившейся в следственных подразделениях России и Таджикистана.

Ключевые слова: уголовное дело; следственные действия; расследование преступлений; незаконный оборот наркотических средств; частные методики расследования; достаточные доказательства; типичные ошибки.

ZOIROV S.D.

CONDUCTING PARTICULAR INVESTIGATIVE ACTIONS FOR CRIMINAL CASES OF OFFENCES IN THE AREA OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IN RUSSIA AND TAJIKISTAN

The summary. The article, based on the study of specific criminal cases of offences in the area of illegal drug trafficking, considers particular investigative actions aimed at ensuring the effectiveness of the investigation. The issue is presented from forensic standpoints. Various criminalistic techniques for investigation of individual crimes are analyzed. The most typical mistakes and errors of the investigator are studied; the ways to eliminate and prevent them are outlined.

The paper offers the investigative experience in the analyzed area which has been developed in investigative forces of Russia and Tajikistan.

Key words: criminal case; investigative actions; investigation of crimes; illegal drug trafficking; specific investigation techniques; sufficient evidence; typical mistakes

Предварительное расследование уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота

наркотических средств – трудоемкий процесс, требующий от следователя глубоких знаний

криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, соблюдения законных прав и интересов граждан, творческого подхода к организации и проведению следственных действий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. В уголовно-процессуальной деятельности следователей, в первую очередь, необходимо выделить требования по подготовке постановления о привлечении в качестве обвиняемого, которое определяет не только общее направление дальнейшего расследования, но и непосредственно влияет на принятие других процессуальных решений. Объем предъявленного следователем обвинения определяет пределы судебного разбирательства уголовного дела.

Анализ следственной практики в Российской Федерации и в Республике Таджикистан свидетельствует о том, что в деятельности следователей органов внутренних дел указанных государств продолжают иметь место схожие факты нарушений уголовных и уголовно-процессуальных норм при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Вышеуказанное нередко влечет за собой возвращение прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования, а порой и вынесение судами оправдательных приговоров.

Процедура предъявления обвинения следователями в Российской Федерации регламентирована ст.ст. 171-175 УПК РФ, в соответствии с которыми постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого должно содержать: описание преступления с указанием времени, места, способа совершения, виновности лица, формы вины, мотивов и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, а также квалификацию совершенного преступления.

В Республике Таджикистан в соответствии со ст.ст. 221-222 УПК РТ, следователь при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения в совершении преступления выносит мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. В данном постановлении, как и в следственной практике Российской Федерации, дается описание инкриминируемого обвиняемому преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со статьей 69 УПК РТ, а также указывается уголовный закон (статья, часть,

пункт), предусматривающий ответственность за данное преступление.

Описательная часть указанного постановления должна быть мотивированной и содержать изложение следователем конкретных фактических обстоятельств преступления, составляющих его объективную сторону и обосновывающих вывод о наличии состава преступления и его квалификации (всех существующих признаков данного состава преступления). Неконкретность обвинения может повлечь вынесение судом оправдательного приговора.

Типичной ошибкой является употребление в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого шаблонных фраз о том, что обвиняемый в неустановленное время, в неустановленном месте, у неустановленного лица приобрел определенное количество наркотических средств. Подобная формулировка означает, что фактически лицо обвиняется в преступлении, объективная сторона которого не установлена. Это порождает неустранимые в ходе судебного разбирательства сомнения в виновности подсудимого, а в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства и Российской Федерации и Республики Таджикистан, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Поскольку нормы, содержащиеся в ст.ст. 228, 228.1 УК РФ и, соответственно, в ст.ст. 200, 201 УК РТ, носят бланкетный характер, следователю для описания состава преступления в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого необходимо раскрывать термин «незаконно» путем ссылок на нормативные правовые акты, регулирующие режим оборота наркотических средств.

В одном уголовном деле, из числа изученных автором, было неправильно указано наименование наркотического средства в описательно-мотивировочной части постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Также в ходе изучения и обобщения следственной практики в ряде случаев было выявлено несоответствие анкетных данных обвиняемых их паспортным данным.

Иногда допускались ошибки в названии изъятого наркотика, или приводились несуществующие термины.

Проведенный автором собственный анализ уголовных дел о преступлениях в сфере

незаконного оборота наркотических средств позволяет сделать некоторые выводы и обобщения.

Во-первых, структура постановления о привлечении в качестве обвиняемого и требования к содержанию указанного документа в следственной практике Российской Федерации и Республике Таджикистан совпадают практически полностью.

Во-вторых, при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователи и в Российской Федерации, и в республике Таджикистан допускают практически одинаковые ошибки и недостатки.

В-третьих, роль руководителей органов предварительного следствия Российской Федерации в процессуальном и ведомственном контроле при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств на этапе предъявления обвинения значительно выше, чем у аналогичных руководителей в республике Таджикистан. По нашему мнению, не принижая значения процессуальной независимости и самостоятельности следователей, начальникам следственных подразделений Республики Таджикистан целесообразно использовать положительный опыт их коллег в Российской Федерации и, на основании вышесказанного, рекомендуется регулярно проверять и редактировать проекты постановлений о привлечении в качестве обвиняемого в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. При этом, стоит обращать внимание как на соответствие указанных постановлений материалам уголовного дела, так и на устранение технических ошибок.

И наконец, в органах предварительного следствия обоих государств наработана по уголовным делам данной категории практика составления постановлений о привлечении лица в качестве обвиняемого. На наш взгляд, в описательной части постановления можно использовать следующие выражения:

«Иванов И.И., имея корыстный умысел, направленный на получение материальной выгоды...»;

«в этот же день, реализуя свой преступный умысел, направленный на сбыт наркотического средства»;

«указанное количество наркотического средства незаконно хранил до ...2010 года в

тайнике, заранее оборудованном на кухне квартиры №.. дома №.., расположенного по ул. ... г. Энска»; «являющегося согласно заключению химической судебной экспертизы от ... 2010 года №.. смесью, содержащей геронин (диацетилморфин), оборот которого в (название государства) запрещен постановлением Правительства (указать какого государства, название постановления и срок принятия)».

Автором были тщательно изучены материала 50 уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного оборота наркотических средств и возвращенных на дополнительное расследование в Республике Таджикистан. Большинство из них возвращались по основаниям, связанным с необоснованностью обвинения. Изучение следственной и судебной практики, а также проведенные беседы с сотрудниками правоохранительных органов (следователями, работниками прокуратуры, судьями) позволило сделать вывод о типичных ошибках, допускаемых следователями при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств в Республике Таджикистан при оценке доказательств.

Во-первых, стоит отметить недостатки доказательственной базы, положенной в основу обвинения:

- в некоторых случаях изъятие наркотического средства проводилось без участия понятых, сразу на месте задержания подозреваемого (таким образом понятые не видели сам факт изъятия у задержанного наркотического средства);
- подозреваемый в момент задержания успевал избавиться от наркотического средства, которое в дальнейшем изымалось не у самого преступника, а рядом с ним.

Во-вторых, не соблюдались требования обоснованности обвинения. Виновность лица считалась доказанной признательными показаниями обвиняемого. При этом следователи не уделяли внимания сбору иных доказательств. В дальнейшем, в ходе судебного разбирательства обвиняемый отказывался от своих ранее данных показаний, и возникали проблемы с полнотой доказательственной базы.

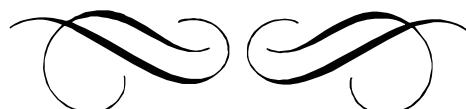
В-третьих, зачастую происходила недооценка показаний подозреваемого, что не позволяло воссоздать четкую картину преступной деятельности.

И наконец, в большинстве случаев возвращения уголовных дел на дополнительное расследование следователем не прогнозировалось возможное изменение показаний обвиняемого в суде.

Однако все вышеперечисленные недостатки можно было заранее предотвратить. Достаточно всего лишь по максимуму расширить диапазон сбора доказательств в каждом отдельном случае.

Список литературы

1. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности России. – М., 2006.
2. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
3. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
4. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – №3. – С. 28-30.
5. Антонян Ю.М., Князев В.В. Борьба с незаконным оборотом наркотиков за рубежом. – М., 1999.
6. Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. – Казань, 1999.
7. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ). – СПб., 1999.
8. Верещагин В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации / Под ред. Л.М. Исаевой. – М., 2005.
9. Всемирный Доклад ООН о наркотиках за 2010 год // Наркоконтроль. – 2010. – №3. – С. 26-34.
10. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
11. Зоиров С.Д. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №7. – С. 133-141.
12. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 134-140.
13. Зоиров С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств в Таджикистане и России: сравнительно-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 35-38.
14. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. – 2008. – №3.
15. Наркотики в России: преступления и расследование / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.
16. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002.
17. Роганов С.А. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
18. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конференция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – №4. – С. 37-44.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Правовое поле современной экономики» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.

4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].
- в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Ресурсный потенциал и совокупные затраты как экономические категории и проблемы их исследования на современном этапе – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 29 с.

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышенназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Правовое поле современной экономики»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru

www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40504

от 01 июля 2010 г.

Название

Правовое поле современной экономики

Адрес редакции

198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения

журнал

Язык(и) русский

Территория распространения

Российская Федерация

Учредитель (соучредители)

Общество с ограниченной

ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

**Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций**

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017619

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ»**

2012, № 7

Подписано в печать 20.06.2012. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
